

Грачев С.И.

**Терроризм и контртеррористическая
деятельность: вопросы теории**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

Грачев С.И.

**Терроризм и контртеррористическая деятельность:
вопросы теории**

Учебное пособие

г. Нижний Новгород,
2010

УДК 343.6
ББК 67-91
Г-78

Под общей редакцией
О.А. Колобова – заслуженного деятеля науки России, академика РАЕН

Научный редактор
А.А. Корнилов - доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:
Д.Г. Балувев - доктор политических наук, профессор;
В.Ф. Щербаков- доктор юридических наук, профессор,
генерал-полковник милиции;
О.О. Хохлышева - доктор исторических наук, профессор

Г-78 Грачев С.И.
Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории.
(Учебное пособие)/Электронная версия./ Под общей редакцией академика
О.А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ им. Н.И.
Лобачевского, 2010. – 242 с.

В учебном пособии рассматривается состояние терроризма в мире, его стратегия и тактика, виды и формы терроризма. Важное место отводится мониторингу и анализу природы, сущности, закономерностям развития, причинам, тенденциям и негативным последствиям терроризма. Оно содержит оригинальный фактологический материал и теоретические положения, предназначенные слушателям специальной программы по контртерроризму НАК РФ в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

ISBN

ББК 67-91

© С.И. Грачев, 2010

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Определяющие, правовые и международные характеристики терроризма.....	8
ГЛАВА 2. Детерминирующая основа современного терроризма.....	27
ГЛАВА 3. Варианты классификации терроризма на базе признаков и оснований.....	37
ГЛАВА 4. Градация международного терроризма по видам.....	50
ГЛАВА 5. Характеристика наиболее распространенных форм терроризма и определение последствий их применения.....	81
ГЛАВА 6. Похищение людей и захват заложников.....	131
ГЛАВА 7. Технологический терроризм. Использование ядерных, химических, бактериологических компонентов и технологических особенностей объектов при совершении актов терроризма	178
ГЛАВА 8. Главные тенденции терроризма в современном мире.....	209
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	227
ПРИМЕЧАНИЯ.....	229
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	239
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ.....	242

ВВЕДЕНИЕ

Терроризм относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Террористические акты чаще всего приводят к массовым человеческим жертвам, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, создают ситуации для зарождения вражды между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения.

Терроризм сеет страх и формирует чувство грозной опасности в большей степени, чем другие формы насилия. Террористы наносят удары по невинным жителям без разбора и предупреждения. По признанию посла-координатора по борьбе с терроризмом Госдепартамента США Уилкокка, правительства многих стран, в том числе и США, могут защитить себя от других форм насилия, но чувствуют себя беззащитными перед лицом террористов [1]. Террористы знают это и прибегают к запугиванию, чтобы реализовать свои политические планы. Убийство – лишь средство достижения этих целей. Путем создания атмосферы страха и паники террористы пытаются выторговать уступки, ослабить или дискредитировать власть, продемонстрировав ее неспособность защитить своих граждан.

Для отдельных людей, групп, организаций и даже государств терроризм стал лишь просто способом решения проблем – политических, национальных, религиозных, субъективно-личностных, корыстных и т.п. К нему сейчас особенно часто прибегают те, кто иным путем не может удовлетворить свое алчное влечение к власти, дорваться до материальных благ, достичь успеха законным путем, в открытом соперничестве, например в деле утверждения или отстаивания национальной независимости. Не случайно иногда утверждают, что терроризм есть оружие малых народов, но скорее это оружие «маленьких» в нравственном смысле людей. Для многих терроризм есть способ реализации бредовых идей переустройства мира и всеобщего счастья. Причем террористы существуют и в развитых странах с большим духовным потенциалом и традициями, и в малоразвитых. К тому же терроризм давно вышел за национальные рамки, приобрел международный характер. И сейчас это преступное явление просто нецелесообразно делить на международный и внутригосударственный терроризм. Он, в основной своей преступной посылке, един и неделим как для отдельного государства, так и для международного сообщества в целом.

Конец XX – начало XXI века ознаменовались существенными изменениями в средствах и способах осуществления террористических акций. Вследствие вовлечения в боевые организации некоторой части высокопрофессиональной и высокоэрудированной интеллигенции на службу терроризму поставлены самые современные высокие технологии. В связи с этим возросла угроза производства и применения во время терактов оружия массового поражения. Объектом воздействия террористов стали не только политический, военный и экономический потенциалы страны, но и управленческая и информационная сфера.

Наибольшую опасность в современных условиях представляет технологический терроризм с возможным использованием расщепляющихся ядерных материалов, биологического и химического оружия. Технологизация общества привела к росту опасности террористических актов. На объектах промышленности, транспорта возникла угроза применения террористами мер провоцирования экологических катастроф. К сожалению, события конца XX – начала XXI века значительно расширили границы возможного ущерба от различных видов террористической деятельности. Сегодня все государства мира признают, что терроризм превратился в глобальную угрозу, нейтрализовать которую мировое сообщество пока не готово. Террористические организации мобилизовали мощные финансовые, духовные и технические ресурсы.

Кроме того, современный терроризм отошел от традиционной формулы: лучше, если как можно больше людей испугается, чем погибнет. Многие экстремистские организации пошли по другому пути: пусть как можно больше людей испугается и как можно больше людей погибнет [2]. Вследствие этого ныне главной угрозой со стороны террористов является угроза жизни и безопасности людей.

По всему становится ясно, что терроризму действительно суждено быть новой формой войны XXI века, а возможно, и всего третьего тысячелетия нашей эры. У него, как и всякой военной деятельности, есть свои общие и индивидуальные свойства. У него есть причины – явные и тайные. Есть, наконец, выигравшие и проигравшие. Он очень эффективен как самое современное средство воздействия на большие сообщества людей, не только за счет страха, но и в экономике, информации и политике.

Современный терроризм как социальное явление в целом изучен достаточно слабо. В научной литературе нашли отражение отдельные (в ряде случаев достаточно удачные, на наш взгляд) попытки отечественных и зарубежных исследователей взглянуть на терроризм как явление, вызванное глобализацией, обострившей межэтнические, конфессиональные, экономические и политические противоречия. Возможно, одной из

главных причин «оживления» террористической деятельности в мире являются противоречия в интересах различных социальных групп, общностей, этносов.

Сложность такого социально-политического явления, как терроризм, обуславливает к тому же потребность более чувствительного политологического анализа и соответствующих политических реакций. Исходя из этого, феномен терроризма пытались и пытаются осмыслить представители самых разнообразных дисциплин: социологии, политологии, психологии, юриспруденции, истории и др. В политологических исследованиях сложилась определенная методология анализа терроризма, просматривается культурный контекст и междисциплинарный характер этого непростого социально-политического феномена.

Предлагаемая работа посвящена современному состоянию терроризма в мире, его стратегии и тактике, характеристике наиболее опасных видов терроризма, обобщению и анализу типологизации и тенденциям терроризма. Особое место в работе занимает определение понятия терроризма. Этот вопрос до настоящего времени относится к тем государственным и международным проблемам, решение которых имеет исключительное практическое значение. Кроме того, невозможно предупредить, а тем более победить никакое преступное деяние, в том числе и терроризм, не изучив его природу, сущность, закономерности развития, причины, цели, задачи, тенденции и негативные последствия. Особое внимание уделено характеристике наиболее распространенных форм терроризма. При этом следует помнить, что предлагаемое в настоящей работе деление терроризма на формы (как и любая другая классификация) носит в известной мере условный характер. И все-таки выделение конкретных форм терроризма необходимо для придания большей целенаправленности и системности научным исследованиям, оперативной, правоприменительной и административной деятельности в этой области.

Следует особо отметить, что в данном пособии, на основе мониторинга, обобщения и анализа теоретических посылок и оперативной и следственной практики специальных служб и правоохранительных органов России и других стран такого преступного явления, как терроризм, предлагаются: определенная научная, понятийная и прикладная базы для дальнейшего детального изучения, обобщения вопросов терроризма; рекомендации в системе анти- и контртерроризма.

Глава 1.

Определяющие, правовые и международные характеристики терроризма.

Определение терроризма относится к тем государственным и международным проблемам, решение которых имеет исключительное практическое значение. Это в достаточной мере осознается общественностью, политическими деятелями, учеными и, конечно же, сотрудниками специальных служб и правоохранительных органов различных государств независимо от их политического, общественного и экономического устройства. Подтверждением этому являются выводы участников V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1975 г.), в которых отмечалось, что трудно дать более или менее точное определение терроризма.

1.1. Определяющие характеристики терроризма в материалах зарубежных и отечественных исследователей явления.

В русском языке значительное время существуют понятия «террор», «терроризм», «террористический акт», и во второй половине XX века появились понятия «международный терроризм», «террористический акт международного характера», «государственный терроризм», «транснациональный терроризм». В толковом словаре В.И. Даля подчеркивается нацеленность терроризма – устрасить смертью, насилием [1]. С.И. Ожегов в своем словаре уточняет: «Террор – физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам» [2]. Такое уточнение неоправданно сужает понятие терроризма, если его относить только к политическим противникам. Выходит, что если виновный осуществил насилие из политических мотивов в отношении не политических противников, а, например, «простых» граждан, то такие действия нельзя отнести к терроризму [3]. В словаре иностранных слов (под ред. И.В. Лехина и др.) террор определяется как применение насилия вплоть до физического уничтожения противника. Терроризировать – трактуется, как преследовать, устрасять насилиями и репрессиями. Далее, террорист есть участник террористических актов, террористический – свойственный террору, внушающий ужас, страх [4]. По мнению ученого-терролога К.Н. Салимова (чью точку зрения по этому вопросу мы полностью разделяем), трактовка анализируемых понятий, даваемая В.И. Далем, И.В. Лехиным, является наиболее полной и точной. Мнение же С.И. Ожегова

излишне политизировано, что объясняется, возможно, той историко-политической обстановкой, в которой готовился словарь [5].

В настоящее время практически отсутствует универсальное определение понятия терроризма и производных от него видов – национального (внутреннего) и международного, признанных мировым сообществом государств. И это несмотря на то, что учеными-террологами, правительственными и неправительственными, но очень заинтересованными в этом организациями только на рубеже 90-х годов прошлого столетия в отношении международного терроризма было предложено до двухсот вариантов определений. К сожалению, и в наши дни ни одна из огромного количества дефиниций терроризма не может претендовать на отражение всей полноты его сущности, его характеристик и мотиваций, форм и методов, и, соответственно, ни одно из них не может быть признано классическим. Вместе с тем каждое из определений имеет право на существование, так как раскрывает конкретные значимые черты терроризма.

Известный как в нашей стране, так и за рубежом исследователь терроризма Ю.И. Авдеев отмечает, что в мировой науке существует два основных подхода к понятию «терроризм». Биологический подход объясняет это явление некой «насильственной» сущностью человека, «естественным» стремлением людей угрожать интересам других и использовать любые доступные средства для достижения своих целей. Социальный подход основывается на определяющем значении социальных процессов, хотя и характеризуется большим разнообразием оценок роли и механизма влияния тех или иных социальных факторов, обуславливающих террористическую деятельность. Он является преобладающим среди различных подходов к объяснению природы и формулированию понятий терроризма [6].

Экс-генеральный прокурор России В.В. Устинов в своей аналитической работе по проблемам терроризма отмечал, что «главная особенность терроризма как формы политического насилия заключается в намеренном игнорировании норм права и морали». То есть как социально-политическое явление терроризм (в том числе международный) – одна из форм насильственной политической борьбы, которая нарушает основные принципы и нормы международного права и международной морали [7]. Таким образом, по совокупности организационно-тактических характеристик терроризм – это насилие, носящее системный, наступательный и массовый характер, использующее тактику непредсказуемых атак с целью нагнетания страха и отличающееся бивалентностью объекта воздействия, различными способами действий.

Начиная с 70-годов двадцатого века на различных национальных симпозиумах и конференциях часто упоминаются определения понятия «терроризм», которые приводились специалистами-террологами в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН в 1976 году. В частности, известный специалист по вопросам борьбы с терроризмом Э. Аречага определил терроризм как акты, сами по себе являющиеся традиционными формами общеуголовных преступлений, но совершаемые преднамеренно с целью вызвать панику, беспорядок и террор в организованном обществе, разрушить общественный порядок, парализовать противодействие террору со стороны общественных сил и интенсифицировать беды и страдания общества. Его коллега Р. Арон предложил акт данного рода насилия рассматривать как террористический в том случае, когда его психологический эффект обратно пропорционален его истинным физическим результатам [8].

В сборнике статей «Международный терроризм и всемирная безопасность», подготовленном учеными различных стран, под терроризмом понимаются: угроза насилия, индивидуальные акты насилия или кампания насилия, ставящие своей целью в первую очередь внушить страх – терроризировать [9].

Бывший директор ЦРУ У. Колби считает, что терроризм – это тактика неразборчивого насилия, используемая против невинных свидетелей в политических целях. Эта тактика насилия не должна смешиваться с избирательным использованием насилия против символов и институтов оспариваемой (спорной) власти, что, к сожалению, по мнению Колби, является нормой международной жизни [10]. Профессор международного права А. Рубин (США), полностью разделяя точку зрения У. Колби, добавляет при этом, что такого рода террористические акты совершаются в мирное время [11].

Дж. Буш, будучи вице-президентом США, в докладе межведомственной комиссии по борьбе с терроризмом сформулировал следующее его определение: «Терроризм – это противоправное использование и угроза использования насилия против лиц или объектов для достижения политических или социальных целей. Обычно он направлен на запугивание или принуждение правительства, групп или отдельных лиц для изменения их политики или действий». Одно из самых распространенных определений предложено американскими исследователями В. Малисоном и С. Малисоном, согласно ему терроризм – это «систематическое использование крайнего насилия и угрозы насилия для достижения публичных и социальных целей» [12].

Один из ведущих мировых террологов У. Лакер полагает, что терроризм есть применение негосударственного насилия или угроза насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить и даже свергнуть должностных лиц и внести политические изменения. А его коллега Т. Герцог относит к терроризму применение или угрозу применения насилия частными лицами по политическим мотивам в рамках определенной политической стратегии с целью оказания психического воздействия [13].

Известный американский аналитик, занимающийся проблемами терроризма, Брюс Хоффман, размышляя о дефиниции терроризма, заключает: «В сущности, любое открытое проявление насилия, расцененное обществом как антисоциальное, не важно, проведено ли оно настроенными против правительства диссидентами или самим правительством, преступными группировками или отдельными преступными лицами, учиняющей беспорядки толпой или вооруженными террористами, лицами с психическими отклонениями или вымогателями, – называется террором» [14].

Израильский специалист в области терроризма Боаз Ганор приводит свой вариант определения терроризма: «Терроризм – это интенсивное применение или угроза применения насилия против гражданских лиц или гражданских целей с целью достижения политических целей». Суть этой дефиниции заключается в объединении трех признаков, без которых насилие не может быть признано терроризмом: во-первых, насильственный акт или угроза его применения (психологический фактор воздействия на объект); во-вторых, цель террористического акта всегда и исключительно носит политический характер; в-третьих, мишенями террористов являются гражданские лица, что отличает терроризм от иных видов политического насилия, например партизанской войны [15].

Российский ученый С.М. Ермаков, давая определение терроризма как сложного социально-политического явления, отмечает, что «это не просто инструмент достижения (политических) целей, а именно сама целенаправленная политика опоры исключительно на террористические методы и приемы». Эту позицию разделяют многие отечественные и зарубежные ученые, предметом изучения которых является терроризм и борьба с ним [16].

Профессор Ю.И. Авдеев определяет терроризм «как систему использования насилия для достижения политических целей посредством принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, государственных и общественных деятелей, отдельных граждан или их групп к совершению тех или иных действий в пользу террористов во избежание реализации

последними угроз по отношению к определенным лицам и группам, а также к объектам жизнеобеспечения общества, источникам повышенной опасности для людей и окружающей среды» [17].

Весьма интересно, на наш взгляд, содержание термина «терроризм» раскрывается немецким криминалистом Пфаль-Траубергом через составляющие элементы терроризма. Пфаль-Трауберг считает, что обязательными компонентами терроризма являются: наличие политической цели, целенаправленное применение насилия для устрашения, наличие организационной структуры, общественная изоляция субъектов террористической деятельности [18]. К этим компонентам необходимо добавить двойственность объекта террористического воздействия. Эта двойственность заключается в том, что объектом непосредственного воздействия террористов являются материальные объекты, некоторые категории граждан, определяемые по политическому, социальному, национальному, религиозному или иному принципу, либо заранее конкретно не определенные, случайные люди, а объектом опосредованного воздействия террористов могут быть конституционный строй, территориальная целостность, порядок управления, экономическая мощь, статус национально-этнической группы. Политическая цель и двойственность объекта террористического воздействия – это два ключевых компонента, которые отличают терроризм от действий представителей организованной преступности и иных проявлений насилия.

1.2. Определение терроризма в законодательствах различных государств и неправительственных организаций. Обзорный аспект.

Резко возросший практический интерес к проблеме терроризма в начале 21 века, особенно после событий 11 сентября 2001 г. заставил влиятельнейший американский Совет по внешней политике учредить особый web-сайт, который можно назвать «ликбезом» в области терроризма, где ведущие специалисты в доступной форме пытаются донести сущность рассматриваемого явления. Указывая на сложность выработки универсального определения, эксперты сходятся на том, что террористическое явление должно неизбежно включать четыре компонента.

Во-первых, акция, квалифицируемая как террористическая, должна быть спланирована заранее, а не иметь спорадический характер.

Во-вторых, должна присутствовать политическая составляющая, что позволяет дифференцировать террористические акты и криминальные разборки.

В-третьих, подобная акция должна быть направлена преимущественно против гражданских лиц, а не против комбатантов.

В-четвертых, осуществляется подобная акция «неправительственными» организациями, а не военными либо иными силовыми государственными структурами.

Необходимо отметить, что реальная политико-правовая практика различных государств, отличающихся в своих подходах к пониманию терроризма, кроме прочего, также затрудняет этот процесс, привнося в него субъективный фактор государственных интересов на внутривнутриполитическом, региональном (межгосударственном) и геополитическом уровне. Это обстоятельство вынуждает на данном этапе идти по пути формулирования определения терроризма в рамках национального законодательства при последующем согласовании с понятийным аппаратом международного права.

Темпы выработки дефиниций термина «терроризм» и их закрепления в национальном законодательстве во многом зависят от того, как давно отдельные государства столкнулись с проблемой терроризма, и сколь далеко зашло это противостояние между властными структурами и обществом, с одной стороны, и террористическими группами – с другой.

Краткий анализ антитеррористического законодательства ряда стран позволяет отметить некоторую схожесть в определениях терроризма.

Так при разработке ежегодных докладов о терроризме госдепартамент США уже довольно-таки длительный период опирался на определение понятия «терроризм», выработанное ЦРУ в 80-е годы, где: «Терроризм – это угроза применения или применение насилия в политических целях отдельными лицами или группами лиц, действующими за или против существующего в данной стране правительства, когда такие действия направлены на то, чтобы нанести удар или запугать более многочисленную группу, чем непосредственная жертва, в отношении которой применяется насилие» [19].

Закон по борьбе с терроризмом С-36, принятый Канадой в декабре 2001 г., впервые в истории канадской юстиции определяет, что терроризм – это «деятельность, преследующая политические, религиозные или идеологические цели. Она угрожает общественной безопасности, так как вызывает гибель людей, наносит им физические увечья и создает опасные условия для жизни человека» [20].

Принятый в Турции в 1991 г. закон «О борьбе с терроризмом», трактует терроризм как «различного рода деятельность, проводимая одним человеком или

группой лиц, являющихся членами организаций, которые при помощи одного из методов насилия... ставят своей целью изменение политического, правового, социального и экономического устройства» [21].

Перуанский законодатель под терроризмом понимает «провоцирование, создание или поддержание страха у населения либо его части; действия, способные нанести ущерб или серьезно нарушить общественное спокойствие или повлиять на международные отношения или безопасность общества и государства» (из нормативного акта № 25475 «Преступления, связанные с терроризмом») [22].

20-й раздел британского закона о предотвращении терроризма, принятого в 1989 г., гласит, что терроризмом является «...использование насилия в политических целях, включая любое использование насилия с целью ввергнуть общество или какой-либо сегмент общества в страх» [23]. Это определение носит в целом общий характер, но указывает на три важных признака терроризма: использование насильственных методов; преследуемые им политические цели; оказание психологического воздействия на общество.

Еще в 1948 г. Временный государственный совет Израиля издал указ «О предотвращении терроризма», в котором к разряду террористических организаций относились «группы людей, применяющие насильственные действия».

В Италии был принят закон № 191 от 18.05.1978 г., в котором в самом общем виде терроризм определяется как систематическое применение насилия против личности и имущества в целях создания во всем обществе или его части напряжения и неконтролируемого страха для достижения определенного политического результата [24].

Сходные положения содержатся в законодательстве целого ряда стран. Практически во всех странах терроризм законодательством отнесен к категории особо опасных (часто государственных) преступлений и карается жестко и жестоко (длительные сроки тюремного заключения, вплоть до пожизненного, либо смертная казнь). Дела о терроризме имеют особый порядок рассмотрения в судах. Например, в такой демократичной стране, как Великобритания, отменено право на ведение таких дел в суде присяжных. И более того, для террористов отменена презумпция невиновности, ибо любое лицо, обвиняемое в принадлежности к терроризму, в случае обнаружения у него оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств обязано само доказывать, что эти предметы не предполагалось использовать для совершения акций терроризма. Однако далеко не всегда даже такие суровые наказания способны снизить террористическую угрозу,

что лишний раз доказывает необходимость искоренения причин, порождающих терроризм, и возвышает приоритет профилактических, а не карательных мер.

Российский законодатель в 1994 году предложил определить терроризм как: «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угрозы совершения указанных действий в тех же целях». Необходимо отметить, что до 1994 года Уголовным кодексом РСФСР не предусматривалось наказание за такое преступление, как терроризм (не следует путать со ст. 66 – «Террористический акт» и ст. 67 – «Террористический акт против представителя иностранного государства», которые имели место быть в УК РСФСР).

25 июля 1998 года законодатель издал Федеральный закон Российской Федерации № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», который содержит статью 3, где развернуто обозначена дефиниция терроризма: «Терроризм – насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества или других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или политического деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений». Применительно к данному закону важно и то, что в той же статье российский законодатель раскрывает понятие международной террористической деятельности.

10 марта 2006 года был принят Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Статья 3 обозначила, что

«терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Следует отметить, что с момента публикации закона № 35-ФЗ утратил свою силу Федеральный закон от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом». А значит, и основополагающим законодательным определением терроризма для российских граждан, включая и соответствующие органы Российской Федерации, является дефиниция терроризма, обозначенная в законе № 35-ФЗ.

На международном уровне также прилагаются усилия по выработке емкого и приемлемого для всех сторон определения термина «терроризм». В частности, в 1989 г. НАТО выделило ряд параметров, которые характеризуют терроризма: «Убийство, похищение, поджог и прочие незаконные насильственные действия расцениваются как преступление» [25].

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. (вступившая в силу для Российской Федерации 29 марта 2003 года) обозначает терроризм как деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон.

Следует особо выделить, как наиболее удачное, определение терроризма, которое было зафиксировано в статье 1 Договора о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (договор был подписан в Минске 4 июня 1999 г.). Статья отмечает, что терроризм – противоправное, уголовно наказуемое деяние, совершенное в целях нарушения общественной безопасности, оказания воздействия на принятие органами власти решений, устрашения населения, проявляющееся в виде:

- насилия или угрозы его применения в отношении физических или юридических лиц;
- уничтожения (повреждения) или угрозы уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающих опасность гибели людей;
- причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных общественно опасных последствий;
- посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенного для прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;
- нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные помещения или транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой;
- иных деяний, подпадающих под понятие террористических в соответствии с национальным законодательством сторон, а также иными общепризнанными международно-правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом [26].

Все вышесказанное позволяет констатировать, что в сфере борьбы с терроризмом позиции отдельных государств постепенно сближаются. Нетрудно в этой связи спрогнозировать перспективу сближения национальных антитеррористических законодательств вплоть до выработки единых и обязательных для всех государств международных правовых антитеррористических актов. Однако было бы нецелесообразно форсировать этот сложный, а потому требующий значительных усилий и времени процесс. Следует учитывать, что терроризм многообразен по своей природе, целям, формам. Разные страны по-разному ощущают угрозу терроризма, а сам терроризм имеет характерные именно для данной страны объекты посягательства. Нельзя не учитывать и то, что, проводя в жизнь внешнюю политику, государства руководствуются национальными интересами, которые могут не совпадать. И к тому же весьма трудно избежать двойного стандарта в оценках террористической угрозы.

1.3. Дефиниции международного терроризма.

В международной практике терроризм также традиционно трактуется как политически мотивированное насилие против мирного населения, но общепризнанного юридического определения международного терроризма на

сегодняшний момент также не существует. Попыток же более четко определить понятие «международный терроризм» достаточно много.

В итоговом документе Третьего Международного симпозиума по международному терроризму и политическим преступлениям, который был организован Международным институтом развития уголовных наук в 1972 году, подчеркивается, что международное сообщество не в состоянии сформировать общепринятое определение понятия международного терроризма. Вместе с тем в этом документе указывается на политический характер всех акций международного терроризма и делается попытка дать определение этого понятия как поведение индивида или группы лиц, служащее стратегии террористического насилия, затрагивающее международные отношения или направленное против объекта, находящегося под международной защитой. В комментариях к определению подчеркивается, что целью террористического акта, осуществляющегося силой, является изменение или сохранение политических, социальных, экономических структур, политики данного государства, изменение или сохранение правового статуса терроризма [27].

В рамках Организации Объединенных Наций интенсивная разработка определения международного терроризма началась с 1972 года, с момента учреждения Генеральной Ассамблеей ООН специального комитета по международному терроризму. К сожалению, деятельность этого органа так и не увенчалась выработкой общего, приемлемого для всех определения данного рода преступления. Та же участь постигла усилия, предпринимавшиеся Ассоциацией международного права.

На всем протяжении изучения международного терроризма как явления было дано значительное число определений этого понятия как иностранными, так и отечественными специалистами. Рассмотрим отдельные из них.

В вышедшем в 1973 году в США «Трактате по международному уголовному праву» под общей редакцией профессоров М. Бассиони и В. Нанди говорится, что терроризм является международным преступлением, которое угрожает человеческому спокойствию и безопасности, оскорбляет всеобщую совесть и наносит ущерб человеческому достоинству [28].

По мнению специалиста из ЮАР Дж. Дугарда, «международный терроризм – это насильственные акты, имеющие целью вызвать политические изменения, которые подрывают международные отношения и которые международное сообщество рассматривает как несовместимые с желаемыми нормами поведения». Далее по

тексту Дугард обращает внимание на террористические акты, которые направлены на подрыв международной политической системы связей и противоречат нормам международной морали и права [29].

Ю. Динстейн, специалист из Израиля, утверждает, что сущность терроризма вообще и международного терроризма в частности проявляется в беспорядочном насилии, обычно направленном против людей без разбора (невинные жертвы террористического акта) в целях создания в массах идеи, что цель оправдывает средства: чем ужаснее преступление, тем лучше с точки зрения террористов [30].

С. Агравала (Индия) считал, что наиболее удачным является смешанное определение понятия «международный терроризм», включающее общую дефиницию и основные элементы этого преступления. По его мнению, необходимые элементы международного терроризма – это угроза насилием или применение насилия, создающие условия опасности для невинных людей или населения в целом, и международный характер преступления [31]. Следовательно, С. Агравала указывает на акты терроризма, которые в известной мере затрагивают международные отношения, но угрожают не собственно их субъектам и международному правопорядку, а людям, гражданскому населению, которые не имеют отношения к целям террористического акта.

Международный терроризм активно исследовался советскими, а затем и российскими специалистами. Так, Д.Б. Левин определил международный терроризм как «убийства дипломатических представителей и вообще политических деятелей иностранных государств... в целях усиления международной напряженности и раздувания политических и военных конфликтов»[32]. И.И. Карпец дал следующее определение: «Терроризм – это международная либо внутригосударственная, но имеющая международный (т.е. охватывающая два или более государств) характер организационная и иная деятельность, направленная на создание специальных организаций и групп для совершения убийств и покушения на убийство, нанесения тяжких телесных повреждений, применения и захвата людей в качестве заложников с целью получения выкупа, насильственного лишения человека свободы, сопряженного с надругательством над личностью, применением пыток, шантажа и т.д.; терроризм может сопровождаться разрушением и ограблением зданий, жилых помещений и иных объектов» [33].

Е.Г. Ляхов выделяет, что акт международного терроризма объективно направлен против определенных общечеловеческих ценностей, охраняемых уже не только национальным, но и международным правом [34].

Н.С. Беглова выделяла, что международный терроризм – это не какой-то особый вид терроризма, а продолжение внутреннего терроризма, выход его за пределы границ того или иного государства [35]. Характерно, что мысль, высказанная ученым в 1991 году, нашла свое практическое подтверждение в конце двадцатого – начале двадцать первого века.

Известный российский специалист в области изучения терроризма В. Петрищев дает следующее определение международного терроризма: «преступные посягательства на международный правопорядок или объекты, пользующиеся международной защитой, а также отдельные, индивидуально направленные террористические акции, которые распространяются на территорию более чем одного государства» [36].

Крупнейший российский эксперт в области безопасности Алексей Арбатов исходит из того, что четкое общепризнанное определение понятия «международный терроризм» следует сформулировать с точки зрения:

- характера рассматриваемых акций (насильственное действие, влекущее гибель людей, разрушение материальных ценностей, экологический ущерб);
- объекта данных насильственных действий (гражданское население, материальные ценности, вооруженные силы в мирное время);
- их субъекта (негосударственные организации)[37].

Следует отдельно заметить, что с середины 90-х годов прошлого столетия появляется все больше определений терроризма и международного терроризма как особого вида тайных военных действий. Одновременно предлагается рядом ученых рассматривать терроризм как «конфликты малой интенсивности», при этом, подтверждая свою посылку тем, что расширяется сотрудничество между террористическими группами разных стран и, как следствие, происходит координация преступных действий, приносящих значительный политический, социальный и экономический урон мировому сообществу [38].

Отчасти это просматривается в текстуре определения международного терроризма данного Центральным разведывательным управлением США. Так ЦРУ определяет международный терроризм как «терроризм, осуществляемый при поддержке со стороны иностранного правительства или организации и/или направленный против иностранных граждан, организаций или правительства. Террористическую деятельность проводят группы, ставящие задачу ниспровергнуть определенный государственный строй (например, в Югославии или Сальвадоре), исправить национальную или групповую несправедливость (например, палестинцы)

или подорвать международный порядок (например, японская «Красная армия») как конечную цель своей деятельности [39].

Подводя промежуточный вывод, отметим, что существующие и, соответственно рассмотренные нами, определения международного терроризма не дают возможности для полного и четкого представления о нем как о преступном деянии лица (группы лиц), затрагивающем межгосударственные отношения. Вместе с тем, анализ дефиниций показывает, что большинство исследователей отмечают особо опасный характер актов международного терроризма для межгосударственных отношений и международного правопорядка.

Рассмотрим данный вопрос с позиции российской государственности и российского законодательства.

Согласно закону Российской Федерации № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», международная террористическая деятельность обозначена как террористическая деятельность, осуществляемая террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства, в случае, когда террорист и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств. Схожие определения содержат и белорусский «Закон о борьбе с терроризмом» и законы целого ряда государств СНГ.

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года, обозначает в статье 2: «...любое лицо совершает преступление по смыслу данной конвенции, если его деяния прямо или косвенно направлены на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо деяние или воздержаться от его совершения».

Для полноты рассматриваемой картины следует заметить, что различные органы ООН, занимаясь проблемой международного терроризма, постоянно сталкиваются с серьезными политико-правовыми вопросами при формулировании понятия этого явления. Их попыталась решить Генеральная Ассамблея ООН на своих 27-й, 31-й и

39-й сессиях. При этом проблем различного характера, с которыми столкнулись представители государств, при определении понятия «международный терроризм», было множество. Самое характерное – практически во всех определениях одним из важнейших элементов проходит частый разрыв между непосредственной жертвой насилия и группой, являющейся объектом воздействия, целью насилия. Именно поэтому, говоря о террористических акциях, часто употребляются слова «невинная жертва».

В результате неудачных попыток разработать приемлемое для всех государств определение международного терроризма среди политологов и правоведов наметилась некоторая поляризация мнений. Отдельные специалисты считают, что ввиду отсутствия перспектив выработки общепринятого определения международного терроризма нецелесообразно стремиться к решению этой задачи. Они предлагают ограничиться договоренностью о совместной борьбе с конкретными видами преступных деяний, например с захватом заложников. В то же время основное большинство специалистов признают, что эффективное и всестороннее сотрудничество государств в этой области возможно только при условии договоренности в отношении развернутого определения терроризма. Данная точка зрения разделяется Генеральной Ассамблеей ООН, в резолюции которой специально оговаривается, что «эффективность борьбы против терроризма могла бы быть повышена путем выработки общепринятого определения международного терроризма» [40].

Однако до настоящего времени наряду с целым рядом спорных вопросов не решена на доктринальном уровне и проблема проведения различий между терроризмом и борьбой народов за национальное освобождение. Тем более что последнее является одной из основных причин серьезных разногласий, которая в значительной степени тормозит выработку общепринятых мер по предупреждению актов международного терроризма. Ибо одни и те же насильственные акции до настоящего времени продолжают оцениваться одними государствами как террористические, а другими – как осуществляемая в соответствии с международным правом защита национального суверенитета. Таким образом, постоянно в действии до наших дней находится так называемый двойной стандарт, где оценка тех или иных насильственных действий часто зависит от политических симпатий, религиозных убеждений или национальной принадлежности [41]. Не случайно среди историков и политологов, занимающихся проблемой терроризма, стала крылатой фраза: «Тот, кто для одних террорист, для других – борец за

свободу» [42]. Или, как предметно отмечает профессор Д.Г. Балуев, «вооруженный курд может быть борцом за свободу в Ираке, но террористом в Турции» [43].

К сожалению, отсутствие полного взаимопонимания в этом вопросе серьезно затрудняло и затрудняет в настоящее время сотрудничество правоохранительных органов и специальных служб различных государств в области борьбы с международным терроризмом. Вместе с тем весьма отраднo, что все-таки в наши дни объективно возникли предпосылки политико-правового характера, позволяющие продвинуться вперед в решении данной проблемы.

Следует отметить, что в недалеком прошлом отношение Советского Союза к данному вопросу практически полностью определялось идеологическими мотивами. Известный тезис о национально-освободительном движении как о союзнике мировой социалистической системы и одном из основных потоков мирового революционного процесса не допускал участия Советского Союза в акциях, направленных против национально-освободительных движений даже тогда, когда их представители совершали насильственные акты, нарушающие нормы международного права. Особенно серьезные проблемы возникали в случаях, когда эти акты носили ярко выраженный террористический характер и направлялись против гражданского населения.

После 1985 года советская позиция по данному вопросу определяется положениями нового политического мышления как деидеологизация межгосударственных отношений, приоритет общечеловеческих ценностей. В силу этого осуждаются все акты международного терроризма, независимо от целей и мотивов. Такую же позицию по рассматриваемому вопросу занимает и МИД России. В итоговом документе Венской встречи 1989 года отмечается, что «государства-участники безоговорочно осуждают как преступные все акты, методы и практику терроризма, где бы и кем бы они ни совершались ...терроризм не может быть оправдан ни при каких обстоятельствах» [44]. Таким образом, методы национально-освободительной войны не должны носить террористического характера [45].

Определенную эволюцию в этом вопросе претерпевает и официальная позиция США. В первой половине 80-х годов обвинение в международном терроризме национально-освободительных движений, а также ряда поддерживающих их государств (в том числе и СССР) представляло собой одно из главных направлений внешней политики Соединенных Штатов Америки. С конца 20-го века Соединенные Штаты не только не выдвигают обвинений в адрес России, но и президенты обеих стран во время регулярных деловых встреч обсуждают вопросы противодействия

международному терроризму, что постоянно находит свое отражение в совместных соглашениях по данной проблеме.

Принципиальное значение имеет разграничение международного терроризма и насилия, совершаемого в процессе вооруженного конфликта международного и немеждународного характера. Имеющие место в процессе вооруженных конфликтов захваты заложников и другие подобные акты противоправны и должны соответствующим образом наказываться. Но по большому счету в юридическом отношении они не являются актами международного терроризма в современном его понимании, а представляют собой нарушение законов и обычаев войны. Профессор Л.А. Моджорян отмечает по этому поводу, что «...отступления от правил ведения военных действий не должны ни при каких обстоятельствах оставаться безнаказанными, но их следует квалифицировать не как акты международного терроризма, а как нарушение норм ведения войн...» [46].

Понимание этого положения подразумевается, а в отдельных случаях явно выражается в работах ряда государственных деятелей, политологов, правоведов западных стран. В подготовленном Интерполом руководстве по борьбе с международным терроризмом содержится ограничительная оговорка, предусматривающая участие этой организации в борьбе только с теми актами насилия, которые совершаются вне зон конфликтов и не являются акциями военного характера [47]. Таким образом, эта организация фактически признает недопустимость квалификации в качестве террористических акций международного характера тех деяний, которые совершаются в ходе вооруженных конфликтов.

Несмотря на отсутствие единства по этому вопросу, очевидно стремление международного сообщества не допускать распространения понятия терроризма на международные вооруженные конфликты. Как отмечал в свое время Генеральный секретарь Международной ассоциации уголовного права Ш. Бассьюни, «нарушение законов вооруженных конфликтов не является предметом международного права мира» [48]. Между тем именно международное право в относительной форме регулирует вопросы борьбы с современным международным терроризмом.

Анализ определений международного терроризма, предлагаемых отечественными и зарубежными учеными, а также отдельными государственными и международными ведомствами и организациями, указывает на абсолютно несущественные расхождения во взглядах и мнениях по поводу этого понятия и его содержания. Существует ряд точек зрения о том, что необходимость принятия конкретного определения международного терроризма имеет сомнительное значение

для предотвращения его проявлений и борьбы с ним. Предпочтительный подход заключается в том, чтобы дать определение поведению, которое, с точки зрения международного сообщества, является неприемлемым, и в том, чтобы принять решение о его предотвращении и борьбе с ним путем разработки эффективных средств осуществления и обеспечения мер в соответствии с установленными принципами международного права. То есть вместо того, чтобы пытаться дать абстрактное определение этому явлению, необходимо разработать перечень конкретных видов деятельности или действий, которые международное сообщество считает неприемлемыми, и которые рассматриваются как поведение террористического характера.

Данные выводы вытекают, как из многолетних тщетных усилий международного сообщества выработать общепризнанное определение понятия «международный терроризм», так и из стремления, уйдя от теоретизирований на эту тему, перейти к борьбе с преступлениями. Однако определение международного терроризма, на наш взгляд, необходимо как ориентир для решения международных, политических и правовых проблем, а также создания целостной системы противодействия терроризму.

Тщательное изучение проблемы позволяет нам предложить свой вариант определения. В частности: «Международным терроризмом является посягающее на международный правопорядок применение (или угроза применения) организованного насилия, направленное на устранение политического противника либо на достижение иных международно-противоправных целей путем устрашения лиц, не являющихся непосредственными объектами нападения».

Анализ материалов проблемы определения терроризма и международного терроризма дает нам полную уверенность в том, чтобы говорить о значительной схожести подходов и определению, особенно в последнее время, данного рода преступного деяния как терроризма (международного терроризма). Это обстоятельство вселяет надежду, что удовлетворяющее все стороны определение все же, наконец, будет найдено и узаконено. При этом, как справедливо отмечают специалисты, было бы абсурдно утверждать, что изучение как такового явления невозможно до появления соответствующего определения. В конце концов, взрывы в людных местах, захваты заложников, убийства государственных деятелей и политических лидеров не могут быть оправданы и повсеместно квалифицируются как терроризм. Нельзя называть «борцами за свободу» тех людей, которые «делают» шахидов из детей, женщин и направляют их взрывать ни в чем не повинных мирных

жителей, убивать гражданское население независимо от рас, наций и вероисповедания.

Глава 2.

Детерминирующая основа современного терроризма

Невозможно предупредить, а тем более победить никакое преступное деяние, в том числе и терроризм, не изучив его природу, сущность, закономерности развития, причины, цели, задачи, тенденции и негативные последствия. Одно из основных мест в данном перечне занимает выявление и изучение причин и условий (или факторов) терроризма. В российской криминологической науке под причинами преступности принято понимать те социальные явления, которые порождают и производят преступность как свое закономерное следствие.

2.1. Причины и условия возникновения и распространения терроризма

При достаточно большом выборе оснований криминологической классификации причин и условий преступности в отечественной криминологии (по мнению ученого-терролога П.А. Кабанова) кажется предпочтительным выделение факторов, детерминирующих терроризм по содержанию или сферам социальной жизни. К ним относятся: правовые, социально-экономические, организационно-управленческие, воспитательные, идеологические, психологические, социально-политические и другие причины и условия или процессы и явления, вызывающие преступность в этих сферах жизни[1].

Рассмотрение причин терроризма необходимо начинать в первую очередь с социально-экономических факторов. Экономические кризисы (ухудшение экономического положения населения, падение производства, постоянное падение уровня жизни и т.д.) в большей степени ущемляют интересы средних слоев населения. Это выливаются в массовую безработицу среди потенциально активных в политическом отношении и организованных на профессиональной основе слоев населения (промышленных рабочих, строителей, транспортников и т.д.). В результате они создают своим поведением политическую нестабильность в виде забастовок, пикетов, перекрытий транспортных магистралей и иных антиобщественных выступлений, угрожающих перерасти в массовые беспорядки с возможным применением методов насилия.

Безработица молодежи, в силу ее низкой квалификации, в комплексе с другими факторами объединяет ее в группы, а наличие большого количества свободного времени приводит к тому, что участие в делах группы становится основной формой

деятельности. А в зависимости от личных качеств человека (отсутствие трудолюбия, желание быстро разбогатеть, привлечь к себе внимание хоть на некоторое время, стать популярным в своей среде) может побудить его, а также и других членов группы к активной террористической деятельности.

К экономическим причинам, угрожающим мировому сообществу в форме терроризма, также следует относить и следующие факторы:

- формирование в государствах «второго» и «третьего» мира корпоративно-плановых структур, монополистических объединений, зависимых от ТНК;
- нищета, традиции бюрократизма и докапиталистической эксплуатации;
- гегемония мирового корпоративного капитала, давящего экономику стран «второго» и «третьего» мира, разрушающего их природу, развращающего местную элиту [2].

Именно экономические факторы, по мнению ряда ученых современности, детерминируют терроризм во всех его проявлениях.

Определенную роль в детерминации терроризма занимают политические причины. В частности, таковыми являются:

- произвольное недопущение правящей элитой широких слоев населения (или их представителей) к участию в открытой политической деятельности;
- репрессии со стороны правящей элиты (высших должностных лиц государства или региона) по отношению к оппозиционным политическим партиям (движениям);
- опыт «победоносных» промарксистских или профашистских, религиозных или этнических вооруженных движений в истории этого государства или за его пределами;
- навязывание правящей элитой не традиционных для данного общества (или прямо чуждых ему) социально-политических нововведений;
- обострение политических конфликтов внутри самого государства, вызванного политическими мероприятиями (например, выборами главы государства, парламента или региональных властей);
- столкновение политических интересов двух государств в отдельном регионе;
- грубейшие ошибки в национальной политике, допускаемые правительством;
- неуважение к языку, культуре людей другой национальности, особенно если это происходит в отношении лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам;
- целенаправленное разжигание национальной розни отдельными людьми или группами, партиями (движениями);

- агрессия в отношении другого государства и его оккупация в большинстве случаев влечет за собой вооруженное сопротивление мирного населения (партизан), использующего террористические методы (взрывы важных объектов, поджоги и т.д.);

- поощрение терроризма на уровне государственной политики, как это делали Ливия, Иран, Ирак, Афганистан;

- обострение межнациональных отношений на почве подавления прав малого народа со стороны доминирующей нации, здесь в качестве примера может выступать террористическая деятельность Рабочей партии Курдистана в Турции;

- недовольство деятельностью правительства иностранного государств, в связи с чем совершаются террористические акты против его представителей и учреждений [3].

Следует выделить и политические факторы, которые, кроме указанных выше, активно способствуют созданию условий для распространения терроризма в России. В частности:

- деятельность партий, движений, фронтов и организаций, прибегающих к методам насилия;

- преступная деятельность криминальных сообществ, направленная на дестабилизацию общества;

- утрата государством контроля над экономическими и финансовыми ресурсами страны, оборотом оружия;

- ослабление системы охраны военных объектов, арсеналов, хранилищ – источников поступления оружия на нелегальный рынок;

- распространение правового нигилизма;

- появление и развитие институтов наемничества и профессиональных убийц;

- переход в криминальные структуры профессионалов из специальных служб, правоохранительных органов и министерства обороны;

- проникновение в Россию и деятельность на ее территории зарубежных экстремистских (террористических) организаций и религиозных сект;

- открытость российских границ и приток на территорию беженцев из стран СНГ и соседних государств;

- негативное влияние средств массовой информации, культивирующих насилие и иногда создающих рекламу террористам [4].

Особое место в детерминации терроризма занимают социально-психологические факторы, такие как:

- столкновение мировоззренческой позиции индивида с политическим устройством или режимом правления в стране;
- несогласие с существующей, по мнению террориста, в государстве несправедливостью;
- недовольство происходящими изменениями в обществе и государстве;
- религиозная нетерпимость (религиозный фанатизм);
- политическая или идеологическая нетерпимость к другим политическим воззрениям;
- националистическая нетерпимость (национализм, расизм);
- присутствие в обществе одной идеологии, особенно тоталитарного типа, не допускающей какого-либо постороннего насилия кроме государственного;
- преобладание надежд на радикальные положительные изменения жизни общества в массовой психологии современного населения России;
- утрата определенными слоями российского населения надежды на значительное улучшение своего материального положения и повышение своего статуса в ближайшем будущем, рождающей потребность в психической компенсации дискомфорта [5].

К организационно-управленческим причинам политического терроризма необходимо отнести следующие детерминанты:

- слабая изученность проблем предупреждения терроризма во многих странах мира, в том числе и отсутствие единого общего понятия (определения) терроризма, позволяющего отличить его от других не криминализованных явлений типа освободительной или национально-освободительной борьбы. Ее решение имеет значение не только для уточнения границ данного явления, но и для юридико-прикладных явлений. Например, для регулирования вопросов политического убежища и экстрадиции;
- отсутствие мер эффективного противодействия терроризму со стороны органов государственной власти, вызванное отсутствием эффективного взаимодействия, как между различными государствами, так и между разными ведомствами одного государства по выявлению, предупреждению, пресечению и расследованию актов терроризма;
- гипертрофированная реакция средств массовой информации на проявления терроризма, в результате которой сведения о преступнике и его действиях появляются на первых полосах газет и придают ему популярность, которой бы он не заслужил иным путем. В погоне за сенсацией тележурналисты показывают в прямом

эфире конкретные действия подразделений специальных служб и правоохранительных органов, без какого-то либо на то согласия и разрешения, тем самым информируя не только телезрителей, но и террористов о данных действиях, помогая им оказывать своевременное противодействие, еще более осложняя ситуацию и увеличивая риск для человеческих жизней. В результате возникает резонный вопрос, который требует специального криминологического исследования: а сколько людей (заложников, сотрудников правоохранительных органов, мирных граждан, да и самих журналистов) становятся жертвами подобного рода «сенсаций»?

К правовому фактору следует отнести: отдельные недостатки действующего национального и международного уголовного законодательства об ответственности за терроризм.

Благодатная почва для терроризма нередко возникает там, где нарушаются права человека и где ограничиваются политические и гражданские права. Террористы могут воспользоваться нарушениями прав человека для того, чтобы мобилизовать людей на поддержку своего дела. Преследование и принятие правительством насильственных репрессивных мер нередко приводят к радикализации оппозиционных движений. А отсутствие ненасильственных каналов для выражения своего недовольства и проведения альтернативной политики может способствовать тому, что некоторые группы начинают прибегать к насильственным методам и терроризму. Примеры прошлого указывают на то, что правительство, применяющее чрезмерную силу и неизбирательно принимающее репрессивные меры в рамках своих усилий по борьбе с терроризмом, рискует укрепить поддержку террористов широкими слоями населения. Такие меры, как правило: провоцируют ответное насилие; подрывают легитимность контртеррористических мер; играют на руку террористам. Поэтому правительству следует избегать чрезмерного применения силы и соблюдать международные нормы в области прав человека.

2.2. Цели и задачи, преследуемые при актах терроризма

Рассматривая цели и задачи террористических организаций, необходимо охарактеризовать сущность и соотношение данных категорий. Ибо под целью понимается то, что должно быть достигнуто организационной системой в процессе своего функционирования, то есть конечный результат, ради которого и осуществляется определенная деятельность. Задачами организации обозначаются промежуточные результаты, без которых невозможно достичь конечной цели. Таким образом, цель террористических организаций может быть достигнута лишь посредством решения

определенных задач. В зависимости от сферы реализации цели субъектов террористической деятельности могут быть разделены на экономические и политические.

К числу *экономических целей*, на достижение которых могут быть направлены террористические акции, относятся вытеснение конкурентов по бизнесу с определенной территории, из определенной сферы деятельности. Это происходит за счет уничтожения экономического потенциала противников, запугивания персонала и др. Указанные цели зачастую достигаются путем взрывов, поджогов производственных и иных объектов конкурирующих фирм, влекущих гибель, травмирование многих людей, систематического избиения, похищения работников данных организаций и др.

Политические цели террористов условно могут быть разделены на две группы: внутривнутриполитические и внешнеполитические.

Внутриполитические цели достигаются в сфере внутривнутригосударственных отношений, участниками которых являются государство, его органы, общественные и иные негосударственные организации, население. *В структуре данного вида целей можно выделить цели, направленные на нарушение территориальной целостности государства и не связанные с изменением границ страны.*

К *первой* из указанных выше групп целей следует отнести *сепаратистские*, заключающиеся в неконституционном выделении территориальных частей суверенного государства и образовании нового самостоятельного государства. Так, в Чечне Высший совет исламских джамаатов, последователей экстремистского ваххабитского толка, охарактеризовав вооруженный конфликт в республике как «конфликт цивилизаций», заключающийся в противостоянии мусульман Северного Кавказа и христиан России, призвал к священной войне за создание исламского (шариатского) государства.

Во второй группе внутривнутриполитических целей, *не связанных с нарушением территориальной целостности государств*, можно выделить следующие:

- изменение общественного устройства или политического режима страны;
- подрыв демократических преобразований или затруднение их проведения;
- дестабилизация внутривнутриполитической обстановки;
- подрыв авторитета власти и доверия к ней населения;
- дезорганизация деятельности государственного аппарата;

-провоцирование государственной власти на совершение действий, которые могут скомпрометировать ее в глазах населения как жестокую, несправедливую, авторитарную и т.д. и оправдать действия террористов и др.

Как показывает мониторинг деятельности многих *левацких террористических организаций* (Западная Европа, Латинская Америка) к числу их внутривнутриполитических целей относятся установки:

- на ликвидацию «капиталистической системы»;
- подготовку революционных выступлений населения против существующего строя;
- срыв военных приготовлений стран НАТО и др.

Что касается внутривнутриполитических целей ряда *правых террористических структур*, то наиболее типичными из них являются:

- построение «национальных государств»;
- борьба за «чистоту нации»;
- создание эффективной «сильной власти»;
- борьба с «засилием иностранцев» в своих странах и т.п.

Как отмечает Брайан Дженкинс, крупнейший американский эксперт по проблемам терроризма, особое распространение в США получил правый экстремизм. Его организации постоянно видоизменяются, но общим для них остается проповедь ксенофобии, антисемитизма, превосходства белой расы, ненависть к иммигрантам. Правые экстремисты в США пытаются влиять на иммиграционную политику, выступают с активной пропагандой своих требований и т.д. [6].

Целями ряда националистических террористических организаций является изменение государственного устройства, выражающееся в изменении правового статуса отдельных регионов. Так, в Испании с 50-х годов освободительное движение ЭТА ведет вооруженную борьбу за предоставление статуса автономии северным районам страны, населенным басками.

Внешинополитические цели реализуются субъектами террористической деятельности в сфере межгосударственных связей. К числу наиболее распространенных из них следует отнести: дестабилизацию, изменение отношений конкретной страны с другими государствами. В качестве идеологической основы в данном случае могут выступать концепции защиты страны от:

- экспансии «американского империализма»;
- буржуазной «аморальной культуры»;
- от участия в агрессивных внешнеполитических акциях и др.

К тому же, в перечень внешнеполитических целей входят:

- создание новых государств в результате отторжения части территории от существующей иностранной зависимости;
- подрыв авторитета конкретного государства на международной арене;
- срыв международных акций, направленных на разрешение региональных или международных конфликтов;
- выражение протеста против политики отдельных государств и др.

К примеру, в 1989 г. террорист № 1 Усама бен Ладен создал террористическую организацию «Аль-Каида», целью деятельности которой провозгласил создание «объединенного исламского государства», охватывающего территории 50 стран Азии, Африки и Европы.

На достижение внешнеполитических целей направлена деятельность ряда палестинских террористических организаций по противодействию политике США и Израиля на Ближнем Востоке и защите любыми средствами интересов арабского населения Палестины.

Необходимо отметить, что, как правило, *внутригосударственный терроризм опирается на поддержку зарубежных экстремистских организаций, цели которых в данном случае носят внешнеполитический характер*. Например, в августе 1996 г. на совещании руководителей террористических группировок Судана, Эфиопии, Сомали, Йемена, проведенном в Могадишо (Сомали), было принято решение направить в Чечню в течение осени 1996 г. до 700 боевиков из арабских стран.

В структуре задач, на реализацию которых направлена деятельность субъектов террора, можно выделить две группы: основные и вспомогательные (обеспечивающие).

Решение *основных* задач связано, как уже отмечалось выше, с достижением промежуточных результатов, позволяющих добиться воплощения основных целей террористов. К числу данного вида задач можно отнести:

- уничтожение конкретного государственного деятеля, убийство которого влечет срыв международных переговоров, дестабилизацию политической обстановки в стране;
- проведение акций популяризации террористической идеологии;
- расширение социальной базы экстремистских организаций и др.

В процессе реализации *вспомогательных* задач экстремистские организации осуществляют *материально-техническую, финансовую, кадровую, организационную подготовку террористических акций*: например, ограбление банков, торговлю

оружием для получения финансовых средств, попытки освобождения из мест лишения свободы единомышленников и др. В последние годы все большее число террористических организаций прибегают для финансирования своей деятельности к участию в наркобизнесе.

Важное место в структуре вспомогательных задач занимает обеспечение собственной безопасности. Решение этой задачи достигается путем:

- тщательной проверки лиц, принимаемых в ряды террористической организации;
- отслеживания и оперативной проверки сигналов об утечке информации;
- создания агентурной сети внутри самой организации;
- специального контрразведывательного обеспечения собственных операций (негласного контроля за их исполнителями, подготовки дублеров и др.);
- внедрения своих агентов в государственные и полицейские структуры;
- вербовки доверенных лиц и конфиденциальных источников из числа полицейских чинов и перевербовки их агентуры;
- охраны боевых объектов организации и ее руководителей;
- создания собственного трибунала и группы ликвидаторов для исполнения приговоров .

Анализ приведенных выше причин политического терроризма и сопоставление их с российской действительностью свидетельствует о том, что в мире и в современной России пока существует благоприятная почва для его существования. Вместе с тем предлагаемый нами перечень причин терроризма не является исчерпывающим, поскольку происходит постоянное изменение социально-политической жизни, уходят или становятся менее значимыми одни причины, а на их месте появляются новые. Кроме того, следует выделить, что субъекты терроризма в своей деятельности преследуют различные цели и задачи – как политические, так и экономические. Изучение их содержания является важнейшим условием, позволяющим уяснить природу и сущность терроризма.

В мае 2006 года Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своем докладе заметил: «Любая всеобъемлющая контртеррористическая стратегия должна включать в себя долгосрочный компонент, касающийся условий, которые могут эксплуатироваться террористами для того, чтобы создать или расширить базу, на которую они опираются. Однако ни одно из этих условий не может служить оправданием или обоснованием террористических актов. Этот долгосрочный компонент не должен также отвлекать нас от многих важных краткосрочных мер, которые мы можем принять в целях предотвращения терроризма и борьбы с ним.

Даже при неизменности таких условий террористическая деятельность может расширяться, идти на убыль или прекращаться. ***Я настоятельно призываю исследовательские институты по всему миру провести дополнительную работу по изучению коренных причин, являющихся движущей силой терроризма»*** [7].

Следует отметить, что корни терроризма, как отмечает практика, далеко не столь явственны и открыты восприятию. Чтобы разобраться в них и адекватно их охарактеризовать и оценить, необходимы серьезные исследовательские усилия террористической деятельности на междисциплинарном уровне, всесторонняя экспертиза террористической деятельности и изучение ее структуры, функций, мотивов и форм проявления. Особенно важная роль в этом отношении принадлежит истории, политологии, психологии и, конечно же, праву.

Глава 3.

Варианты классификации терроризма на базе признаков и оснований

Проявления терроризма весьма разнообразны по своим масштабам, исполнителям, целям, формам, методам, природе и т.п. В связи с этим встает проблема классификации терроризма по различным основаниям. К тому же, при отсутствии юридически закрепленного определения терроризма (международного терроризма), важно понимание основных признаков, позволяющих выделить его среди других противоправных деяний. Хотя некоторые зарубежные политики и правоведы считают, что «практическому политику не следует чрезмерно беспокоиться о дефиниции терроризма, если основное значение термина понятно даже при некоторой размытости его границ» [1].

Одна из основных особенностей терроризма состоит в том, что он проявляется в широком и неоднородном круге деяний: актах убийства, нанесения телесных повреждений, захвата заложников, действиях, посягающих на безопасность гражданской авиации, и других преступных действиях. При международном терроризме дополнительно рассматривается данное деяние с позиции международных отношений.

3.1. Признаки терроризма, террористической деятельности

Анализ имеющихся научных взглядов на природу и характерные черты терроризма, а также содержание международно-правовых документов и уголовного законодательства ряда стран, в том числе Российской Федерации, позволило выделить следующие признаки терроризма:

-особые методы террористической деятельности, в том числе: применение насилия; уничтожение (повреждение) имущества либо угроза причинения нежелательных последствий; создание условий, представляющих опасность для жизни, здоровья людей, сохранности их имущества;

-преднамеренное создание обстановки страха;

-публичность, гласность, пропагандистский характер террористических акций;

-непосредственный вред причиняется интересам одних субъектов, а целью соответствующих общественно-опасных деяний является принуждение к определенному поведению в интересах террористов других лиц;

-повышенная общественная опасность [2].

Рассмотрим детально выше обозначенные признаки.

Насилие выступает в качестве одного из основных признаков терроризма. На это обращают внимание практически все авторы, исследующие природу данного феномена. Так, Ю.М. Антонян понимает под терроризмом «...насилие, содержащее в себе угрозу другого, не менее жестокого насилия для того, чтобы вызвать панику, нарушить и даже разрушить государственный и общественный порядок, внушить страх, заставить противника принять желаемое решение, вызвать политические и иные изменения. По-видимому, это устрашение смертью» [3]. Таким образом, рассмотренный признак терроризма может выражаться как в прямом физическом насилии, так и в психическом воздействии на волю и сознание людей (психическом насилии).

Физическое насилие выступает средством посягательства на жизнь, здоровье людей, ограничения их свободы. Примерами подобных террористических актов являются убийство президента США Кеннеди, покушение на генерала Ш. де Голля, похищение одного из ведущих политических деятелей Италии А. Моро и др.

В XX веке существенно возросла доля террористических актов с использованием психологического воздействия (психического насилия). Ряд исследователей отмечают, что данные методы позволяют значительно упростить механизм достижения преступных целей. Совокупность приемов «психологического террора» не связана с причинением объектам посягательства какого-либо серьезного ущерба. В основном это действия, носящие демонстративно-угрожающий характер. Ведущее место в их числе занимают открытые или анонимные угрозы в адрес должностных лиц, общественных деятелей либо обращенные к государственным органам требования совершить определенные действия в интересах террористов, подкрепленные обещаниями в противном случае осуществить самые бесчеловечные акции против населения и др.

Примеров этому предостаточно. Вот некоторые из них. В 1994 году в администрации г. Владимира (Россия) было получено анонимное письмо с требованием выплатить миллион долларов террористам, которые в случае невыполнения своих требований угрожали отравить городские водоисточники цианистым калием. В подтверждение серьезности этого обещания преступники приложил к письму флакон с данным ядовитым веществом. Лишь умелыми действиями сотрудников правоохранительных органов замысел террористов был сорван, а сами они были задержаны [4]. С подобного рода угрозами сотрудники правоохранительных органов и специальных служб встречаются в своей работе регулярно. Не исключением является и автор данной лекции, которому в своей

оперативной практике пришлось столкнуться с анонимными угрозами взрывов Нижегородского телевидения, Горьковской железной дороги и целого ряда других жизненно-важных объектов.

Следующим признаком терроризма является **преднамеренное создание обстановки страха**. Специалисты отмечают, что абсолютно разные цели террористы преследуются:

-при нападении на государственных и политических деятелей, сотрудников правоохранительных органов и «рядовых» граждан;

-при уничтожении или повреждении заводов, фабрик, предприятий связи, транспорта и других аналогичных действиях.

Но во всех случаях насилия о терроризме можно говорить лишь тогда, когда *смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса*. Это важнейшая черта терроризма, проявляющая его сущность, позволяющая отделить от смежных и очень похожих на него преступлений. Данный специфический признак террористической деятельности был обозначен ныне покойным чеченским террористом С. Радуевым в его выступлении перед выпускниками центра по подготовке боевиков в 1997 г. В частности, он выделял, что основная задача боевиков-террористов – «сеять смертельный ужас» среди военных, находящихся на территории Чечни или вблизи нее. Необходимо сеять среди них «растерянность и страх, захватывать их в заложники и убивать» [5].

При этом следует помнить, что создание обстановки страха не является само по себе целью террористов. *Страх выступает своеобразным рычагом, средством для достижения преступных целей. Психологи утверждают, что он может выступать даже более эффективным оружием, чем физическое насилие. Страх деморализует адресата, сковывает, парализует его волю к сопротивлению, оказывает свое воздействие непрерывно.*

Следующей отличительной чертой терроризма является **публичность, гласность** совершения общественно опасных посягательств. Если при совершении иных преступлений правонарушители, как правило, не заинтересованы в широкой огласке, то террористические акции всегда связаны с саморекламой. Средства массовой информации, особенно телевидение, делают террористические акты еще более устрашающими, ясно донося до зрителей весь их ужас. Это сильно увеличивает общее ощущение уязвимости и страха. Террористы знают это и активно используют СМИ в своих интересах, чтобы психологически поставить нас и правительства наших стран в положение защищающихся. В свое время М. Тэтчер

сказала, что освещение в СМИ – кислород террористов [6]. В целом, чем больший общественный резонанс получает террористический акт, тем больше устрашающее, парализующее воздействие он оказывает на население, правительство и других адресатов преступного насилия. Кроме того, подобная практика направлена на обеспечение поддержки преступных организаций определенной частью населения.

Наряду с насилием, устрашением и публичностью характерной чертой терроризма является то, что, как правило, *общественно опасному воздействию подвергаются одни лица, их имущество, а целью насильственных акций является принуждение к определенному поведению иных субъектов.*

Примеры из истории. Боевики палестинской террористической организации «Черный сентябрь», захватив в качестве заложников в сентябре 1972 г. израильских спортсменов-олимпийцев, потребовали освобождения 234 членов своей организации, находившихся в тюрьмах ФРГ и Израиля. Совершая массовые захваты заложников в Буденновске, Кизляре, Москве, Беслане, чеченские террористы стремились вынудить российское правительство пойти навстречу их политическим требованиям.

Повышенная общественная опасность терроризма связана с тем, что для достижения своих целей преступники стремятся к причинению серьезного ущерба наиболее важным из охраняемых законом ценностям человеческого общества: жизни, личной свободе, здоровью людей, собственности, общественному порядку и т.п. Это выражается в массовом уничтожении людей, причинении им тяжких телесных повреждений, разрушении материальных объектов и др. Кроме того, *терроризм относится к тем видам преступного насилия, жертвой которого чаще всего становятся те, кто не имеет ни малейшего отношения к конфликту, породившему конкретный акт терроризма. Террористы, как правило, не бывают знакомы с такими жертвами, и те ни в чем не бывают виноваты перед террористами. Ни в чем не повинные и не являющиеся участниками отношений террористов и «третьих лиц» граждане и организации, их права и интересы в данном случае выступают в качестве «заложников» принятия нужных террористам решений.*

Специалисты, исследовавшие конкретные проявления терроризма, указывают на двоякий механизм воздействия на третью сторону, к которой террористами и предъявляются определенные требования: непосредственный и опосредованный. Непосредственный терроризм - это, когда захватываются в качестве заложников близкие, дорогие третьей стороне лица. Опосредованное воздействие, например, на органы государственной власти, может осуществляться через создание такой

атмосферы в обществе, которая подрывает доверие к этим органам, дестабилизирует политико-правовую ситуацию [7].

Необходимо выделить, что основными объектами защиты от терроризма, согласно ныне действующему законодательству, признаются:

- объекты подрыва или ослабления, воздействие на которые оказывается опосредованно, через влияние на другие объекты. К ним относятся: внутренняя безопасность (или государственный строй, правопорядок, конституционный строй) и внешняя безопасность (или суверенитет, нормальные отношения с зарубежными странами);

- объекты непосредственного воздействия (иногда их называют объектами психофизического воздействия), в отношении которых и осуществляются акции насилия. К ним относятся, прежде всего, жизнь, здоровье, свобода личности, вне зависимости от государственно-правового и общественно-политического ее положения; а также материальные предметы (здания, помещения административных, общественных, хозяйственных организаций, личное имущество граждан, предметы, материально воплощающие культурно-исторические и духовные ценности народа и прежде всего жизненно важные или общественно опасные для общества в целом) [8].

Понятия «терроризм» и «международный терроризм» соотносятся между собой как общее и особенное. В силу этого международному терроризму присущи все перечисленные выше основные признаки терроризма. Наряду с этим (в качестве особенного), международный терроризм обладает и дополнительными признаками. Речь идет о так называемых признаках международной, на основании которых разграничиваются международный и внутригосударственный терроризм.

Проблема разграничения международного и внутригосударственного терроризма имеет важное научное и практическое значение. Если борьба с международным терроризмом представляет собой с юридической точки зрения проблему международно-правовую, то борьба с террористическими актами внутригосударственного характера относится исключительно к внутренней компетенции государств. Попытки других государств (в лице их правоохранительных или других органов) принять участие в борьбе с внутригосударственным терроризмом без ясно выраженного согласия властей страны, где эти преступления совершаются, будут квалифицироваться как нарушение основных принципов международного права. Универсальные антитеррористические конвенции на акты внутригосударственного терроризма не

распространяются. Так, в ст. 13, вступившей в силу 3 мая 1983 года, Международной конвенции о борьбе с захватом заложников предусмотрено, что она «не применяется в тех случаях, когда заложник и предполагаемый преступник являются гражданами одного государства и когда предполагаемый преступник находится на территории этого государства» [9].

В основе разграничения лежит объект посягательства: международный терроризм направлен против международного правопорядка, террористические акты внутригосударственного характера посягают на правопорядок только одного государства. Но разграничение только по объекту посягательства носит общий характер и поэтому не может служить достаточным ориентиром, и в первую очередь для правоприменительной практики. Для работников правоохранительных органов важно знание так называемых «признаков международной», позволяющих отличить террористические акты внутригосударственного и международного характера. Перечень этих признаков в прямой постановке пока еще не включен ни в один из антитеррористических международно-правовых актов.

Между тем в правоохранительной практике такие признаки уже используются. Речь идет о признаках международной террористических актов, содержащихся в п. 4.1.2 разработанного Интерполом Руководства по борьбе с международным терроризмом. В нем рекомендуется рассматривать акцию терроризма как международную, если:

- «цели, объявленные террористами, затрагивают несколько стран;
- преступление начинается в одной стране, а заканчивается в другой;
- средства преступной группы происходят из другой страны;
- жертвами преступления являются граждане различных стран или участники мероприятий, проводимых международными организациями;
- нанесенный ущерб затрагивает несколько стран или международных организаций» [10].

Вопрос о признаках международной имеет не только теоретическое, но и практическое значение. От ответа на него зависит регулирование правоприменительной деятельности, направленной на предотвращение и пресечение актов терроризма, уголовное преследование лиц, совершивших данные тяжкие преступления.

3.2. Проблемные вопросы классификации терроризма в историческом и понятийном обзоре.

Как теоретические исследования, так и правоохранительная практика не могут обходиться без классификации актов терроризма. Выделение конкретных видов и форм терроризма необходимо в первую очередь для выработки адекватных мер по их выявлению, предупреждению и пресечению. «Большинство прошлых неудач объясняется применением одного и того же подхода ко всем актам терроризма» [11].

От того, насколько обоснованно будет решена проблема классификации, во многом зависит целенаправленность и эффективность прикладных исследований по правовому регулированию и тактике предотвращения актов терроризма. Вполне очевидно, что невозможно целенаправленно бороться как с внутригосударственным, так и с международным терроризмом ввиду того, что он включает в себя целый спектр преступлений: и взрывы в многолюдных местах и общественных центрах, и захват заложников, и угон воздушных судов, и целый перечень других преступных актов, имеющих определенные отличия по своей объективной стороне, по непосредственным объектам и предметам преступного посягательства.

Одна из первых попыток систематизировать все многообразие актов терроризма была предпринята во время работы Пятой конференции по унификации уголовного права, проходившей в Мадриде в 1934 году, когда терроризм был разделен на политический и социальный. Позднее, в 1970 году, Межамериканская комиссия по правам человека, рассматривая проблему борьбы с терроризмом, первоначально выделила акты терроризма в политических и идеологических целях, однако в последующем отказалась от такой классификации. Действительно, выделение трех видов терроризма – социального, политического, идеологического – на основе только мотивов, которые бывают зачастую глубоко скрыты в умах людей, на практике представляется весьма затруднительным [12]. В дальнейшем, в условиях «холодной войны», основное внимание уделялось политическому терроризму, что вполне отвечало духу времени и условиям политического противоборства общественных систем.

В историческом обзоре данного вопроса, интересен в качестве ознакомления, на наш взгляд, вариант типологии, основанный на мотивах и целях террористической деятельности, предложенный итальянским ученым А. Кассизем. В частности, он выделяет четыре разновидности терроризма:

1. Терроризм, движущей силой которого является идеология. Сюда он относит деятельность террористов, заявляющих о своей принадлежности к марксистской

идеологии (РАФ в Западной Германии, «Красные бригады» в Италии и т.д.), исламских фундаменталистов, другие религиозные течения экстремистского толка.

2. Терроризм, имеющий целью достижение национальной независимости. Эту разновидность составляет террористическая деятельность, направленная на изменение статуса этнических групп внутри суверенных государств (ИРА в Северной Ирландии, баскские сепаратисты в Испании и др.).

3. Терроризм «во имя самоопределения народов». К нему А. Кассиз причисляет деятельность Африканского национального конгресса, Организации освобождения Палестины и других национально-освободительных движений.

4. Терроризм вооруженных групп и движений, борющихся против репрессивных режимов [13].

Несмотря на отдельные, на наш взгляд, недостатки, присущие каждому из приведенных вариантов, они представляют определенный интерес, поскольку отражают реальную картину так называемой многополюсности терроризма. В частности, знание мотивов и целей террористической деятельности способствует изучению причин и условий терроризма. С точки зрения правоохранительной практики, учет мотивов и целей террористов необходим для своевременного выявления и предотвращения терактов.

В дальнейшем все больше стало утверждаться предложенная Г. Дэникер градация видов (типов) терроризма:

- 1) международный – когда группы террористов, смешанные или единые по национальному составу, совершают террористические акты в третьей стране;
- 2) транснациональный – действия граждан одного государства против своих соотечественников, но на территории другого государства;
- 3) внутренний – действия граждан одного государства против своих соотечественников в рамках собственной территории.

К спорным положениям данной типологии было отнесено несколько искусственное разделение международного терроризма на собственно международный и транснациональный. В результате – транснациональный терроризм был отнесен к одному из видов международного. Это более детально можно проследить в работах Е.Г. Ляхова [14] и Л.А. Моджорян [15], которые при рассмотрении определений понятия «терроризм» выделяют два вида терроризма: международный и национальный. При этом Е.Г. Ляхов показывает, что «принципиальное различие между этими двумя видами терроризма заключается главным образом в их направленности. Международный терроризм преследует такие

цели, как подрыв межгосударственных отношений, международного правопорядка, действия против государства, нации (народа), борющейся за свое освобождение и независимость, международных организаций как субъектов международно-правовых отношений».

Таким образом, на основе критерия субъекта преступления международный терроризм делится на два вида:

1. Террористическая деятельность, организуемая и осуществляемая государством.

2. Террористическая деятельность, организуемая и осуществляемая лицами (организациями, группировками), действующими самостоятельно.

В зависимости от целей, которые преследуют террористические формирования, целесообразно второй вид международного терроризма подразделить на ряд подвидов (подобное деление характерно и для внутригосударственного терроризма):

1. Политический, либо социально-революционный, или идеологический терроризм. Члены групп, сформировавшихся на основе марксистской, монархической, анархической, фашистской и т.д. идеологий, ставят своей задачей достижение политических, социальных и, соответственно, экономических изменений внутри того или иного государства. Необходимо отметить, что этот терроризм может быть:

– правым. Он базируется обычно на платформах, отрицающих демократическую систему организации политической власти, институты политического либерализма, правового государства. В частности, он нередко основывается на фашистской и неофашистской идеологии и имеет распространение в Германии, Италии, Испании, а также в ряде стран, которые не имеют фашистского прошлого. К правым террористическим организациям нередко относят также структуры, имеющие открыто расистские или националистические установки, для них характерны лозунги типа «Германия для немцев» и т.п.;

– левым. Он основывается на концепциях псевдореволюционного, часто троцкистского и маоистского, а также анархо-коммунистического характера и ориентируется на насильственное упразднение капиталистической системы путем осуществления широкомасштабной стратегии формирования революционной ситуации и массовых выступлений населения. Наибольшее распространение он получил в Европе и Латинской Америке, хотя и другие континенты являются полем действия отдельных левацких экстремистских организаций. Для европейских организаций левого терроризма (наиболее известными из них являются «Фракция

Красной Армии» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, формирования «Прямое действие» во Франции, «Народная революционная борьба» в Греции и др.) характерны тенденции к объединению усилий в целях борьбы со структурами НАТО и «империалистическими союзами».

2. Националистический (национальный), этнический и сепаратистский терроризм. В данном случае группы сформировались на платформе национализма и преследуют цели решения национального вопроса (борьба с дискриминацией той или иной нации за самоопределение, предоставление нации тех или иных прав, шовинистические цели) и в том числе насильственное изменение конституционного строя, государственного устройства, изменение правового статуса субъектов федерации и др.

Он характеризуется особой жестокостью, сопровождается массовыми погромами, большим числом человеческих жертв. В основе данного вида рассматриваемого явления лежит идея национальной исключительности и превосходства. Национализм обладает исключительным потенциалом разрушения, способным нагнетать социальную напряженность в обществе, разжигать национальную вражду и даже привести к разрушению государства в крайних случаях.

В настоящее время наиболее активно действуют националистические террористические организации в Англии, Бельгии, Испании, Франции, Индии, Шри-Ланке и некоторых других странах. К числу наиболее известных из них относятся «Ирландская революционная армия», баскская ЭТА, «Фронт национального освобождения Корсики» и другие.

В 70-х годах прошлого столетия чаще употреблялся термин «национальный» применительно к группировкам, являющимся частью национально-освободительного движения. По мере того как все меньше остается стран, борющихся за национальное освобождение, но растет число сепаратистских движений в различных государствах, чаще употребляется термин «сепаратистский» или «этнический терроризм» (подобные группировки есть, например, внутри сикхской общины в Индии, армянской общины в Турции, до недавнего времени в Чечне в России, есть подобные группировки и в ряде других стран).

Следует добавить, что в некоторых случаях обращение к национальным чувствам людей используется террористическими организациями и их лидерами в качестве тактического приема для сокрытия своих истинных целей, в том числе прихода неконституционным путем к власти и др. Так, активно действующий во Франции «Фронт национального освобождения Корсики» ставит своей целью создание

независимого государства на острове Корсика. Вместе с тем, согласно опросу общественного мнения, проведенного в 1996 г., подавляющее большинство корсиканцев (91%) не поддерживают идею независимости. Таким образом, террористы игнорируют истинные интересы населения, ими движут корыстные интересы, и прежде всего стремление к власти [15].

3. Религиозный или фундаменталистский терроризм. Как правило, религиозные террористические организации, используя догматы веры, преследуют политические цели.

В современном мире особую опасность представляют экстремистские структуры, действующие на основе исламского фундаментализма, или так называемого чистого ислама. Рассматривая насилие с религиозно-нравственных позиций, религиозные экстремисты скрывают подлинные причины и общественно опасный характер насилия, утверждая, что насилие – неизбежный компонент человеческого развития.

Основная цель такого воздействия на верующих заключается в формировании особого духовно-эмоционального состояния, обеспечивающего их вовлечение в антиконституционную насильственную деятельность. Верующий должен видеть в совершении насильственных акций не только достижение общей цели религиозной террористической организации, но и свое личное спасение (в религиозно-метафизическом смысле), он должен относиться к нему как к форме служения Всевышнему. В данном случае религиозными экстремистами упор делается на необходимость совершения верующими агрессивных насильственных действий в борьбе за «чистоту веры» [16].

Необходимо отметить, что в настоящее время террористические организации, действующие на базе исламского фундаментализма, преобладают в системе террористических структур, действующих на территории различных государств. По разным подсчетам, их количество достигает около 150, в том числе наиболее активны «Братья-мусульмане», «Хезболлах», «Аль-Джихад аль ислами» и другие.

Особую агрессивность в своей экстремистской деятельности проявляют организации и движения ваххабистского толка, сторонники «чистого ислама». Наиболее концентрированно сущность устремлений ваххабизма выражена в программе действующего на территории Афганистана и Пакистана движения «Талибан». В частности, основными программными положениями этого движения являются: вооруженная борьба за продвижение к политической власти; создание теократического государства исламского фундаментализма; физическое уничтожение оппонентов и «врагов ислама».

На территории современной России ваххабитские организации заметно активизировались с начала 90-х годов. Особенно это отмечалось в республиках Северо-Кавказского региона, где ими проповедовались идеи всеобщей исламизации населения, разжигались сепаратистские настроения. При этом конечной целью ваххабитов является установление теократического исламского государства на территории мусульманских регионов России (прежде всего в Чечне, затем в Дагестане).

Террористический характер деятельности ваххабитов в России достаточно четко характеризуют используемые ими методы – это подготовка отрядов боевиков и создание групп «смертников» для осуществления террористических актов; оказание материальной и финансовой помощи мусульманским сепаратистам и экстремистам, в том числе с использованием возможностей организованных преступных группировок, сращивание религиозных и криминальных структур; создание лобби в органах государственной власти и управления и другие [17].

Кроме исламского фундаментализма, питательной средой для возникновения террористических групп в настоящее время выступают различные «апокалиптические» тоталитарные секты, исповедующие насилие как законное средство ускорения «божьего суда». В последние годы их число значительно возросло, повысилась активность экстремистски настроенных проповедников, внушающих членам сект мысль о греховности и враждебности окружающего мира, необходимости борьбы с «безбожными» правительствами. Примером преступной деятельности подобных сект является газовая атака в токийском метро, осуществленная «Аум Синрикё» [15].

4. Криминальный, или уголовный, терроризм может проявляться в деятельности организованных преступных сообществ, криминальных групп, иногда – преступников-одиночек. Характеризуя данный вид терроризма по целевому признаку, следует выделить ряд его подвидов. В частности:

– террористическая деятельность, направленная на ослабление государства, препятствующего получению криминальной прибыли. Так, колумбийские наркокартели вели и ведут настоящую войну против административных, судебных и правоохранительных органов страны, активизировавших борьбу с наркобизнесом. При непосредственном участии наркомафии в городах Медельине и Кали, а также в департаменте Магдалена созданы школы по подготовке наемных убийц, которые используются для физической расправы над политическими деятелями и государственными служащими, выступающими против наркомафии. От рук мафиози

погибли, в частности, генеральный прокурор страны, столичный судья, подписавший ордер на арест руководителя Медельинского наркокартеля П. Эскобара, главный редактор газеты «Эспектадор», публиковавший разоблачительные материалы о деятельности торговцев наркотиками;

– уничтожение или устранение соперников и их сторонников в конфликтах между преступными группировками. Наиболее распространенными проявлениями данной разновидности терроризма являются заказные убийства, групповые столкновения между противоборствующими группами с применением оружия, насильственное вымогательство и др.;

– посягательства на жизнь государственных либо общественных деятелей из мести за их деятельность и т.п.

5. Экологический терроризм. Наряду с движениями, борющимися за осуществление эффективной природоохранной политики («зеленые», «экологи»), возникли и действуют группировки, выступающие вообще против научно-технического прогресса, вынашивающие мысли и высказывающие суждения о борьбе против загрязнения окружающей среды, убийства животных, строительства ядерных объектов террористическими методами.

Характерно, что градация по видам транснационального терроризма с небольшими добавлениями (властный, репрессивный, оппозиционный) характерна и для внутригосударственного терроризма.

Деление терроризма на конкретные виды и формы в определенной степени способствует приданию целенаправленного характера борьбе с данным явлением. Разумеется, приведенные выше варианты классификаций в известной мере условны, так как порой трудно разграничить государственный и негосударственный терроризм (все более-менее известные террористические группы пользуются той либо иной степенью государственной поддержки), религиозный терроризм часто дополняется национальными противоречиями. Тем не менее, классификация необходима, так как она позволяет выделить причины, порождающие те или иные террористические проявления, позволяет выделить наиболее опасные организации с точки зрения их целей и методов.

Глава 4.

Градация международного терроризма по видам

На рубеже тысячелетий на международной арене произошли и активно происходят в настоящее время кардинальные перемены, во многом положительно изменяющие основы международных отношений. Это оказало и продолжает оказывать влияние на пересмотр и даже переоценку многих прежних концепций и понятий международного права.

Как известно, длительное время наряду с понятием «международный терроризм» широко употреблялось (пожалуй, и употребляется до настоящего времени) понятие «государственный терроризм». Вопрос об их содержании и соотношении всегда вызывал дискуссии, которые в последние двадцать лет, несмотря на активную деидеологизацию международных отношений, не потеряли своей остроты. Многочисленные примеры последнего времени подтверждают, что использование государством террористических методов и средств для достижения определенных целей, к сожалению, сохраняется.

Ранее в отечественной международно-правовой литературе под международным терроризмом понимались террористические акты, организуемые, поддерживаемые либо поощряемые государством [1], поэтому вопрос о соотношении данных понятий не возникал. На территории Западной Европы и США в конце 70-х и в начале 80-х годов возобладала тенденция ставить знак равенства между международным терроризмом и терроризмом, поддерживаемым государством.

Когда же многочисленные случаи показали, что акты международного терроризма могут совершаться как государствами, так и автономно действующими группами физических лиц, термин «государственный терроризм» стали понимать как обозначение наиболее опасной разновидности международного терроризма [2].

Таким образом, в зависимости от субъектов террористической деятельности международный терроризм подразделяется на два вида:

1. Террористическая деятельность, организуемая и осуществляемая государством, т.е. *государственный терроризм*.
2. Террористическая деятельность, организуемая и осуществляемая лицами или группами лиц, объединенными в организации, самостоятельно, независимо от каких-либо государств, – *транснациональный терроризм*.

4.1. Государственный терроризм.

Наибольшую угрозу для международного правопорядка представляет террористическая деятельность, субъектом которой являются государства. Политико-правовая характеристика этого явления неизбежно предполагает рассмотрение широко используемого в практике международных отношений понятия «государственный терроризм». Этот термин применяется во внешнеполитических документах ряда государств, средствами массовой информации, в научных разработках. Содержание его толкуется неоднозначно, его соотношение с понятием «международный терроризм» не всегда определяется с достаточной четкостью. Путаница в терминологии, понятийном аппарате, которая длится уже не один десяток лет, затрудняет взаимопонимание между государствами, отрицательно сказывается на эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности. Поэтому можно понять тех ученых, которые предлагают вообще отказаться от употребления понятия «государственный терроризм». Хотя такое предложение и не лишено смысла, оно невыполнимо. Само явление государственного терроризма существует, и отражающее его суть понятие живет самостоятельной жизнью и используется в официальных документах многих государств, публицистике, научных исследованиях. Воспрепятствовать его использованию, изъять из употребления в международной политике весьма сложно. А посему наиболее целесообразным представляется насколько возможно точно определить понятие «государственный терроризм», уяснить его место в структуре международного терроризма.

Наиболее признанное понятие «государственный терроризм» закреплено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 39/159 [3] «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах», принятой на 39-й сессии в 1984 году. В принципе, развернутого определения понятия «государственный терроризм» эта резолюция не содержала. Лишь в самых общих чертах он определялся как действия, направленные на насильственное изменение или подрыв общественно-политического строя суверенных государств, дестабилизацию и свержение их законных правительств.

Характерно, что до сих пор общепризнанного определения понятия «государственный терроризм» доктрине международного права выработать не удалось. Как отмечает в своей работе Е.Г. Ляхов, государственный терроризм «хоть

и исследовался в СССР, но обстоятельной и приемлемой правовой и международно-правовой характеристик, определяющих его возможное место среди иных категорий, пока не имеет» [4].

О значительной сложности и серьезности данной проблемы высказывается и Н.С. Беглова [5]. Тем не менее, указанная резолюция, как и другие подобные акты Генеральной Ассамблеи ООН, является разновидностью социальных норм и играет существенную регулирующую роль. В контексте упомянутой резолюции понятие «государственный терроризм» раскрывается в работах Н.Б. Крылова, Ю.А. Решетова, Л.А. Моджорян и других авторов [6]. Характеризуя объективную сторону государственного терроризма, Ю.А. Решетов и Н.Б. Крылов отмечают, что он объединяет целый ряд уже известных составов преступлений, как бы аккумулирует все возможные виды запрещенных правом актов, как самых древних, например, наемничество, так и ультрасовременных – «психологическая война» [7]. Л.А. Моджорян определяет государственный терроризм как «акт организованного насилия государства или его органов – экономического давления, психологического воздействия, политического нажима, военного вторжения, – направленный на устранение иностранных политических деятелей, на создание паники среди населения иностранных государств и дестабилизацию его системы управления с целью достижения определенных политических результатов: изменения общественно-политического строя, свержения правительства, предоставление государству-террористу тех или иных выгод и преимуществ» [8]. Эти действия с международно-правовой точки зрения представляют собой противоправное применение силы. Причем в данном случае термин «сила» понимается в широком его значении [9].

Е.Г. Ляхов термин «государственный терроризм» в своих работах не использует, но также выделяет террористические акты, затрагивающие международные отношения, в отдельную группу в случае, когда «субъектом преступления является государство». Он рассматривает их как наиболее опасные для международного правопорядка и квалифицирует как международное преступление (террористические акты, совершаемые автономно действующими физическими лицами, он определяет как «вид терроризма, затрагивающего международные отношения») [10].

Однако при характеристике действий, составляющих данное преступление, ученые дают, как представляется, чрезмерно широкую трактовку этого понятия. Отмечая, что государственный терроризм – это организация и поощрение государством именно террористических актов, сюда же они относят и акты агрессии,

и наемничество, и применение мер экономического давления, и политический шантаж.

В этом плане показательно определение, данное Л.А. Моджорян в монографии «Терроризм на море», где ученая отмечает: «...это тактика организованного насилия государства или его органов, построенная на экономическом давлении, психологическом воздействии, политическом нажиме, военном вторжении и направленная на устранение политических деятелей зарубежных стран, на создание паники среди населения иностранного государства и дестабилизацию его системы управления с целью достижения определенных политических результатов: изменения общественно-политического строя, свержения правительства, предоставления государству-террористу тех или иных выгод и преимуществ. К числу методов экономического давления может быть отнесено наложение эмбарго на суда и грузы, обрекающее население на голодную смерть, чтобы заставить правительство принять диктуемые условия. К актам психологического воздействия относится система запугивания общественно-политических деятелей и населения иностранного государства или оккупированных территорий. Примерами политического нажима являются часто встречающиеся в практике некоторых государств разжигание гражданской войны и уничтожение неугодных политических деятелей путем террористических актов, организуемых спецслужбами государства-террориста» [11].

Практически так же характеризует объективную сторону государственного терроризма У.Р. Латыпов. Он согласен с тем положением, что акты международного терроризма, к подготовке и совершению которых причастно государство, квалифицируются одновременно и как акты государственного терроризма. Однако, как считает автор, высказывающееся в литературе мнение о том, что государственный терроризм есть разновидность международного, ошибочно и носит односторонний характер». То, что государственный терроризм аккумулирует в себе такие международные преступления, как агрессия, наемничество, «психологическая война», а также противоправное применение экономической силы, со всей очевидностью свидетельствует о том, что он не может рассматриваться как разновидность международного терроризма, объективная сторона которого в конечном итоге заключается в актах насилия, направленных на физическое уничтожение политического противника» [12]. Отличие государственного терроризма от иных форм незаконного применения силы или угрозы силой, по мнению У.Р. Латыпова, заключается в том, что в данном случае целью является устрашение, терроризирование политического противника [13]. На этой основе он

предлагает свой вариант определения государственного терроризма: «Это международно-противоправное применение государством силы или угрозы силой для устрашения другого государства и народов с целью изменения их общественно-политического строя или иного посягательства на их национальный или государственный суверенитет» [14]. Далее, развивая свои мысли, автор отмечает, что для правильного понимания политико-правового понятия «государственный терроризм» необходимо учитывать, что это явление проявляет себя не в виде случайных, разрозненных актов, а представляет собой политику. В этом качестве государственный терроризм находит свое выражение во всех структурных элементах политического руководства: в определении принципиальных внешнеполитических задач и перспективных целей государства, выборе средств их достижения, кадровом обеспечении решения поставленных задач [15]. Думается, что такое понимание государственного терроризма близко соприкасается с содержанием понятия агрессии.

Здесь необходимо отметить, что в советской международно-правовой литературе говорилось о необходимости различать акты государственного терроризма и акты агрессии, ибо агрессия представляет собой самостоятельное международное преступление, и, тем более, агрессия и непосредственно террористические акты представляют собой все же разнопорядковые явления и требуют, соответственно, применения различных механизмов ответственности государств.

Г.В. Шармазаншвили и А.К. Цикунов (определяя в самых общих чертах государственный терроризм как терроризм, осуществляемый в интересах какого-либо государства и по поручению государственных органов) предлагают в качестве критерия разграничения характер используемых действий. По их мнению, государственный терроризм осуществляется тайно, через третьих лиц и направлен против физических лиц с целью их уничтожения. А агрессия всегда носит открытый характер, осуществляется против другого государства непосредственно и может иметь как прямой, так и косвенный характер [16].

Ряд иностранных юристов-международников также пытались провести грань между государственным терроризмом и агрессией. Так, Э. Макуинни отмечал, что различие между государственным терроризмом и агрессией состоит в том, что при терроризме не используется военная сила. Но это только теоретически. Государственный терроризм открывает путь к применению вооруженных сил, а это порождает прямую угрозу всеобщему миру. Государственный терроризм – кратчайший путь к агрессии, и весьма часто он является актом подготовки агрессии

[17]. Г. Уордлоу в начале восьмидесятых годов прошлого столетия считал, что «...терроризм, который в настоящее время отвергается большинством официальных военных ведомств как законный метод ведения войны, станет, возможно, общепризнанной формой ведения войны в будущем. Террористы могут быть использованы для провокации международных инцидентов, создания паники в неприятельской стране, принуждения ее правительства отвлекать существенные резервы для самообороны и использования созданного таким образом саботажа» [18]. Создавалось впечатление, что Г. Уордлоу призывал правительства к государственному терроризму, когда констатировал, что «правительства могут использовать существующие террористические группировки для нападения на своих противников или создавать собственные террористические группировки. Террористы нуждаются в малых средствах, во всяком случае, гораздо меньших, чем затраты на ведение обычной войны, предусмотренной в международных соглашениях» [19]. Но не прошло и двадцати лет, как теоретические послышки ученого стали ярко выраженной действительностью.

При совершении террористических актов руками завербованных или используемых правительственными учреждениями террористов или террористических организаций правительства несут косвенную ответственность. Это признал, в частности, Международный суд ООН в Гааге, возложив на США материальную ответственность за подрывную деятельность контрас против Никарагуа.

Но государства несут прямую ответственность при организации или проведении террористических акций против иностранных государств, граждан и имущества этих государств их органами государственной власти или управления – спецслужбами, воинскими частями, дипломатическими и консульскими представительствами и др. В этих случаях правительства обычно объясняют подобные акции отнюдь не отвечающими действительности мотивами: «борьбой с терроризмом», а особенно с наркотерроризмом, «особыми интересами» государства-террориста в терроризируемом государстве, защитой своих граждан или иностранцев и др. [20].

Мы уже отмечали, что как в отечественной, так и в зарубежной литературе высказывались предложения отказаться от термина «государственный терроризм» вообще. Так, в специальном обзоре зарубежной литературы М.Л. Энтин и Н.В. Атливанников пишут, что иностранные авторы считают выход проблематики государственного терроризма на авансцену международных отношений лишь дополнительным поводом или предлогом для взаимных обвинений и эскалации

двусторонних конфликтов [21]. Предложение отказаться от данного термина объясняется, по мнению М.Л. Энтина, еще и тем, что «концепция государственного терроризма, нашедшая отражение в резолюции 39/159, а затем и во фразеологии определенной части членов ООН, диаметрально противоположна главенствующим в науке, и прежде всего в западной политологии и доктрине международного права, представлениям о государственном терроризме как использовании правящей верхушкой аппарата принуждения против политической оппозиции и собственных граждан» [22]. Характерно, что данная посылка упоминается и И.П. Блищенко. В частности, он отмечает, что к категории государственного терроризма следует относить терроризм в виде преступных действий, актов диктаторских режимов против собственного народа, своих соотечественников [23].

Виднейший российский ученый-терролог Ю.И. Авдеев предлагает следующее определение: «Государственный терроризм, в узком смысле этого понятия, представляет собой целенаправленную систему использования государством, государственными органами (прежде всего органами разведки, контрразведки, политической полиции, отчасти вооруженных сил) акций скрытого ослабления и подрыва своих внутренних и внешних политических противников посредством противоправного уничтожения или угрозы уничтожения их ведущих деятелей, активистов и сторонников (лидеров и функционеров оппозиционных партий, государственных и общественных деятелей иностранных государств, видных лидеров и участников национально-освободительного движения), деморализации и запугивания определенных слоев населения, этнических групп, поддерживающих политических противников данного государства, дезорганизации вооруженных сил, системы государственного управления стран – объектов их внешней политики» [24]. Представляется, что терроризм со стороны государства (то есть государственный терроризм), направленный на иностранные государства или на поддержку террористических действий на территории иностранных государств, корректнее относить к разновидности международного терроризма, поскольку устрашение осуществляется, как правило, по отношению к физическим лицам других государств и действия от подобного рода актов насилия тоже ожидаются от представителей иностранных государств. Что же касается «акций скрытого ослабления и подрыва своих внутренних политических противников, лидеров и функционеров оппозиционных партий» и иных подобного рода деяний, то их следует относить к проблемам внутригосударственного характера. Поскольку учеными всего мира и международными нормативными актами признан и закреплён государственный

терроризм как вид международного терроризма, то преступные действия диктаторских режимов против собственного народа следует, на наш взгляд, рассматривать как официальный, властный или (это будет значительно точнее) репрессивный терроризм и классифицировать его как один из видов внутригосударственного терроризма.

С проблемой государственного терроризма теснейшим образом связаны два вопроса, имеющие важное теоретическое и практическое значение: могут ли государства совершать акты международного терроризма, и возможна ли квалификация таких актов в качестве международных преступлений.

Специалисты, отрицательно отвечающие на первый из этих вопросов, основываются на положении *societas delinquere non potest* – юридические лица совершать преступления не могут. Разумеется, здесь имеется в виду, что государства не совершают уголовных преступлений, поскольку способность государств быть субъектами международных преступлений практически никем не оспаривается. Таким образом, для подтверждения или опровержения тезиса о том, что государство может быть субъектом актов международного терроризма, необходимо решить, к какой категории международно-противоправных деяний они относятся.

Еще с 40-х годов в доктрине международного права начала проводиться «грань между простыми нарушениями международного права и международными преступлениями, подрывающими самые его основы и важнейшие принципы» [25]. Эта идея активно поддерживается и развивается Комиссией международного права.

Согласно п. 2 ст. 19 подготовленного Комиссией международного права (специальный докладчик Р. Аго) проекта статей об ответственности государств, международным преступлением являются «международно-правовые деяния, возникающие в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление перед международным сообществом в целом...» [26]. В этом же проекте (п. 3 ст. 19) указывается, что к категории международных преступлений относятся агрессия, геноцид, рабство и некоторые другие противоправные деяния. В то же время изучение этого проекта свидетельствует, что перечень деяний, относимых к категории международных преступлений, остается открытым.

На вопрос о том, может ли международный терроризм квалифицироваться как международное преступление, частично был дан ответ в подготовленном в 1954 году Комиссией международного права проекте кодекса преступлений против мира и

безопасности человечества: пункт 6 статьи 2 этого Проекта гласит, что преступлением против мира и безопасности человечества является «ведение или поощрение властями какого-либо государства организованной деятельности, рассчитанной на совершение террористической деятельности в другом государстве» [27]. Поскольку террористическая деятельность государства, направленная против других субъектов международного права, посягает на всеобщий мир и международную безопасность, представляется, что в силу этого она должна быть отнесена к категории международных преступлений. Физические лица, выполняющие государственную волю, являются в данном случае только исполнителями.

Представляется, что для принятия адекватных санкций против государства за терроризм необходимо исходить из следующих обстоятельств: степени тяжести международно-правового деяния, оцениваемой исходя из важности объекта посягательства и последствий теракта; степени причастности государства к террористическому акту.

На последнем обстоятельстве представляется целесообразным остановиться подробнее. Известный ученый-терролог А. Кассиз выделил пять разновидностей причастности государств к терроризму. В частности, это:

- совершение террористических актов сотрудниками государственных органов (а именно сотрудниками спецслужб);
- использование государством в этих целях агентуры, наемников, банд, организованных, вооруженных и руководимых представителями государства;
- оказание государством финансовой помощи террористам и снабжение их оружием;
- предоставление государством своей территории для размещения, подготовки и тренировки террористов;
- предоставление государством безопасного убежища террористам до или после совершения ими преступлений на территории других государств, не осуществляя при этом какой-либо активной деятельности в поддержку террористов [28].

Ценность предложенной А. Кассизом градации в том, что она отражает реальную картину различных степеней вовлеченности государств в терроризм.

Анализ материалов о террористической деятельности государств свидетельствует о существовании нескольких уровней их причастности к международному терроризму, в зависимости от которых и избираются санкции. Эти уровни причастности заключаются в следующем:

1. Организация и осуществление террористических актов государственными органами или действующими по их поручению лицами (агентурой, наемниками и т.д.). С юридической точки зрения государство в одинаковой степени ответственно за теракт, независимо от того, осуществлен он сотрудником спецслужбы или ее агентом. В обоих случаях преступление совершается государством, разница в конкретных исполнителях не имеет принципиального значения.

2. Иная причастность государства к международному терроризму. Этот уровень характеризуется тем, что государство оказывает поддержку террористическим организациям, группам и отдельным преступникам путем предоставления оружия, финансовых и материальных средств, убежища, но не осуществляет с их использованием конкретных терактов. Разумеется, оказание такой поддержки обеспечивает государству определенный контроль над террористическими организациями и позволяет влиять на направления и характер их деятельности.

3. Неисполнение государством своих международно-правовых обязательств по предупреждению и пресечению террористических актов международного характера, уголовному преследованию преступников и устранению последствий теракта. Этот уровень характеризуется тем, что государство по различным мотивам уклоняется от принятия действенных мер против террористов, хотя и не оказывает им поддержки и не направляет их деятельности. На практике это выражается в отказе от выдачи террористов, в разрешении их проживания на своей территории, отказе от возвращения угнанных террористами воздушных и морских судов и т.п.

Нетрудно видеть, что санкции против государства должны учитывать уровень его причастности к терроризму и к конкретному теракту, а также степень тяжести совершенного конкретного преступления.

Исчерпывающих полных данных о том, какое количество террористических актов международного характера совершается государствами, не существует. Это главным образом связано с тем, что причастность государств к конкретным терактам не всегда можно юридически доказать. Тем не менее, учет совершаемых во всем мире актов международного терроризма, ведущийся в США, Израиле и некоторых других странах, а также международными организациями, объективно отражает реальное соотношение двух видов международного терроризма. По данным Государственного департамента США, приведенным М. Креншо, 12% совершенных в 1985 году терактов были осуществлены государствами [29]. В тех случаях, когда такие факты доказаны, государство, инспирирующее или поддерживающее, а также использующее в своих целях акции международного терроризма и его организации, в

соответствии с международным правом подвергается осуждению мировым сообществом за нарушение международной безопасности, и к нему могут быть применены политические, экономические и иные санкции. Той же оценки придерживается и П. Уилкинсон. Он констатирует, что «примерно 25% террористических актов поддерживаются или направляются государствами. Это может выражаться в моральной поддержке, материальной помощи, приобретении оружия, в обучении пользования им, снабжении фондами, предоставлении убежища». Далее он отмечает, что часть террористов государства используют непосредственно, контролируя отряды, прибегающие к бомбардировкам, убийствам и другим аналогичным акциям за рубежом. Но наиболее широко применяется метод использования террористических движений, возникающих в стране или среди «добровольно покинувших родину эмигрантов» [30].

П. Уилкинсон в характеристике государственного терроризма выделяет: он имеет сугубо секретный характер; государства отрицают свою ответственность за террористические акты; террористические действия осуществляются через спецслужбы, которые вербуют и вооружают террористов; покровительствуемые государствами террористы хорошо вооружены и могут лучше обеспечить неожиданность нападения, нежели «автономные» вольные группы».

Проводя анализ рассматриваемого материала, всегда следует помнить о двойном стандарте, практикуемом многими государствами, согласно которому они не признают терактами насильственные акции, совершаемые спецслужбами, поддерживаемыми ими государственными органами и лицами в других странах.

Несложно проследить тенденцию, которая заключается в том, что доля терроризма как средства межгосударственной борьбы неуклонно снижается по мере ослабления международной напряженности. Как правило, государства прибегают к террористическим актам против других субъектов международного права в случаях, когда отношения между ними находятся в состоянии, близком к вооруженной конфронтации. Наиболее яркие примеры этого мы находим во внешней политике гитлеровской Германии в годы, предшествовавшие Второй мировой войне. Нередко террористическая деятельность представляет собой начальный этап агрессии против другого государства. Поэтому не случайно в статью 3 определения агрессии (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314/29) включен пункт «Д», который позволяет при определенных условиях квалифицировать в качестве агрессии засылку на территорию другого государства групп, совершающих террористические акции [38]. Думается, зависимость использования терроризма во внешней политике от

степени напряженности межгосударственных отношений должна полнее учитываться в исследованиях международного терроризма, проводимых в первую очередь в интересах органов, призванных бороться с данным явлением.

Следуя принципу исторической правды, надо отметить, что до середины 80-х годов официальная советская позиция заключалась в том, что империалистические государства, в основном Соединенные Штаты Америки, являются главным проводником политики государственного терроризма [31]. Этот тезис также неоднократно повторялся в работах и выступлениях советского партийного руководства, в том числе и Президента СССР М.С. Горбачева. В частности, он в свое время отмечал: «То, что творит империализм в Никарагуа и Сальвадоре, на Ближнем Востоке, в Афганистане и на Юге Африки, нельзя охарактеризовать иначе, как государственный терроризм...» [32]. Подобного рода сюжеты раскрывались и на страницах подавляющего большинства работ, изданных на Западе (в особенности до середины 80-х годов). В основе своей они были посвящены обоснованию тезиса о том, что государственный терроризм представляет собой не что иное, как один из элементов внешней и внутренней политики советского государства. Характерно в этом плане высказывание П. Уилкинсона о том, что «просьба к Советскому Союзу принять участие в борьбе против международного терроризма была бы довольно сходной с приглашением главаря мафии проконтролировать силы полиции» [33].

Эти крайности, которые длительное время превалировали на авансцене международных «разборок», мешали совместному серьезному анализу такого явления, как международный терроризм.

Объективный анализ фактов свидетельствует о том, что в прошлом Соединенные Штаты Америки в течение определенного времени были причастны к международному терроризму и поддерживали ряд организаций, совершавших террористические акции, что констатируют сами американские историки и политологи [34]. Кроме того, расследованием комиссией сената США было достоверно установлено, что ЦРУ организовывало и осуществляло террористические акты против лидеров зарубежных государств. Наибольшую огласку получили попытки этого ведомства совершить покушение на Ф. Кастро. При этом американская разведка прибегла к услугам представителей организованной преступности [35]. После этого разоблачения президент США Дж. Форд 18 февраля 1976 года подписал исполнительный приказ, предписывающий, что «никакой служащий правительства Соединенных Штатов не должен участвовать или вступать в сговор с целью политического убийства» [36]. Этот акт с некоторыми

дополнениями остается в силе по сей день. Он ограничивает возможности ЦРУ по участию в заговорах за рубежом, в ходе которых могут совершаться убийства иностранных политических деятелей.

Нельзя обойти вопрос об обвинениях в адрес Советского Союза и, конечно же, КГБ СССР в причастности к международному терроризму. Анализ этой проблемы в исторической ретроспективе выходит за рамки настоящей работы. Что же касается вопроса о возможной причастности Комитета государственной безопасности СССР к терактам международного характера в 80–90-е годы, то здесь имеются противоречивые данные. Бывший начальник одного из управлений Первого главного управления КГБ СССР О. Калугин заявил, что осведомлен о помощи, которую советская разведка оказала спецслужбам Болгарии в подготовке и осуществлении теракта против проживавшего в Лондоне болгарского диссидента [37]. Заявление О. Калугина было опровергнуто Центром общественных связей КГБ СССР [38]. В свою очередь, руководивший Первым главным управлением КГБ СССР в 1988–1991 годы Л. Шебаршин категорически отрицал причастность советской разведки к международному терроризму в этот период [39]. Но вот ситуация, более приближенная к современности и, в частности, многолетняя безнаказанная деятельность сепаратистов (особенно в 1996–1998 гг.) на территории Чечни, неподконтрольных федеральным властям полулегальных экстремистских террористических группировок, причастных ко многим преступлениям, в том числе и международного терроризма, вполне обоснованно могла привести и привели в конечном результате к выдвижению в адрес России обвинений в поддержке международного терроризма. Однако даже после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне в выступлениях президента США не прозвучало прямой поддержки усилиям России по искоренению терроризма на Северном Кавказе, а было высказано лишь осторожное понимание позиции России. В заявлениях лидеров и ведущих политиков стран Западной Европы вновь звучал тезис «о непропорциональности применения Россией военной силы». Не были предприняты конкретные шаги по закрытию представительств Ичкерии и ликвидации на территории стран НАТО организаций и пунктов вербовки наемников для Чечни. А в странах ближнего зарубежья, ориентирующихся на Запад, прозвучали лишь заявления о нежелательности присутствия на их территории самых одиозных чеченских руководителей бандитских формирований, при этом даже не были предприняты попытки к их задержанию. Таким образом, опять в силе так называемый двойной стандарт.

Очевидно, что этот вопрос требует специальных исследований, и в первую очередь историками, политологами и правоведами. В данном же исследовании представляется необходимым ограничиться рассмотрением нескольких принципиальных моментов. Прежде всего, следует подчеркнуть несостоятельность пропагандируемого некоторыми зарубежными изданиями тезиса о наличии некой «всемирной сети террора», организованной и направляемой в свое время Советским Союзом. Это положение, выдвинутое К. Стерлингом [40], получило на Западе широкое распространение и оказало определенное влияние на государственных деятелей некоторых стран. Но американские спецслужбы не смогли представить доказательств, подтверждающих выдвинутый К. Стерлингом тезис [41]. Их и не могло быть, ибо, по нашему мнению, не существует всемирной террористической сети: международный терроризм как всемирное явление исключительно противоречив, многополюсен, по своей природе не поддается какому-либо руководству из единого центра.

Обвинения Советского Союза в причастности к международному терроризму основывались на фактах поддержки им национально-освободительных движений, в структуре которых имеются группы, осуществляющие террористические акции. Этот подход использован, в частности, в распространенной за рубежом работе Р. Горена «Советский Союз и международный терроризм» [42]. Таких обвинений можно избежать в будущем не путем отказа от контактов и поддержки освободительных движений, а применяя дифференцированный подход к ним и их деятельности.

Соединенные Штаты Америки ведут своеобразный реестр государств, причастных к терроризму. Он составляется и постоянно корректируется, с тем, чтобы определять конкретные меры по воздействию на эти государства. И очень часто США под предлогом возмездия террористам стараются извлечь максимум выгоды из сложившейся ситуации и решить ряд проблем геополитического, экономического и военного характера. Можно полагать, что они не ограничатся действиями только против террористических организаций и их лидеров, а, используя международную поддержку, будут стремиться кардинально изменить обстановку на Ближнем Востоке, в Центральной и Средней Азии, расправиться с неудобными им режимами, закрепить там свое влияние и непосредственное военное присутствие, игнорируя интересы других государств, включая Россию.

В знаменитой теперь уже речи, произнесенной в сентябре 2001 года, президент Буш отметил: «...мы покажем всему миру, что наша страна с честью пройдет через эти испытания... это трусливое нападение на свободу... США найдут и накажут...»,

в речи перед конгрессом США звучит историческая фраза «кто не с нами, тот против нас!» [43].

В 1988 году американский список включал наряду с другими государствами и Афганистан. В ежегодном докладе Госдепартамента США, посвященном международному терроризму, выдвигалось обвинение в адрес спецслужб Афганистана в совершении на территории Пакистана в 1987 году 127 террористических актов, в результате которых 234 человека были убиты, 1200 ранены [44]. Руководствуясь двойным стандартом, США категорически отказались включать в статистику терактов преступления, совершенные вооруженной афганской оппозицией, которые в ряде случаев организовывались при помощи иностранцев.

Обвинения в адрес некоторых из перечисленных государств основываются на материалах расследования уголовных дел по фактам конкретных террористических актов международного характера. Так, французский следователь Ж.-Л. Брюгьер, ссылаясь на материалы находящиеся в его производстве уголовных дел, заявил о наличии неопровержимых доказательств причастности ливийских спецслужб к катастрофе самолета ДС-10 в сентябре 1989 года и иранских спецслужб к организации убийства в Париже бывшего премьер-министра Ирана Ш. Бахтияра. В результате последовавшего на высоте 11000 метров над пустыней Тенере в Нигере взрыва самолета ДС-10, выполнявшего полет по маршруту Браззавиль – Наджамена – Париж, погибли 170 человек. Следствием установлено, что теракт был совершен по распоряжению ливийских спецслужб «демократическим революционным советом» Заира. Что касается теракта в отношении Ш. Бахтияра, то, по данным следствия, сотрудники спецслужб Ирана руководили этой операцией с территории Турции. На причастность «агентов иранского правительства» к убийству Ш. Бахтияра указывается также в резолюции Европейского парламента [45].

Иранские власти по существу признали свою причастность к организации и осуществлению некоторых террористических актов международного характера. Так, ливанец А. Никкаш и четыре его сообщника, совершившие в 1980 году в Париже покушение на Ш. Бахтияра, были помилованы президентом Франции Ф. Миттераном по настоянию иранских властей. В январе 1990 года президент Ирана Хашеми-Рафсанджани в личном послании террористу назвал его «исламским солдатом, находящимся во французской тюрьме» [46].

В период кризиса в Персидском заливе были получены сведения о стремлении Ирака использовать терроризм в качестве инструмента внешней политики. Как известно, в 1982 году Ирак был исключен из списка государств, поддерживающих

международный терроризм. Пытаясь заручиться поддержкой мирового сообщества в затяжной войне с Ираном, Ирак в начале 80-х годов выслал из страны всех активных террористов, включая и организацию Абу Нидаля. Из неофициальных источников известно, что после оккупации Кувейта Ирак предпринимал попытки по налаживанию контактов с международными террористическими организациями. В августе 1990 года число активных международных террористов в этой стране достигло около 1400 человек. В частности, в Багдаде и его окрестностях проходили подготовку члены организации Абу Нидаля, здесь же находилась группа, именуемая «Подразделение-17», специализирующаяся на проведении террористических акций [47].

За период кризиса в этом регионе в ряде стран были зафиксированы террористические акты, организация которых органами массовой информации приписывалась Ираку. Но широкомасштабного применения терроризма этим государством, вопреки высказывавшимся прогнозам, не было. Западные специалисты, анализируя этот факт, выделяют комплекс причин из которых наиболее существенной является позиция Сирии, пользующейся значительным влиянием на прибегающие к террористическим актам организации региона. Сирия, как известно, выступила против агрессии Ирака. Кроме того, в тот период Сирия и Ирак оказались в ситуации острого соперничества за региональное господство. В обоюдной борьбе обе стороны активно использовали тайные операции спецслужб, включая убийства дипломатов и нападения на дипломатические миссии друг друга в «третьих странах». Такие примеры характерны для многих стран мира, и страны Арабского Востока не являются исключением. Особой активностью отличались спецслужбы Израиля, пытавшиеся подорвать мощь ООП и ее боеспособность. Израильская спецслужба Моссад, опираясь на поддержку внешнеполитического ведомства, армии и военной разведки, осуществляла точечные тайные операции по уничтожению ведущих лидеров ООП. Так, 16 апреля 1988 г. в Тунисе, где размещалась штаб-квартира ООП, агентами израильских спецслужб был убит второй по значимости человек в организации и близкий соратник Ясира Арафата Халиль аль-Вазир (псевдоним Абу Джихад) [48].

Однако вовлеченность государственных спецслужб в подобного рода акции международного терроризма таит серьезную опасность для санкционирующих их властей, главной из которых является высокая вероятность разоблачения и угроза подвергнуться санкциям со стороны мирового сообщества. В этих обстоятельствах некоторые страны следовали апробированным путем. В качестве исполнителей

терактов выступали лица, не имеющие какого-либо официального статуса, бросающего тень на государственные органы. Так произошло во время захвата 52 американских дипломатов в Тегеране в ноябре 1979 г. «исламскими студентами», удерживавшими их в неволе в течение 444 дней. При этом как новые власти Ирана, так и сами «студенты» неоднократно заявляли о непричастности правительства к этим действиям, якобы «частной инициативе» иранских граждан.

К подобной практике часто прибегало правительство Израиля, пытавшееся подавить сопротивление палестинцев. Наиболее известным случаем государственного терроризма Израиля стало внесудебное преследование и целенаправленная ликвидация членов палестинской террористической группы, ставших виновниками мюнхенской трагедии 1972 г., и их вдохновителей. Израильские «мстители» были набраны из числа сотрудников Моссад, армейских спецподразделений и других силовых структур страны, которые на время выполнения операции формально вышли «в отставку». Несмотря на то, что их действия были санкционированы правительством страны и лично премьер-министром, они выступали как «частные лица [49].

Однако эти примеры опосредованного участия официальных властей государств, в том числе специальных служб и армейских подразделений, в терактах, носящих международный характер, представляли собой лишь одну и не самую главную сторону новой внешнеполитической деятельности некоторых стран, получившей название «государственной поддержки международного терроризма». Значительно более распространенной стороной такой политики является стимулирование государствами международной террористической деятельности в выгодном для себя направлении. Международный терроризм превратился в идеальный инструмент реализации внешнеполитических интересов государства. Этот инструмент привлекателен целым рядом характеристик: малозатратность, эффективность, анонимность, уход от возможных санкций мирового сообщества или ответных действий потерпевшей стороны.

Анализ рассмотренных материалов позволяет отметить, что государственный терроризм характеризуется следующими признаками:

- во-первых, акты терроризма осуществляются спецслужбами или их представители вербуют, финансируют и вооружают террористов;
- во-вторых, акты терроризма преследуют цели прямой агрессии со стороны государств, которым принадлежат данные специальные службы, или для нагнетания настроений национализма, воинствующего клерикализма, сепаратизма, экстремизма

на территориях других государств. При этом оказывается всестороннее содействие террористам. Организация и проведение террористических операций проходит тайно. При этом отрицается всякая причастность и ответственность за осуществляемые преступления;

– в-третьих, государства – субъекты государственного терроризма через свои спецслужбы для претворения в жизнь своей политики создают «территории вне закона», а сепаратистские режимы, установленные на этих территориях, являясь сателлитами этих государств, имеют хорошо вооруженные боевые отряды, у которых в арсенале имеется современное боевое и специальное оружие. Они очень часто не уступают по уровню боевой подготовки, дисциплины и проведения некоторых операций регулярным армиям отдельных государств;

– в-четвертых государственный терроризм, как составляющая международного терроризма, направляет свои усилия не просто на дестабилизацию обстановки или решение каких-либо краткосрочных задач, а на достижение более масштабных целей – захват или передел власти, аннексии территории (так называемые «зоны интересов») с возможным вытеснением оттуда местного населения.

Полностью разделяя все вышеизложенные послышки, хотелось бы детализировать круг деяний, входящих, на наш взгляд, в понятие «государственный терроризм». Итак, среди такого рода действий следует выделить: политические убийства иностранных государственных политических и общественных деятелей и другие террористические акции за рубежом, организуемые спецслужбами и осуществляемые ими непосредственно или опосредованно; подбор исполнителей террористических актов и обеспечение вывода своей агентуры из-под удара; предоставление территорий (военных баз), обучение, поддержка и финансирование иностранных террористических организаций, а также возможное их использование в своих целях. И в первую очередь для борьбы с внешним противником. Традиционно эти функции возлагались на государственные спецслужбы.

Таким образом, *государственный терроризм, на наш взгляд, следует определить как наиболее опасную разновидность международного терроризма, который включает: посягательство на международный правопорядок; применение (или угрозу применения) организованного насилия, направленного на устранение политического противника либо на достижение иных международно-противоправных целей, организуемого спецслужбами и осуществляемого ими непосредственно или опосредованно; предоставление территорий (военных баз),*

обучение, поддержку и финансирование террористических организаций, а также возможное их использование для борьбы с внешнеполитическими противниками.

Современный передел мира повышает роль государственного терроризма (следует иметь в виду, что государственный терроризм есть одна из составляющих частей международного) как инструмента политики даже у вполне нормальных демократических государств. Имеется достаточно много примеров, когда силы международного терроризма используются, что называется, «на заказ», в качестве тарана для разрушения существующих структур, нарушения сложившихся военно-политических балансов сил, перекраивания зон интересов, влияния и взаимодействия. В последующем такие государства стремятся сами заполнить образовавшиеся геополитические пустоты, встроиться в те или иные региональные структуры в качестве балансира, миротворца, регулирующей силы в управляемом конфликте.

В результате часто возникает симбиоз совершенно разнородных сил, например, исламских экстремистов и западных демократий, которые (каждая со своими целями) участвуют в своего рода разделении функций и взятых на себя полномочий в четко скоординированном процессе. Другое дело, что в силу различия стратегических целей, их несовпадения и даже стремления переиграть друг друга, использовать «втемную» в дальнейшем между партнерами могут иметь место серьезные разногласия и конфликты. Сегодня очень многие не хотят понимать, что заигрывание с международным терроризмом, попытки использовать его в собственных интересах чреватые серьезными просчетами и проблемами в перспективе. И это все происходит на фоне того, что в итоговом документе Всемирного саммита 2005 года был вновь обращен призыв к государствам воздерживаться от организации, финансирования, поощрения, подготовки или оказания какой-либо иной поддержки террористической деятельности и принимать надлежащие меры для обеспечения того, чтобы их территория не использовалась для такой деятельности [50]. И далее: все государства должны предотвращать создание террористическими группами на их территории учебных центров, в которых подготовка потенциальных членов таких групп строится на опасных идеологических концепциях и в которых им прививаются навыки, имеющие даже еще более опасный характер. Если у стран не имеется возможностей для этого, то им следует сотрудничать с международным сообществом для обеспечения таких возможностей и подлинно функционирующего правового государства. Это также означает, что государства должны обеспечивать, чтобы террористы не злоупотребляли статусом

беженца и чтобы ссылки на политические мотивы не признавались в качестве основания для отклонения просьб о выдаче обвиняемых террористов. Вместе с тем настоятельно необходимо обеспечить, чтобы усилия по борьбе с терроризмом не ущемляли прав настоящих беженцев и тех лиц, которые действительно ходатайствуют о предоставлении им убежища.

4.2. Транснациональный терроризм

Второй вид международного терроризма – терроризм лиц, действующих «автономно» от государств. Субъектами актов данного вида насилия являются члены террористических групп, то есть относительно устойчивых объединений физических лиц, избравших для достижения своих целей методы физического насилия и террора. Формально такие структуры не находятся на службе у тех или иных государств, а последние им не оказывают официальной политической или моральной поддержки. Террористические группы и организации, выступающие как субъекты международного терроризма, организационно и политически могут быть самостоятельными либо выступать в качестве составной части других организаций или движений. Чаще всего они входят в политические экстремистские движения правой и левой ориентации; националистического, сепаратистского или религиозно толка; незаконные вооруженные формирования (НВФ), в структуры организованных преступных объединений, занимающихся незаконной экономической деятельностью (наркомафия, проституция, продажа взрывчатых веществ и оружия) и другие преступные формирования.

Начиная с середины 70-х годов прошлого столетия среди субъектов международного терроризма все большее место принадлежит международным террористическим организациям, которые непрерывно осуществляют свою деятельность на территории ряда государств, порой располагая на ней достаточно развитой инфраструктурой (органы управления, лагеря для подготовки боевиков, лаборатории для изготовления средств террористической деятельности и т.п.). К структурам такого типа могут быть отнесены исламская организация «Братья-мусульмане», Армянская секретная армия освобождения Армении, фундаменталистская мусульманская организация «Хезболлах» и др.

Транснациональный характер рассматриваемой разновидности терроризма предполагает установление и поддержание различного рода связей (политических, организационных, финансовых, материальных, оперативных) между террористическими структурами разных государств. Это обуславливается

совпадением идейно-политических установок экстремистских организаций, существующих в различных регионах мира, и диктуется потребностью этих организаций в получении той или иной помощи и поддержки со стороны зарубежных террористических структур. Как показывает практика экстремистской деятельности таких террористических организаций, как «Прямое действие», фракции «Красной Армии», ряда исламских организаций, взаимная помощь близких по своим установкам структур чаще всего касается предоставления документов прикрытия, каналов проникновения в страну, избранную в качестве площадки для проведения террористических акций, обмена информацией, организации укрытия террористов после совершения актов насилия.

Сложной и пестрой представляется структура террористических групп на Ближнем Востоке, где связи основаны на религиозных и даже семейных узах. Существование и деятельность всех групп в той или иной степени связаны с главной проблемой региона – арабо-израильским конфликтом.

В отечественной и особенно в зарубежной литературе, официальных правительственных материалах и докладах, справочниках, посвященных проблеме международного терроризма, террористическим группам уделяется определенное внимание. Например, в ежегодных докладах Государственного департамента США «Глобальный терроризм» перечисляются организации, которые, по мнению авторов доклада, используют терроризм в своей деятельности. Правоохранительные органы и специальные службы должны иметь списки такого рода организаций.

В конце 80-х – начале 90-х годов в некоторых союзных республиках появились экстремистские группы, которые способны были взять международный терроризм на вооружение. Причем речь идет как о попытках формирования новых объединений, так и о планах переноса базы старых террористических групп на территорию СССР. Например, террористическая организация «Армянская секретная армия за освобождение Армении», борющаяся за присоединение к Армении части Турции, заселенной преимущественно армянами, хотела использовать Армению как базу для своей деятельности [51].

Террористические группы (организации), совершающие акты международного терроризма, весьма разнолики: одни из них действуют как исполнительные органы освободительных движений, другие – в связи с конфликтными ситуациями (международными или внутригосударственными). Длительное время (вплоть до начала 80-х гг.) многие авторы и политические деятели считали, что терроризм применяется прежде всего левыми – революционными движениями. Однако в 70-х –

начале 90-х годов появляется значительное число работ, посвященных правому экстремизму и терроризму. Например, журнал «Зихерхайтс-берайтер» (ФРГ) посвятил немало статей вопросам терроризма, в том числе анализу правого терроризма. В нем отмечается, что «правые силы изучили левый терроризм, копируют его тактику и собираются уйти в подполье. Они готовы пожертвовать всем, даже своей жизнью» [52].

Террористические группы способны воздействовать на социально-политическую жизнь всей страны, на ее межгосударственные связи. Известны случаи, когда в результате деятельности террористических групп появлялись целые государства. Т. Арнольд и М. Кеннеди в книге «Размышления о терроризме. Новый вид войны» отмечают, что еврейские террористические группы «Штерн» и «Иргун» в Палестине были инструментом борьбы с протекторатом Великобритании, завоевания политической независимости и признания государства Израиль. По их мнению, таким же путем образовалась Кения [53].

Направленность террористических групп весьма разнообразна, но, в конечном счете, все они действуют вопреки нормам национального и международного права и нацелены против конкретных межгосударственных или иных международных правоотношений. Группы различны по своему составу, целям и способам действия, различны их идейно-политические основы, однако их объединяет «платформа» насилия и терроризма как способ достижения ближайших и стратегических целей.

Террористические группы являются элементом явления «международный терроризм», они стремятся путем насилия решать важнейшие вопросы, касающиеся положения личности, развития общества, роли государства и состояния международного сообщества.

Таким образом, транснациональный терроризм, на наш взгляд, *являясь разновидностью международного терроризма, посягает на международный правопорядок, использует применение (или угрозу применения) организованного насилия, направленного на устранение политических, идеологических (идейных), религиозных противников, т.н. «изменников» движения (идеи), на территории целого ряда государств, организуемого и осуществляемого лицами или группами лиц, объединенными в организации, самостоятельно, независимо от каких-либо государств и государственных структур, включая специальные службы.*

Значительное количество фактов последних десятилетий дают основание говорить о значительном распространении практики поддержки и использования государственными специальными службами некоторых стран транснациональных

террористических организаций радикального, националистического, сепаратистского, религиозного и иного толка. Очень часто критерием выбора террористической организации выступает комплекс его побудительных мотивов к действию. Обоснованием привлечения этих субъектов международной террористической деятельности к неформальному сотрудничеству могут служить различные причины: общность идеологических позиций, религиозная идентичность, определение «общего врага» и другие. А также абсолютная анонимность и, значит, уход от возможных санкций мирового сообщества или ответных действий потерпевшей стороны, эффективность, экономичность, вывод «из-под прямого удара» своих сотрудников государственных специальных служб.

Важен для осознания опасности поддержки транснационального терроризма тот факт, что резко увеличивается угроза, исходящая от террористических организаций международного толка, переходящих под покровительство государственных органов. Данное преступное партнерство дает террористам массу преимуществ, связанных с материально-техническим обеспечением террористических актов, которые были бы труднодоступными и даже невыполнимыми в условиях их самостоятельных действий. Использование государственной ресурсной базы позволяет террористическим организациям существенно облегчить все этапы организационно-подготовительной работы, необходимой для совершения теракта. Кроме того, за свои тайные услуги террористы получают государственные базы для обучения боевиков с привлечением высокопрофессиональных инструкторов из различных силовых структур, не говоря уже о «финансовых компенсациях» за выполненную заказную работу.

Одними из первых на это явление обратили внимание США, которые ввели в оборот термин «терроризм, поддерживаемый государством» (State – Sponsored Terrorism). Однако, как это ни парадоксально, именно США демонстрируют классический пример такой деятельности на протяжении всего XX в. Это касается политики Вашингтона в Центральной и Южной Америке, связанной с участием в подготовке антиправительственных заговоров в ряде латиноамериканских стран и даже осуществлением вооруженных интервенций в них. Достаточно вспомнить всемерную поддержку со стороны США никарагуанских контра в их борьбе против революционеров-сандинистов в 70–80-х годах. Как отмечалось ранее, согласно некоторым сведениям, в эти годы ЦРУ создало в Европе – Франции, Италии, Дании и других странах – подконтрольную секретную организацию «Гладио», в задачи которой входило осуществление диверсионно-террористических актов на территории этих государств, считавшихся союзниками США по НАТО [54].

«Террористические операции для воздействия на общественное мнение являются для ЦРУ обычным делом», – писал уже в 2003 г. бывший министр ФРГ фон Бюлов, курировавший в бундестаге деятельность западногерманской разведки и соответственно хорошо осведомленный в этих вопросах, в книге «ЦРУ и 11 сентября. Международный терроризм и роль секретных служб». Позднее западной общественности стали известны факты участия сотрудников ЦРУ не только в сокрытии информации о подготовке покушения, но и в убийстве премьер-министра Испании Карлоса Бланко в марте 1975 г. в Мадриде, и о внедрении агента ЦРУ в «Красные бригады» в Италии, осуществившие похищение и убийство премьер-министра А. Моро в 1975 г. Имелись и другие многочисленные факты и свидетельства участия западных спецслужб, в том числе Израиля, в осуществлении террористической деятельности [55].

Однако наиболее показательным и разрушительным по своим последствиям стала американская поддержка международной террористической деятельности моджахедов (так называемых «воинов ислама») в Афганистане. Афганистан затягивал в себя в 80-е годы экстремистов и авантюристов со всего мусульманского мира, став для них не только «школой священной войны», но, пожалуй, и основным фактором мобилизации и международной координации их террористической деятельности. Именно тогда, играя на ненависти афганцев к советскому вторжению, США вскормили движение «Талибан», которое на первых порах успешно действовало против просоветского режима Наджибуллы. А сейчас, когда это движение стало ненужным, талибов довольно быстро назвали «террористами» и резко осудили за взрывы зданий за много тысяч километров от их родины. Но никто не вспоминает о наркотиках для американских подростков и оружии для моджахедов, сражавшихся против СССР...

Осуществленная под американским руководством международная антитеррористическая операция в Афганистане против «Аль-Каиды» и движения «Талибан» не снизила угрозу международного терроризма, а лишь усугубила ситуацию в борьбе с ним. Тем не менее, она позволила США значительно укрепить свои военно-политические позиции в государствах Центральной Азии. Усиливается американское военно-политическое влияние в Грузии и Азербайджане. Аналогичным образом складывается ситуация и с многонациональной операцией в Ираке, разработанной США и Великобританией. Однако усиление американских позиций в районе Персидского залива и попытка взять под свой контроль его углеводородные запасы способствовали небывалому росту международных

экстремистских сил на иракской почве. Подтверждением этому служат слова бывшего руководителя службы внешней разведки России, академика Е.М. Примакова: «...борьба за зоны влияния продолжается и сегодня, в том числе и методами, близкими к государственно-террористическим, и у этой борьбы имеется «устойчивый запах нефти» [56].

Нынешний терроризм может служить не только дополнением и органическим элементом, но и детонатором военных конфликтов, в частности межэтнических, препятствовать мирному процессу. Этим обстоятельством в ряде случаев пытаются воспользоваться в своих геополитических и стратегических интересах США и другие западные страны. Страдая от терроризма, они, тем не менее, готовы сотрудничать с террористическими группировками в тех случаях, когда деятельность последних не направлена в данный момент против тех же США или их союзников. В частности, в опубликованном в средствах массовой информации 3 сентября 1996 г. документе говорилось, что в апреле-мае 1996 г. административными структурами ряда стран при объединяющей руководящей роли ЦРУ США была проделана немалая работа в области «реализации интересов Запада в кавказском регионе. Было решено, что дальнейшая координация действий в этой части возлагается на Совет национальной безопасности Турции, к которому прикомандировываются «специалисты по Кавказу» из США, Англии и ФРГ [57].

Вместе с тем было бы ошибочно сводить расширение практики государственной поддержки международного терроризма к одной-единственной американской первопричине. Она во многом обусловлена неурегулированностью многочисленных региональных конфликтов. Так, Пакистан, активно участвовавший в афганском эксперименте США, наглядно демонстрирует возможность противостояния более мощному противнику (Индии), сочетая тактику прямых военных столкновений с соседним государством и поддержку сепаратистских тенденций в различных районах на его территории. По утверждению официального Дели, пакистанские власти участвуют в открытой агрессии против Индии. Она выражается в предоставлении убежища боевикам сикхских и кашмирских незаконных вооруженных формирований (НВФ) на пакистанской территории, в их подготовке и вооружении, а также в информационно-пропагандистском обеспечении их террористической деятельности. И не мудрено, ведь Пакистан длительное время являлся и является учебной базой для подготовки боевиков-террористов. Как впоследствии признавался один из американских экспертов в области контртеррористической борьбы Марк Сейджмен, в 1987–1989 годах в Исламабаде (Пакистан), он непосредственно занимался

подготовкой, обучением и обеспечением деятельности исламистских боевиков, и, по его словам, на протяжении этого времени под его «крылом были многие командиры моджахедов» [58].

Кризис на Корейском полуострове, длящийся уже более полувека, породил не только проблему разделенного границей одного народа, но и взаимный терроризм двух суверенных и независимых корейских государств – Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и Республики Корея. Так, по информации США и Южной Кореи, в 80-е годы агенты спецслужб КНДР совершили серию террористических актов в отношении собственности Республики Корея и ее дипломатов. В августе 1983 г. ими была предпринята неудачная попытка убийства президента Кореи Чон Ду Хвана, находившегося с визитом в Бирме. Спустя несколько месяцев, в октябре того же года, северокорейская спецслужба организовала взрыв бомбы в столице Бирмы Рангуне, унесшей жизни шести видных политических деятелей Южной Кореи. В ноябре 1987 г., по утверждению властей Республики Корея, северокорейские агенты взорвали авиалайнер национальной авиакомпании КАЛ (Корейские авиалинии) рейса 858. В результате взрыва авиалайнера погибли все 115 пассажиров и членов экипажа, находившихся на его борту. КНДР оказывала помощь, в том числе в виде поставок стрелкового оружия, взрывчатки и диверсионной подготовки иностранных граждан в своих учебных центрах, различным международным террористическим организациям и движениям в Латинской Америке, Африке и Юго-Восточной Азии, включая маоистскую Новую народную армию, борющуюся с властями Филиппин. По данным Госдепартамента США, в марте 1996 г. кампучийскими властями был арестован один из уцелевших руководителей «Коммунистической лиги – Фракции Красной армии» Йошими Танака, пересекавший пост пограничного контроля в столичном аэропорту в составе группы северокорейских граждан [59].

В 70–90-е годы XX в. практика государственной поддержки международного терроризма находила свою реализацию и на африканском континенте. Она была неотъемлемым элементом внешнеполитического курса ЮАР, направленного на обеспечение безопасности режима апартеида путем дестабилизации политического и экономического положения «прифронтовых» (соседних) стран. В списке получателей разнообразной помощи от государственных структур ЮАР значились Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА) и Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА), а также Мозамбикское национальное сопротивление (РЕНАМО). Она включала предоставление учебно-тренировочных

баз на южноафриканской территории, направление инструкторов из числа военнослужащих и служб безопасности ЮАР, поставки вооружений и боеприпасов, снабжение обмундированием и предоставление финансовой помощи. Упомянутые антиправительственные движения, выступавшие за свержение законно избранных правительств своих стран, вели интенсивную диверсионно-террористическую деятельность, мишенями которой становились различные органы власти, государственные чиновники и политические деятели, военнослужащие правительственных войск и полицейские. Важным компонентом их «освободительной» борьбы было запугивание местного населения с целью демонстрации беспомощности официальных властей и принуждения жителей подчиниться порядкам, устанавливаемым повстанцами. Естественным результатом этого стал тот факт, что жертвами террористических кампаний, развязанных этими группировками, сформированными, как правило, на этноплеменной основе, становилось мирное население. Более того, объектами устрашения являлись международные организации и их сотрудники, пытавшиеся оказывать *гуманитарную* помощь населению районов боевых действий. В числе цели нападений антиправительственных группировок в Анголе и Мозамбике оказались представители ООН, официально направленные в эти страны с миротворческой миссией. Все это свидетельствует о том, что власти ЮАР были вовлечены в международную террористическую деятельность, оказывая всестороннюю поддержку повстанческим группировкам в соседних африканских государствах .

В черном списке государств, оказывающих поддержку международному терроризму, оказалась и Куба, руководство которой неоднократно заявляло о поддержке национально-освободительных движений в Центральной и Южной Америке, Африке и Азии. Как утверждает Государственный департамент США, у американских властей существуют «обоснованные подозрения» относительно поставок кубинцами оружия и финансирования некоторых латиноамериканских повстанческих движений, а также подготовки зарубежных террористов на кубинских базах на острове Свободы в 60–80-е годы. Несмотря на отсутствие подобных фактов в 90-е годы, Вашингтон отмечает, что Куба продолжает предоставлять политическое убежище боевикам ряда зарубежных террористических организаций, включая баскскую ЭТА и чилийский Патриотический фронт Мануэля Родригеса. Некоторые латиноамериканские группировки, в частности колумбийские Революционные вооруженные силы Колумбии и Национальная освободительная армия, имеют свои представительства на Кубе [60].

Полувековой израильско-палестинский конфликт пронизан практикой государственной поддержки международного терроризма. Это обстоятельство обусловлено многими факторами: значимостью конфликта для общественно-политической и экономической ситуации в регионе, остротой межарабского соперничества на Ближнем Востоке и в Северной Африке, стремлением правящих режимов повысить свой международный статус, попыткой правительств решить задачи своего внешнеполитического курса «чужими руками» (посредством международных террористических организаций), желанием нанести экономический, политический или морально-гуманитарный ущерб противоположной стороне. Участие арабских стран в возникновении и становлении палестинского движения сопротивления позволило им оказывать активное влияние на выбор тактики действий входящих в его состав группировок и определение целей, подлежащих силовому давлению. Этим объясняется большое число движений, организаций и групп, формально объединенных в ПДС.

Многие арабские государства, пользуясь присутствием на их территории палестинских беженцев или оказанием материально-технической или финансовой помощи разрозненным палестинским структурам, формировали «самостоятельные» палестинские группировки, находящиеся под их полным контролем. Эта жесткая зависимость превращала палестинцев в инструмент региональной политики отдельных арабских режимов. Именно этим зачастую был обусловлен тот факт, что острота борьбы некоторых палестинских структур было обращено не против Израиля, что было бы объяснимо с учетом его оккупации Палестины. На самом деле палестинские организации на протяжении второй половины XX в. участвовали в междоусобной схватке за доминирование в ООП, в том числе отработывая «заказы» государств, выступавших в роли их спонсоров. Например, в течение долгого времени Национальный фронт освобождения Палестины – Главное командование (НФОП–ГК) и «Сайка» находились под сильным влиянием Сирии, а Арабский фронт освобождения (АФО) считался палестинской организацией, жестко ориентированной на руководство Ирака. Однако наиболее показательным является пример Организации Абу Нидаля (Сабри аль-Банни), которая с момента своего создания в 1974 г. неоднократно меняла своих покровителей, в число которых входили Ирак, Сирия, Ливия [61].

Помимо этого некоторые арабские страны, вовлеченные в региональные конфликты с неарабскими государствами, также прибегали к услугам международных террористических группировок. Так, многочисленные курдские организации, в

частности Курдская рабочая партия, использовались Сирией и Ираком для давления на Турцию путем дестабилизации ее военно-политического и экономического положения в результате диверсионно-террористических действий. С этой целью в 80–90-е годы власти этих двух арабских стран предоставили боевикам КРП учебно-тренировочные базы на своей территории, офисы для представительств партии в своих столицах и политическое убежище ее руководителям. В 80-е годы Ирак также оказывал всестороннюю помощь таким группам иранских курдов, как Демократическая партия иранского Курдистана (ДПИК), Революционная организация трудящихся Курдистана («Комада») и др. То же самое можно сказать о таких леворадикальных организациях, как Народная партия Ирана (Туде), Организация федаинов иранского народа («Федаин-е Халк»), Организация моджахединов иранского народа (Моджахедин-е Халк), против власти шиитского духовенства в Тегеране.

В свою очередь Иран, а также Турция оказывали разностороннюю помощь, включая поставки оружия и направление своих инструкторов, иракским группировкам – Демократической партии Курдистана (ДПК) Масуда Барзани и Патриотическому союзу Курдистана (ПСК) Джелиля Талабани, стимулируя их диверсионные действия против официальных властей в Багдаде. Кроме этого Иран поддерживал, в том числе вооружением и финансами, различные шиитские организации (Высший совет исламской революции в Ираке и др.), действовавшие на юге Ирака. Наконец, Сирия, контролирующая в последние двадцать лет всю территорию Ливана, «не возражала» против превращения долины Бекаа в некое подобие международного учебного центра для подготовки боевиков зарубежных террористических групп, представляющих Северную Африку, Ближний и Средний Восток, Латинскую Америку и Западную Европу. Все это гибко вписывалось в тактику перечисленных стран по укреплению своих геополитических позиций за счет ослабления региональных оппонентов [62].

Иногда такое положение дел приводило к крупным международным скандалам и даже введению односторонних экономических и политических санкций, не говоря уже о шумных международных кампаниях, в отношении суданского режима. Примером этого может служить эхо неудавшейся попытки покушения на президента Египта Хосни Мубарака, прибывшего в Аддис-Абебу для участия в работе саммита глав государств и правительств стран – участниц Организации африканского единства (ОАЕ) 26 июня 1995 г. Египет обвинил суданские власти в прямой поддержке террористов из «Исламской группы», участвовавших в организации и проведении этого теракта. Несмотря на опровержения официального Хартума,

кризис, возникший в отношениях между двумя странами, едва не закончился войной. 31 января 1996 г. Совет Безопасности ООН одобрил резолюцию № 1044, которая обвиняла Судан в поддержке международного терроризма и требовала от властей страны выдать участников покушения на Х. Мубарака, нашедших убежище на ее территории. В то же время понимание и поддержку в Хартуме находили многие африканские радикальные группировки, и не только исламские. К их числу относят повстанческие движения в Уганде, Тунисе, Эфиопии, Эритрее и Кении [63].

Не менее активно в 70–80-е годы на международной арене вела себя Ливия. Эта позиция, отражавшая полное неприятие режимом Муамара Каддафи интересов США в регионе и «происков американского империализма» в мире, привела к тому, что уже в 1981 г. Вашингтон свернул дипломатические отношения с Ливией и закрыл посольство (народное бюро) этой страны в Вашингтоне. Формальным поводом для этого послужили обвинения Ливии США в «поддержке международного терроризма». Американские власти указали, в частности, на действия ливийских дипломатов, не только запугивавших ливийских эмигрантов в США, но и участвовавших в организации убийства одного из них. Ответ Триполи не заставил себя долго ждать. Уже в 1985 г. палестинские террористы во главе с Абу Нидалем, опираясь на ливийскую поддержку, осуществили взрывы около билетных касс израильской авиакомпании «Эл Ал» в столичных аэропортах Австрии и Италии. Их жертвами стали 17 человек, включая пятерых американцев. Еще 107 человек, из них 17 граждан США, получили ранения различной степени тяжести. В апреле 1986 г. на ночной дискотеке «Ла Белле» в Западном Берлине, пользовавшейся популярностью у расквартированных в ФРГ американских военных, прогремел мощный взрыв. Он унес жизни двух американцев и привел к ранениям 229 человек, из которых 56 были гражданами США. Антиамериканская направленность акции позволила Вашингтону обвинить Триполи в причастности к ее организации [64].

Однако Ливия, как полагают в некоторых исламских государствах, не отказалась от политики государственной поддержки международного терроризма. В качестве обоснования таких обвинений называют заявления лидеров сепаратизма ачехцев в Индонезии об их стремлении копировать ливийскую модель государства. Отмечено также активное участие ливийского руководителя Муамара Каддафи в процессе урегулирования ситуации на севере Суматры. Более того, в некоторых СМИ отмечается, что на территории Ливии расположены тренировочные лагеря, в которых военную подготовку прошли тысячи ачехцев. Ливийский режим также подозревается в тайных поставках оружия на Суматру [65].

Таким образом, активная практика опосредованного использования государственными структурами ряда стран через свои специальные службы такой разновидности международного терроризма, как транснациональный, в значительной мере отражает разобщенность мирового сообщества. Одновременно это обозначает стремление ряда государств использовать тайные рычаги силового воздействия с целью решения конфликтных ситуаций в отношениях с соседними странами или реализации своих региональных или геополитических амбиций. Губительный подход деления международных террористов на «своих» и «чужих» привел к тому, что это явление приобрело самостоятельное мировое значение. Оно подвело человечество к грани его тотальной зависимости от воли хорошо скоординированного и самодостаточного международного сообщества приверженцев насильственных действий, нашедших свое место в жизни и не желающих возвращаться в лоно «демократических» институтов урегулирования возникающих конфликтных ситуаций. Это тем опаснее, что многие из стран, уличенных в государственной поддержке международного терроризма, имеют доступ к химическому и биологическому оружию, который включает производство этого оружия и его отдельных компонентов. И все это тогда, когда на рубеже тысячелетий терроризмом стала прикрываться фактически военная агрессия одних государств в отношении других при вуалировании истинных субъектов такой агрессии. Вина в таких случаях часто возлагается на различные общественные организации религиозного, националистического, сепаратистского и иного экстремистского толка, хотя лидеры таких организаций готовятся спецслужбами различных государств и ими же контролируются.

Глава 5.

Характеристика наиболее распространенных форм терроризма и определение последствий их применения

Предлагаемое в настоящей работе деление терроризма на формы (как и любая другая классификация) носит в известной мере условный характер, но выделение конкретных форм терроризма необходимо для придания большей целенаправленности и системности научным исследованиям и правоприменительной деятельности в этой области.

На практике конкретные формы терроризма встречаются как в «чистом», так и в «смешанном» виде. Так, захват и угон воздушного судна (самостоятельная форма международного терроризма), как правило, сопровождается взятием в качестве заложников пассажиров и экипажа самолета. Сочетание двух форм терроризма наблюдается и при использовании взрывного устройства для разрушения воздушного судна и в других случаях.

Очевидно, что классификация терроризма может быть полезной как с теоретической, так и с практической точек зрения, ибо она в достаточной мере содержит необходимые прогностические элементы. В частности, такая форма, как использование в террористических целях оружия массового поражения и его компонентов, на практике еще не фиксировалась. Принципиальная возможность подобных актов, чреватых катастрофическими для отдельных стран, регионов и всего мирового сообщества последствиями, данные о планах террористов дают основание для выделения такой формы терроризма.

Необходимость анализа наиболее распространенных форм терроризма вызвана еще и тем, что научное осмысление особенностей конкретных форм террористической деятельности в значительной мере будет способствовать созданию систем учета, прогнозирования динамики развития и тенденций данного явления, что в первую очередь необходимо для предупреждения подобного рода преступлений.

Террористические акции являются разновидностью человеческой деятельности. И их в данном случае целесообразно рассматривать как систему, состоящую из следующих элементов: субъекты, объекты их устремлений, цели, методы (собственно действия), средства и результат.

Основными субъектами данного вида террористических действий являются:

– террористические и экстремистские (в том числе религиозные) организации, как иностранные, так и отечественные, деятельность которых представляет реальную угрозу безопасности государств, а зачастую и международного сообщества;

- всевозможные структуры организованной преступности, использующие террористические методы для достижения своих целей (в том числе занимающиеся незаконным оборотом оружия и наркотических средств и т. д.);

- националистические (национальные), этнические, сепаратистские формирования, движения и организации, использующие, допускающие использование или пропагандирующие возможность использования незаконных насильственных методов (включая террористические);

- организованные преступные сообщества, в действиях которых усматриваются признаки терроризма или террористической деятельности, а также смыкающиеся с экстремистскими общественными объединениями;

- специальные службы иностранных государств (при актах государственного терроризма);

- отдельные криминогенные категории (группы) граждан.

Объектами устремлений террористов при планировании террористических акций являются:

- здания и помещения органов государственной власти и управления, в том числе специальных служб и правоохранительных органов, дипломатических и иных иностранных представительств, здания и помещения общественных организаций, партий. Насильственные акции против этих объектов главным образом призваны продемонстрировать отношение террористов к политическим силам, которым принадлежат эти объекты, или побудить их к принятию выгодных для террористов решений;

- объекты, воздействие на которые вызовет большие человеческие жертвы, нанесение значительного ущерба экономике, обороноспособности страны, массовое нанесение ущерба здоровью людей. К ним можно отнести: ядерные объекты, объекты производства химических и бактериологических веществ, крупные промышленные предприятия, объекты жизнеобеспечения населения;

- объекты массового скопления людей. К таковым относятся: средства транспорта, вокзалы, культурно-развлекательные и торговые центры, учебные и различные детские учреждения;

- объекты культурного и исторического значения. Выбор тех или иных материальных объектов связан с различным механизмом реализации террористами поставленных целей (влияние на принятие тех или иных решений в свою пользу, формирование общественного мнения, распространение паники и т. д.).

Основными целями совершения террористических акций, как правило, являются следующие:

- подрыв и ослабление экономического, военного потенциала, политического авторитета государства;
- принуждение различных органов государственной власти к принятию решений политического, экономического, военного и иного характера, выгодных для террористов;
- уничтожение политических противников;
- парализация деятельности различных государственных, в том числе и правоохранительных органов;
- подрыв авторитета государственных структур в глазах населения;
- заявление о себе как о политической силе, с которой следует считаться;
- получение материальных средств, освобождение сообщников, находящихся в заключении;
- выражение несогласия с отдельными мероприятиями правительства в области внешней и внутренней политики;
- стремление добиться симпатий среди широких слоев населения (путем насилия в отношении, например, «нелюбимых» в народе администраторов).

Методы, применяемые террористами, подчинены реализации поставленных целей, которые они преследуют в данный момент. В зависимости от того, намерены ли они причинить реальный материальный ущерб или же только оказать устрашающее воздействие, различают:

1. Методы материального воздействия на неодушевленные объекты. Они связаны главным образом с уничтожением или повреждением объектов этой группы с целью причинения значительного материального ущерба, а также гибели большого количества людей. К ним относятся преимущественно использование взрывчатых и воспламеняющихся веществ, механическое нанесение повреждений или приведение этих объектов в негодность. Другими словами, это прежде всего взрывы, поджоги.

2. Методы психологического воздействия (психологический террор) занимают все большее место в террористической деятельности. Это объясняется, с одной стороны, сущностью террора как метода устрашения и принуждения, а с другой стороны, стремлением упростить в ряде случаев механизм достижения террористических целей, широким распространением политического экстремизма в различных кругах населения. В данную группу методов входят две подгруппы. Первую образуют действия, непосредственно носящие физический характер, но в основном рассчитанные на достижение психологического результата. К ним относятся демонстративные взрывы или

поджоги каких-либо малозначимых с точки зрения экономического ущерба объектов. Вторую подгруппу составляют действия, также носящие преимущественно демонстративный характер, но не связанные с прямым причинением какого-либо физического ущерба. Это прежде всего угрозы открытые или анонимные в адрес должностных лиц, учреждений, общественных деятелей и т. п. Такие угрозы осуществляются обычно устно, письменно, по телефону и, как правило, содержат намерение осуществить взрыв или поджог, если не будут выполнены какие-либо требования террористов. Нередко подобные угрозы содержатся в листовках, публикациях в прессе. Террористические организации могут в определенных случаях организовывать целенаправленные и массированные кампании запугивания своих противников или других избранных ими объектов терроризма дальнейшей эскалацией террористической деятельности.

Действия, непосредственно направленные на достижение поставленной цели, разнообразны по своему проявлению. Анализ тактики деятельности различных подразделений специального назначения иностранных государств, различных террористических структур, как международных, так и действующих на территории стран ближнего зарубежья, позволяет выделить следующие ее характерные стадии:

- выбор потенциального объекта, сбор и анализ разведывательных и иных информационных данных об этом объекте террористических устремлений (данные об уязвимости и доступности к нему, о характере местности и обстановке на объекте и в окружении, местах возможного базирования и укрытия группы, маршрутах возможного выдвигания к объекту и проникновения на него и т. п.);
- планирование основных вопросов подготовки и проведения террористической акции;
- подготовка террористической акции (создание на объекте либо в его окружении так называемой опорной негласной сети из числа работников объекта и местных жителей; подготовка условий для прибытия и проживания в течение некоторого времени исполнителей, тайников для специального оружия и средств террора, создание условий для проникновения непосредственно на объект и т. п.);
- проникновение на территорию страны покушения (для субъектов, находящихся за пределами государства) и в район расположения объекта террористических устремлений непосредственных исполнителей, создание благоприятных условий для выполнения поставленной задачи и выхода группы из района проведения акта терроризма;
- проведение террористической акции;
- выход террористов из оперативного района и с территории стран, где была проведена террористическая акция.

Результат террористической акции определяется ее целью, объектом устремления и методом действия. При использовании метода материального воздействия – это уничтоженный материальный объект и в связи с этим устрашение тех или иных должностных лиц, общественных деятелей, определенных групп населения, дестабилизация обстановки в регионе, населенном пункте. В случае если использовался метод психологического воздействия – это устрашение тех или иных лиц, принятые ими решения или совершенные действия в пользу террористов.

5.1. Вооруженное нападение с использованием в террористических целях «традиционных» форм лишения людей жизни с помощью оружия (огнестрельного, холодного, специального), взрывчатых веществ и взрывных устройств

В контексте предлагаемой темы следует в первую очередь более детально обозначить методы, средства совершения преступлений, связанных с посягательством на жизнь, признаки их подготовки. В частности, специалисты под методами совершения насильственных преступлений (акты терроризма) в «традиционной» форме понимают совокупность приемов и операций, с помощью которых преступники стремятся достичь результата. Таковыми являются: непосредственное нападение; минирование мест нахождения объекта террористического акта; минирование транспортных средств; минирование маршрутов передвижения; таран; использование почтового канала; воздействие на организм отравляющими веществами.

Рассмотрим указанные методы более подробно.

Непосредственное нападение может быть осуществлено *из засады* и при *непосредственном контакте* с жертвой преступления.

4 апреля 1968 года борец за гражданские права американских негров пастор Мартин Лютер Кинг приехал с группой своих сторонников в Мемфис (штат Теннесси) и разместился в мотеле. В 18 час. 23 мин., когда он вышел на балкон, прозвучал одиночный выстрел. Негритянский священник выпрямился, схватился за шею и упал. Агентам ФБР удалось выяснить следующее. Во второй половине дня 4 апреля 1968 года, примерно в 15 часов, в дешевом пансионате, что расположен напротив мотеля, снял номер прилично одетый молодой человек. Около 18 часов он вошел в общую ванную комнату с винтовкой в руке, запер за собой дверь, подошел к окну и стал смотреть на мотель. Когда на балконе появился пастор Кинг, он спокойно выстрелил в него. Метод *нападения из засады* эффективен. Он во многом ограничивает предупредительные меры охраны по своевременному обнаружению и обезвреживанию преступника.

Нападение на выбранную жертву с использованием *непосредственного контакта* применяют также достаточно часто, как и нападение из засады. Для иллюстрации данного метода также обратимся к примеру.

В США во время выступления перед шахтерами в Спрингфилде (штат Иллинойс) кандидат на пост председателя профсоюза горняков Джозеф Яблоньски подвергся нападению бандита, который приемами каратэ рассек ему горло. От этого удара Яблоньски впоследствии скончался.

Указанный метод (непосредственное нападение) довольно-таки широко использовался и активно используется в настоящее время, и не только террористами, но и преступниками всех мастей. Они считают его наиболее простым и эффективным в достижении преступного результата. В значительной мере это подтверждается и криминогенной статистикой, которая указывает, что половина всех преступлений совершено методом нападения. И вот только яркие примеры из истории убийств в XX веке: 1914 год – убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево. Оно стало поводом для начала Первой мировой войны. В 1963 г. был убит президент США Дж. Кеннеди. В 1980 г. убит популярный певец и композитор, кумир молодежи – Дж. Леннон. В 1981 году произошло убийство президента Египта Садата и были совершены покушения на президента США Рейгана и папу римского, в результате которых они были тяжело ранены. В 1984 г. была предпринята попытка покушения на руководителей консервативной партии Великобритании в Брайтоне. В 1984 году была убита И. Ганди. В 1986 году в Швеции жертвой вооруженного нападения стал глава правительства страны Улоф Пальме. Премьер-министр с супругой поздно вечером вышли из кинотеатра. Охрана отсутствовала полностью. Неизвестный подошел сзади и произвел выстрел из револьвера почти в упор и скрылся. Улоф Пальме скончался. Розыск преступника продолжается и поныне. Это далеко не полный перечень убийств только первых лиц государств. Только перечисление их заняло бы не одну страницу [1].

Распространенность данного метода объясняется прежде всего простотой применения орудия преступления. Например, такое средство нападения, как пистолет, легко маскируется, удобен в обращении и надежен в применении. Нет надобности длительное время обучать террориста, да и другого законоотступника, обращаться с пистолетом, чего нельзя сказать, например, о взрывчатых веществах. Временные рамки данного рода преступления также коротки. В среднем данная акция (нападение из засады) длится от 8 секунд до 1 минуты.

Минирование мест нахождения охраняемых лиц. Метод весьма эффективен с позиции злоумышленников, но к нему они могут прибегнуть только при наличии на

охраняемых объектах уязвимых мест или если располагают реальными позициями на объектах охраны, способными установить взрывное устройство. Обратимся к примеру. 28 июня 1981 года в штаб-квартире правящей Исламской республиканской партии, где собралось все высшее руководство Ирана, за исключением Хомейни, в результате взрыва погибли 74 человека. Среди покойных оказались: председатель Верховного суда, член временного президентского совета и лидер Исламской республиканской партии М. Бехешти, четыре министра, девять заместителей министров, 28 депутатов парламента [2].

Этот метод представляет огромную опасность как для конкретного человека, ставшего объектом нападения, так и для других людей, иногда абсолютно посторонних, оказавшихся в данном месте и в данное время.

Минирование транспортных средств. Обратимся сразу к примеру. В начале июня 1987 года, как обычно по понедельникам, один из вертолетов, базировавшихся на военной базе Адша, доставлял главу правительства Пакистана Рашида Караме и министра внутренних дел из Северного Ливана в Западный Бейрут. Восемь минут спустя после начала полета внутри вертолета раздался взрыв. Премьер-министр погиб на месте. В ходе расследования установили, что под кресло Р. Караме было положено 300 граммов взрывчатки. Причем, как считают, она была внесена в вертолет с багажом самих пассажиров [3].

Метод минирования передвижных средств весьма удобен для террористов еще и потому, что многие государственные, политические лидеры и другие охраняемые лица, как правило, пользуются одними и теми же принадлежащими им транспортными средствами, которые по целому ряду причин зачастую остаются на определенное время без присмотра. Исходя из этого охране средств передвижения и мест непосредственного хранения (гаражей, ангаров, причалов, стоянок и т.д.), в том числе и временных, следует уделять самое пристальное внимание во избежание их возможного минирования.

Минирование маршрутов передвижения. Этот метод бывает весьма эффективен, если используется определенный маршрут передвижения. И, в частности, из дома (загородной дачи) на работу и обратно. Эффективность данного метода объясняется следующим: отсутствием режима постоянной охраны на маршрутах передвижения; наличием уязвимых мест на трассе проезда; сравнительной легкостью и безопасностью доставки и применения ВВ и других средств преступной деятельности к месту предстоящей операции; возможностью безнаказанно скрыться.

Таран. Случаи использования тарана в преступных целях и его повышенная опасность из-за ограниченности противодействия известны в правоохранительной практике. Весьма

сложно должным образом отреагировать на мчащийся на большой скорости навстречу транспорту с потенциальной жертвой террористического акта автомобиль, «от души», как правило, начиненный взрывчаткой. Специалисты утверждают, что в значительной степени применение тарана характерно для стран, где большое распространение получила «харб сейяра» («война машинами»). Однако статистика преступлений постепенно начинает опровергать утверждения специалистов.

Использование почтового канала. Серьезную опасность представляют «почтовые сюрпризы», которые преступники направляют в адрес жертвы. Сущность этого метода заключается в камуфлировании под почтовую корреспонденцию взрывчатых и зажигательных веществ. Секретарь военного атташе британского посольства в Вашингтоне был искалечен взрывом бомбы, присланной в почтовом конверте. В качестве взрывчатого вещества использовался белый порошок, химический состав которого неизвестен. Взрыв этого вещества происходит в результате ударного или импульсивного действия.

Учитывая распространенность данного метода, считаем целесообразным по тексту обозначить необходимые рекомендации по обнаружению так называемых писем-бомб. Итак, сканируйте всю поступающую корреспонденцию на предмет наличия в ней металлических предметов или взрывчатых веществ. Если сканирующее оборудование слишком дорогое для вас или неудобное, обращайтесь внимание на следующие подозрительные детали: отсутствует обратный адрес; указан адрес незнакомого лица или фирмы на конверте; адрес и название нанесены при помощи наклеенных букв из газет и журналов; стоит почтовый штамп местности, известной своими проблемами (Северный Кавказ, Ближний Восток и т.п.); есть ощущение, что в посылке или конверте есть что-то мягкое, похожее на глину, пластилин, оконную замазку; посылка или письмо кривое или слишком тяжелое для своих размеров; посылка или письмо имеет грязные пятна или выглядит так, как будто из него что-то сочится (взрывчатое вещество имеет тенденцию мокнуть); от письма или посылки исходит запах марципана или миндаля (признак некоторых взрывчатых веществ); посылка имеет необычный вид, например, когда похоже, что содержимое укладывалось в посылку сбоку для того, чтобы при вскрытии сверху произошел взрыв; на посылке или письме просматриваются очертания детонирующего механизма, состоящего из тонкой пружины и имеющего очертания монеты.

Одновременно следует помнить, что большинство современных писем-бомб гораздо тоньше и более компактно, чем обычно, и поэтому у них может не быть тех признаков, о которых мы упомянули выше. Единственным способом определения таких писем и

посылок может быть их сканирование на рентгеновской установке или детекторе определения взрывчатых веществ.

При обнаружении бомбы в почтовом отправлении немедленно известите сотрудника службы безопасности. При его отсутствии следует вызвать милицию и сообщить в службу по чрезвычайным ситуациям. До их прихода (приезда) не трогайте подозрительную посылку. Если же вы уже взяли ее, осторожно отнесите ее в угол, положите на пол и эвакуируйте весь персонал из этого помещения. По возможности очень осторожно, положите ее в пластиковый пакет. Это необходимо для возможного определения отпечатков пальцев.

Воздействие на организм отравляющими средствами (биологическими, радиоактивными, химическими и другими).

Перечень методов совершения подобного рода преступных актов далеко не полон, они постоянно совершенствуются. Преступники используют при этом различные средства, которые можно разделить на следующие группы: оружие (холодное, огнестрельное, специальное); взрывчатые вещества; отравляющие вещества; радиоактивные вещества; биологические вещества.

Средства осуществления террористической деятельности постоянно модифицируются и совершенствуются. В прошлом акты терроризма и насилия подобного рода совершались примитивными и доступными средствами. Как правило, использовалось простейшее (по нашим меркам) огнестрельное оружие, ручные бомбы и распространенные на тот период отравляющие вещества. Нередко сами «террористы-бомбисты» оказывались в зоне поражения.

В наши дни большое распространение получило такое отравляющее средство, как контактный яд, которым можно убить любого человека, коснувшись им его одежды или обуви. Смерть наступит только через несколько дней. Даже при вскрытии нельзя точно установить причину смерти.

По-прежнему опасным остается огнестрельное оружие. Современные оптические приборы способствуют точности прицеливания и меткости попадания. Убийство Дж. Кеннеди было совершено с расстояния 100 м, а Мартина Л. Кинга – с 70 м. Специалистами был проведен целый ряд исследований, который позволил им утверждать о том, что из оружия с оптическим прицелом средний стрелок может поразить человека с расстояния 250–300 м. Наиболее «популярными» являются автоматы производства бывшей Чехословакии, Польши, Советского Союза (России), Израиля и некоторых других стран. Террористы активно используют переносные зенитные комплексы и ракеты типа «Стингер» и «Стрела». Такие системы компактны, не имеют большого веса, могут быть

применены одним человеком и не требуют вспомогательного персонала. Они могут легко маскироваться, перевозиться в чемоданах. Наиболее «эффективны» такие ракеты против автомашин, самолетов, машин инкассаторов, транспортных средств, а также нефте- и газопроводов. По сведениям, приводимым Б. Дженкинсом, такими системами располагают от 30 до 40 стран «третьего» мира [4]. Террористы имеют возможность приобретать их на международном «черном рынке», некоторые террористические организации получают такое оружие у поддерживающих их государств. Террористами используются также ручные противотанковые гранатометы. Так, имела место попытка использования РПГ-7 советского производства для совершения теракта в 1975 году в парижском аэропорту Орли (Франция) в отношении самолета компании «Эо-Ал», а в сентябре 1995 года в Москве из гранатомета было обстреляно посольство США.

В своем докладе Генеральный секретарь Кофи Аннан 3 мая 2006 г. по этому поводу отметил: «Террористы уже использовали переносные зенитные военные комплексы. В интересах всех государств-членов затруднить для террористов приобретение переносных зенитных ракетных комплексов и не допустить использования ими такого оружия. Я настоятельно призываю государства-члены поддержать предпринимаемые международные, региональные и национальные усилия по борьбе с незаконной торговлей такими комплексами и по ее предотвращению и рекомендую им принять или усовершенствовать законодательство и процедуры, запрещающие передачу такого оружия негосударственным конечным пользователям, и обеспечить, чтобы такое оружие экспортировалось лишь правительствами или агентствами, уполномоченными правительствами. Я также настоятельно призываю к более широкому участию и представлению более точной информации в рамках механизмов Организации Объединенных Наций по обеспечению транспарентности, в частности в контексте Регистра обычных вооружений Организации Объединенных Наций, и я поддерживаю усилия по расширению его рамок для включения стрелкового оружия и легких вооружений» [5].

Совершение насильственных акций с использованием *взрывных или зажигательных устройств* или угроза их применения, иными словами, «бомбовый» терроризм в России, можно считать и во всем мире, берет начало с середины XIX века, с покушения на императора Александра II террористом Каракозовым.

Средствами совершения актов терроризма подобным способом являются взрывные устройства: с замедленным срабатыванием (установка на заданное время, с задержкой срабатывания); с дистанционным подрывом по проводам; с дистанционным управлением по радиоканалу; срабатывающие при изменении атмосферного давления (при подъеме на

высоту с барометрическими датчиками), скорости движения объекта и т.д.; в движущемся транспорте, срабатывающие при соударении с объектом; в транспорте, срабатывающие при запуске системы движения, а также: мины-«ловушки», срабатывающие при поднятии, переворачивании, натяжном, накольного действия и др.; мины-«сюрпризы» в почтовых отправлениях, посылках, багаже, ручной клади, бытовых электроприборах, в урнах, туалетах и т.д.; зажигательные и пиротехнические средства, порох, бинары, в т.ч. вещества, воспламеняющиеся при вскрытии, при соприкосновении с кислородом воздуха; средства ближнего боя (ручные гранаты, гранатометы), ракеты, минометы, стрелковое оружие, артиллерия, авиация [6].

Рассматриваемый способ в зависимости от порядка применения взрывного устройства имеет две разновидности:

1. Совершение подрыва взрывного устройства террористами-смертниками (шахидами, камикадзе), неизбежно гибнущими при взрыве. Вот лишь некоторые примеры совершения терактов подобным способом.

21 мая 1991 г. в индийском штате Тамилнад был убит лидер правящей партии Индии, премьер-министр страны Раджив Ганди. Роль бомбы сыграла смертница из организации «Тигры освобождения Тамил-Илама». Она приблизилась к своей жертве с огромным букетом цветов (при этом охрана по-джентльменски расступилась) и замкнула контакты детонаторов. На куски разорвало не только Р. Ганди и «тигрицу», но еще двадцать человек.

1 мая 1993 г. в Шри-Ланке смертник, обвешанный тротилом, во время посещения выставки президентом этой страны Ранасингхом Премадасой подошел к нему якобы за автографом и привел в действие взрывное устройство.

2 ноября 1994 г. человек-бомба, двигавшийся на велосипеде, подорвал себя на перекрестке Недарим недалеко от контрольно-пропускного пункта израильских военных в секторе Газа. Три военнослужащих погибли, 4 ранены.

22 января 1995 г. в результате взрывов двух «святых мучеников» из экстремистской группировки «Хезболлах» погибли 20 и ранены 52 военнослужащих вооруженных сил Израиля.

4 марта 1996 г. в торговом центре Тель-Авива «Дизенгоф» человек-бомба унес с собой в «лучший мир» 13 человек, а еще 125 получили ранения.

4 сентября 1997 г. трое террористов-самоубийц произвели взрывы в центре Иерусалима. В итоге 8 человек погибли, 170 ранены.

11 сентября 2001 г. произошла одна из крупнейших трагедий в истории человечества, связанная со взрывами небоскребов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, в результате которой погибло более 6000 человек.

9 октября 2001 г. палестинские террористы отпраздновали своеобразный юбилей в борьбе с «израильскими оккупантами». Активист «Исламского джихада» Дарагмех, осуществивший теракт-самоубийство 8 октября у кибуца Шлухот, стал уже сотым палестинцем, «отдавшим жизнь во имя уничтожения сионистского государства». Причем 30 подобных терактов пришлось на 2001 г. [7].

Начало XXI века в России также ознаменовалось подобного рода актами насилия.

27 декабря 2002 года – взрыв Дома правительства в Грозном. Два террориста-смертника прорвались к зданию на грузовике КамАЗ и автомобиле УАЗ, груженых взрывчаткой. В результате теракта 72 человека погибли, более 200 – получили ранения различной степени тяжести. Глава чеченской администрации Ахмад Кадыров тогда остался жив лишь по счастливой случайности.

5 июня 2003 года – в Северной Осетии террористка-смертница подорвала автобус с вертолетчиками и техническим персоналом российской авиабазы в Моздоке. В автобусе находилось около 40 человек. В результате теракта погибли 16 человек и 15 получили ранения. Это был пятый теракт, предпринятый с помощью «шахидов»-смертников.

5 июля 2003 года на рок-фестивале «Крылья» в Тушино две чеченские террористки-смертницы поочередно подорвали себя в толпе.

3 сентября 2003 года под одним из вагонов электропоезда, следовавшего из Кисловодска в Минеральные Воды, сработали два взрывных устройства. В результате теракта 6 человек погибли и около 80 получили ранения.

5 декабря 2003 года в Ставропольском крае произошел взрыв в электричке Кисловодск – Минводы. Он прогремел в тот момент, когда электропоезд подъезжал на вокзал Ессентуков. Взрыв был столь мощным, что вагон разорвало на две части. Поезд был заполнен ехавшими на работу людьми. 44 погибших и 165 раненых.

9 декабря 2003 года в центре Москвы, на улице Тверской возле гостиницы «Националь», произошел взрыв. Всего пострадали 20 человек, из них шестеро погибли. Взрыв осуществила смертница, спрашивавшая у прохожих, как найти Государственную думу. Искавшая Госдуму шахидка взорвалась в 50 метрах от цели. В результате 6 погибших, 14 раненых. Через некоторое время из Чечни стали поступать сведения о том, что «черные вдовы» готовят серию терактов в различных городах России накануне выборов и новогодних праздников.

6 февраля 2004 года на перегоне московского метро между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» прогремел взрыв. В результате погибли более 40 человек, 134 обратились за медицинской помощью.

9 мая 2004 г. – теракт в Грозном, в результате которого убит президент Чечни Ахмад Кадыров.

24 августа 2004 года – взрывы на борту самолетов Ту-134 Москва – Волгоград и Ту-154 Москва – Сочи. Погибло 90 человек.

Исследователи полагают, что первой акцией на Ближнем Востоке, приведенной в исполнение смертником, был подрыв посольства Ирака в Бейруте в декабре 1981 г., унесший жизни 27 человек и причинивший ранения еще 100. Несмотря на то что исполнители теракта остались неизвестными, предполагается, что он совершен по личному указанию аятоллы Хомейни сотрудниками иранских спецслужб. Об этом свидетельствует и тот факт, что спустя всего несколько месяцев шахида стали действенным оружием в руках ливанской шиитской «Хезболлы», которая насчитывает, по разным данным, несколько сот человек, объединенных в несколько групп, образующих «Бригаду великомучеников во имя Аллаха». Именно им принадлежит печальная «заслуга» по подрыву посольства США в Бейруте и казарм американского и французского контингентов многонациональных сил в Ливане в 1982–1983 гг. [8].

Перед нами международная система действий, которая, умело комбинируя разные виды мотивов, от мистических до материальных, побуждает человека, не склонного к самоубийству, выступить в роли «живой бомбы» – шахида. Одним из критериев выбора шахида, по словам организаторов этого дела, является материальное положение его семьи. На территории Палестинской автономии работают специальные офисы по оказанию материальной поддержки семьям террористов-самоубийц. Такая поддержка является составной частью боевой эффективности шахида, мотивирует его и может рассматриваться как разновидность платы по найму.

«Живые бомбы» – это дешевое, легко доставляемое и, к несчастью, легкодоступное орудие убийства. Применение его в Чечне, на Манхэттене, в Иерусалиме и Москве говорит о том, что никто не застрахован в будущем от попыток его применения. Конвейер мегатеррора работает на Ближнем Востоке, финансирует и собирает боевые схемы, привлекая к ним юношей-арабов. Некоторые из них реально оказывались на Кавказе.

Террорист-смертник выступает зачастую как жертва и в то же время как военный герой. По мнению идеологов террористической организации Хамас, лучше погибнуть при взрыве бомбы, чем умирать каждый день от унижений и несбыточных мечтаний. При этом жертва террора демонизируется и ее смерть представляет собой «изгнание беса».

Убивая, террорист-смертник выполняет промысел божий [9]. Фундаменталисты, кстати, изобрели для этого специальный термин: «исташахед» – акт самопожертвования террориста-подрывника, не признающийся самоубийством в силу «высшей целесообразности».

Бороться с такой формой терроризма весьма непросто. Пока на свете есть религиозные фанатики, опасность совершения подобных акций будет существовать.

2. Совершение подрыва взрывного устройства дистанционно представляет собой наиболее распространенный, иначе говоря, традиционный способ совершения террористических актов.

Под взрывным устройством (ВУ) понимается техническое устройство одноразового применения, обладающее способностью взрываться, специально предназначенное (изготовленное) для поражения людей или уничтожения, повреждения различного рода объектов и состоящее из заряда взрывчатого вещества (ВВ), объединенного со средством взрывания [10]. Взрывное устройство обладает совокупностью следующих признаков [11]: одноразовость действия; использование энергии взрыва; универсальность изготовления; конструктивное единство; предназначенность для поражения людей или уничтожения, повреждения различного рода объектов.

Взрывные устройства делятся на два основных класса: промышленного и самодельного изготовления. ВУ *промышленного изготовления* (военного и хозяйственного назначения) – это устройство, изготовленное промышленным способом в соответствии с нормативно-технической документацией. *Самодельным взрывным устройством* (СВУ) является такое устройство, в котором использован хотя бы один из элементов конструкции самодельного или кустарного изготовления. Изготавливаются СВУ обычно в единичном экземпляре или небольшими партиями и по конструкции часто напоминают аналогичные промышленные образцы.

Широкое распространение получает использование так называемых «машин-бомб» как для теракта в отношении пассажиров самого автомобиля, так и для уничтожения иных целей вне автомобиля (проезжающих транспортных средств, зданий и т.д.). Бывший посол Чили в США Летельер был убит в результате взрыва состава из тринитротолуола и пластиковой взрывчатки, укрепленного под днищем его автомобиля [12].

Учитывая, что с формой совершения насильственных действий методом минирования транспортных средств может столкнуться каждый из нас, рассмотрим проблему «автомобильных бомб» и защиты от них более подробно.

Термин «автомобильная бомба» можно применять для описания разных видов бомб. Бомбы могут помещаться внутри автомашины, в районе двигателя и т.д. На самом деле никто, кроме любителей, не пытается присоединить бомбу проводами к зажиганию. Слишком велика опасность не попасть в намеченную жертву, если только клиент не является единственным человеком, который водит автомашину.

Тем не менее повседневная криминогенная практика пестрит простейшими приемами минирования автомобилей. Вот один из них. Граната или связка гранат привязывается к автомобилю. В кольцо чеки продевают леску, конец которой прикреплен к неподвижному предмету рядом с машиной. Автомобиль трогается, предохранитель выдергивается из гнезда.

Бомба – очень хитрое устройство и очень опасное. Почти невозможно предотвратить ее установку. Однако есть целый ряд мер профилактического характера, который может препятствовать закладке взрывных устройств и позволить их своевременно обнаружить и предотвратить возможный взрыв.

Итак, самое главное, ни один неуполномоченный человек не должен иметь доступа к вашей автомашине. Контроль доступа значительно способствует разрушению планов потенциального подрывника. Если к автомобилю пробраться непросто – гарантия безопасности вам обеспечена. Автомашину лучше всего держать в гараже, даже при условии если она остается без присмотра на несколько минут. На работе автомашину нужно оставлять в хорошо освещенном, контролируемом месте, желательно под надзором охраны. Если машина находится на общественных стоянках – она должна хорошо просматриваться со всех сторон.

Однако, как бы мы этого ни хотели, обстановка складывается таким образом, что автомобили на определенный период времени остаются без должного контроля. Что позволяет осуществить моментальную закладку магнитных и иных взрывных устройств.

Если вы стали опасаться минирования, прямой смысл пользоваться маленькими хитростями информационной защиты: в салоне и на капоте установить свои секреты (такие, как обломок спички на определенном уровне или приклеенный волосок). Если «сигнализация» нарушена, не заводите машину, в таких случаях необходим тщательный осмотр транспортных средств.

Интенсивность поиска взрывного устройства определяется временем, в течение которого автомобиль оставался без присмотра. Если транспортное средство находится в относительно безопасном, специально и постоянно охраняемом месте, нет необходимости в проведении глубокого осмотра. Установленная на автомобиле сигнализация снижает для

злоумышленников возможность разместить взрывное устройство в самом транспортном средстве или на нем.

Тем не менее, следует ввести в привычку обходить автомашину вокруг, прежде чем садиться в нее. Обращайте внимание на любые следы ног, домкрата, обломки, грязные и жирные пятна, следы от инструментов, торчащие провода, странные предметы под крыльями колес и т.д. и т.п. В общем, на все то, что выглядит хоть немного подозрительным.

Если на транспортном средстве нет явных следов повреждений (взломов, царапин), то наиболее вероятным местом установления взрывного устройства является днище машины (наиболее распространенная практика среди определенных преступных и террористических групп). К примеру, под днищем в машине итальянского судьи Паоло Борселлино была закреплена пластиковая мина, от взрыва которой 19 июля 1992 года он погиб.

Удобный инструмент для проверки днища автомобиля – зеркало, укрепленное на изогнутом под углом шесте. Но более тщательную проверку можно выполнить только лежа под автомашиной и внимательно рассматривая все места, куда можно что-либо спрятать.

Если автомобиль по каким-то причинам определенное время оставался открытым и без присмотра или имеются явные признаки взлома (отметки на дверях, капоте, багажнике, крышке бензобака и т.д.), то это может свидетельствовать об установке взрывного устройства внутри автомобиля. В данном случае необходим тщательный осмотр транспортного средства.

Последовательность осмотра:

1. Снаружи: входное отверстие и горловина топливного бака; выхлопной коллектор двигателя, глушитель (следует помнить, что замыкание контактов в данном случае происходит после нагрева чувствительных элементов взрывателя (контактов) до определенной температуры); днище; подкрылки; колеса (обратите внимание на возможные надрезы шин), а также на все остальное, что находится под транспортным средством.

2. Внутри: посмотрите через окно, нет ли чего подозрительного на вид. Поэтому настойчивая рекомендация для вас: старайтесь не держать в автомашине никаких лишних предметов, пакетов и т.п.

Далее аккуратно, не торопясь, следует открыть все двери автомобиля и оставить их в открытом состоянии, так как в случае взрыва волна будет распределяться по всем направлениям и эффект ее будет значительно снижен.

Последовательность осмотра желательно осуществлять по следующему направлению: под сиденьями (всегда начинайте с водительского и проверяйте по часовой стрелке); под приборным щитком; подголовники (даже небольшой взрыв либо хлопок может вызвать разного рода контузии, что весьма чревато последствиями во время движения транспорта); за спинкой заднего сиденья; под ковриками на полу (предварительно проведите по ним рукой, проверяя, нет ли выпуклостей, указывающих на то, что под ковриком что-то лежит); пепельницы; дверные карманы; потолок.

Следует особое внимание обратить на обязательно находящуюся в салоне автомобиля аптечку. Возможна подмена либо закладка в нее взрывного устройства или взрывчатых веществ. Осмотр ее проводите вне автомобиля и на определенном удалении от людей. Перед вскрытием прислушайтесь – не работает ли часовой механизм. При отсутствии такового вскрывать медленно – возможно срабатывание от натяжения.

3. Двигатель: медленно поднять капот (следует помнить, что к взрывному устройству привязан шнур, который при натяжении будет способствовать взрыву. Поэтому, слегка приподняв капот, посмотреть, нет ли бечевки и других подобно рода предметов); осмотреть аккумуляторные батареи, электрическую проводку, воздухоочиститель, заднюю стенку.

4. Багажник (также следует помнить о срабатывании ВУ от натяжения).

О возможной закладке взрывных устройств либо взрывчатых веществ могут свидетельствовать висящие провода, липкая лента (скотч), прикрепленные свертки или предметы внутри автомобиля и на днище, предметы в салоне или багажнике, которые не принадлежат владельцу.

Следует помнить, что (хоть и редко, но все же) в автомобиле взрывное устройство может сработать при повороте ключа зажигания или даже в тот момент, когда ключ вставляется в замок зажигания либо включаются потребители энергии (фары, стеклоподъемники, стеклоочистители и т.д.).

Обычно такого поверхностного поиска взрывных устройств бывает достаточно (он не занимает много времени), кроме тех случаев, когда у вас есть причина полагать, что вероятность нахождения взрывного устройства в вашей машине весьма велика. Детальный обыск займет массу времени. И здесь без специалистов просто не обойтись. А поэтому – если у вас есть хоть малейшее подозрение – обращайтесь за помощью к профессионалам [13].

Второй вид т.н. «автомобильных бомб» – это бомбы, используемые как контейнеры для доставки мощного заряда к месту взрыва (как правило, всевозможные фургоны). Такие взрывные устройства могут использоваться в статическом положении либо направляются

на конкретный объект водителем-смертником. Так, 23 октября 1983 года взрыв грузовика, загруженного тринитротолуолом, в Бейруте вызвал серьезное разрушение здания, где размещались американские морские пехотинцы. В результате этой акции погиб 231 американский военнослужащий. Как отмечает Дж. Поланд, только в течение двух недель 1983 года в результате использования начиненных взрывчаткой автомобилей, управляемых террористами-самоубийцами, в Ливане погибли 359 военнослужащих США, Франции и Израиля [14]. 1 августа 2003 года в Моздоке на территорию военного госпиталя въехал КамАЗ, нагруженный взрывчаткой. Произошел мощный взрыв, в результате которого здание и прилегающие территории были полностью разрушены. Десятки погибших и раненых.

Исследователями отмечается чрезвычайная опасность рассматриваемого способа совершения актов терроризма. Информация о таких преступлениях, угроза их применения и высокая вероятность использования террористов-самоубийц оказывает сильное психологическое воздействие на различные группы населения. Данная посылка настойчиво рекомендует обращать пристальное внимание на автомобили, припаркованные у здания, где вы живете (работаете), и продолжительное время находящиеся без водителя.

В тактическом плане некоторые зарубежные террористические организации практикуют так называемые «двойные» взрывы. Так, 27 августа 1979 года на границе между Северной Ирландией и Республикой Ирландия функционерами Временной ирландской армии был взорван припаркованный у дороги автомобиль в момент прохождения рядом с ним конвоя с британскими парашютистами. В результате этого взрыва погибли 10 британских военнослужащих. Еще 10 парашютистов погибли в результате второго взрыва, который последовал после прибытия на место происшествия британских военнослужащих [15].

Теоретическое осмысление рассматриваемой проблемы, а также иллюстрирование примеров, на наш взгляд, вполне достаточны, чтобы обозначить основные требования, предъявляемые к четкому и безошибочному проведению мероприятий по противодействию обсуждаемой форме терроризма и рекомендуемые в первую очередь практическим работникам.

Наступательность. Она достигается: быстрой и тщательной проверкой поступающей информации угрожающего характера в отношении того или иного лица, группы лиц, мероприятий, организаций и принятием соответствующих мер по предупреждению акций насилия; четким согласованным взаимодействием специальных служб с

правоохранительными и другими призванными противодействовать терроризму органами; умелым действием сотрудников, их высоким профессиональным мастерством.

Всесторонность. Всесторонность означает деятельность, направленную на перекрытие все путей возможного подхода террористов с целью проникновения к объектам посягательства и совершения акций террористического характера. Комплексное использование охранных и оперативных мероприятий, направленное на соблюдение требования всесторонности, предусматривает: установление режима допуска с целью выявления посторонних лиц, пытающихся проникнуть на охраняемые объекты; регулярное проведение профилактических осмотров помещения (помещений), территории прилегающей к объекту, средств транспорта, оргтехники и иных деловых предметов, которые активно используются в повседневной работе потенциальными жертвами террористических актов; осуществление постоянного технического, противопожарного, санитарного контроля за состоянием помещений и территории, прилегающей к объекту. В случае обнаружения каких-либо неполадок либо предпосылок к совершению аварий и т.п. приглашать сотрудников соответствующих служб для предупреждения и устранения таковых. По окончании данных работ необходимо оформить соответствующий документ (акт), где должны быть указаны причины аварии, что способствовало этому, а также в обязательном порядке: фирма, производившая ремонт (осмотр), юридический адрес и все установочные данные лиц, принимавших участие в работах.

Непрерывность. Задача состоит в том, чтобы не допустить ослабления, а тем более прекращения анти- и контртеррористических мероприятий в связи с изменением времени года, суток, отсутствием государственных, политических и иных охраняемых лиц на объекте.

Маневренность. Зачастую меняющаяся при охране обстановка вызывает необходимость квалифицированно оценивать эти изменения, находить более уязвимые и слабые места мероприятий, проводимых с большим скоплением людей и присутствием охраняемых лиц, чтобы оперативно и, конечно же, своевременно их скорректировать. Соответственно, это требует экстренной перегруппировки сил и средств, принятия в максимально сжатые сроки неотложных мер. Важное значение в этой связи приобретает умение руководить имеющимися силами и средствами, выбирая каждый раз те из них, которые в данном конкретном случае являются вполне достаточными и наиболее целесообразными.

Конспиративность. Данный метод используется только в комплексе с открытыми формами. Во время скрытого наблюдения выявляется следующая категория лиц: вынашивающие террористические или иные подозрительные намерения в отношении

охраняемых лиц, а также в отношении объекта, где проводится мероприятие, связанное с большим скоплением людей; лиц, проходящих по сводкам, ориентировкам, в том числе и МВД, как преступники, вынашивающие намерения совершить акт терроризма (убийства) в отношении охраняемого лица либо лиц, принимающих участие в мероприятии, где находится объект охраны; изучающие систему и организацию службы охраны. Сотрудники охраны осуществляют скрытое наблюдение только до определенного момента, после чего они вправе, а в целом ряде случаев обязаны прибегнуть к решительным мерам, которые диктуются сложившейся обстановкой и требованиями безопасности. К этим мерам сотрудники прибегают часто самостоятельно, без предварительных консультаций и санкций руководства, так как промедление в принятии решительных мер в отдельных случаях может привести к непоправимым последствиям.

Эффективность. Контртеррористическая деятельность должна быть эффективной. Для соблюдения данного требования необходимо четкое функционирование всех элементов системы, каждого ее участка и сектора. Это достигается тщательным планированием и подготовкой всех необходимых мероприятий, надлежащим подбором, организацией системы управления, связи, информации и контроля за работой сотрудников, принимающих участие в обеспечении контртеррористической деятельности.

Хорошее знание традиционных форм террористической деятельности и основных форм противодействия им необходимы в первую очередь сотрудникам специальных служб и правоохранительных органов для организации целостной и целенаправленной работы по выявлению, предупреждению и должному пресечению террористических акций.

5.2. Захват, угон воздушного судна и иное преступное вмешательство в деятельность гражданской авиации, в том числе и международной

Воздушные суда и иные объекты гражданской авиации являются по своей природе чрезвычайно уязвимыми для действий террористов. Для этой формы терроризма не требуется больших финансовых и материальных затрат. Взрывы и угоны воздушных судов приводят к значительным человеческим жертвам и привлекают к себе внимание средств массовой информации. Этим объясняется то, что значительную часть актов терроризма, и в первую очередь международного характера, составляют захваты, угоны, уничтожения воздушных судов и иные посягательства на безопасность гражданской авиации.

Эта форма терроризма больше известна под названием «воздушный терроризм», «воздушное пиратство», «воздушный бандитизм», «хайджекинг» (highjacking). Несмотря на употребление всех четырех терминов как взаимозаменяемых в публицистике и

некоторых официальных документах, они, строго говоря, не являются юридическими понятиями и ни один из них не закреплен в международных и международно-правовых источниках. По своей объективной стороне рассматриваемая форма терроризма складывается из захвата, угона воздушных судов, а также иного незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации. Под захватом понимается насильственное завладение воздушным судном, находящимся на земле или в полете. Цель захвата заключается в последующем уgone воздушного судна, т.е. самовольном его использовании в личных или иных антиобщественных целях. Террористы захватывают воздушное судно путем нападения на лиц, охраняющих или обслуживающих его на земле, или нападение на экипаж во время полета. Последний вариант применяется наиболее часто. Причем контроль над управлением воздушным судном, находящимся в полете, с целью последующего изменения его курса устанавливается путем применения насилия (или угрозы насилием) как по отношению к экипажу, так и против пассажиров.

Следует еще раз отметить, что захват воздушного судна, а также иное незаконное вмешательство в деятельность международной гражданской авиации не требует больших финансовых затрат со стороны террористов. При этом данный акт насилия вызывает значительный общественный резонанс, а также солидные материальные и моральные издержки со стороны государства, его ведомств, включая специальные службы, и, конечно же, невинных жертв преступления.

Воздушный терроризм как разновидность международного терроризма возник в конце 60-х годов, когда многие политические группировки перешли от мирных протестов и демонстраций к использованию форм и методов терроризма. Для террористов нападение на воздушные суда давало возможность решать одновременно несколько задач: пропагандировать свои политические и идеологические цели; оказывать воздействие на внутреннюю и внешнюю политику правительства; добиваться освобождения террористов, находящихся в заключении, а также получать крупные денежные суммы. Таким образом, используя форму так называемого воздушного терроризма, преступники решали одновременно политические, социальные, уголовные и меркантильные задачи.

Отсутствие в прошлом надежной системы безопасности воздушных судов и их экипажей позволяло террористам легко добиваться своих целей при захвате самолета. Этому способствовал также низкий уровень контроля за перевозкой пассажиров, ручной клади и багажа. Принятие соответствующих мер на международном и национальном уровне значительно затруднило совершение террористических акций на воздушном транспорте. Начиная с 70-х годов террористические группы стали тщательно разрабатывать задуманную операцию, специально готовить ее исполнителей,

отрабатывать приемы и методы осуществления ее отдельных этапов. Преступники стали чаще прибегать к захвату самолетов на стоянках в аэропортах, использовать при этом различные ухищрения для проноса оружия и взрывчатых веществ на борт самолета, камуфлируя их под различные предметы ручной клади, багажа. Расширился состав участников преступной группы, с учетом специализации среди ее членов (изготовление взрывчатки, доставка ее в аэропорт и на борт самолета, захват экипажа, контроль над пассажирами на борту судна и т. д.).

Наглядным примером этому может служить одна из историй огромной статистики воздушного терроризма и действий специальных служб по освобождению заложников. 27 июля 1976 г. (воскресенье) специальная разведслужба Израиля зарегистрировала внезапное исчезновение самолета рейса 139 Тель-Авив – Париж. Прослушивая эфир мощными электронными приборами, служба потеряла связь с самолетом через несколько минут после его заправки и взлета в Афинах. Информация была тут же передана в кабинет министров и лично премьер-министру И. Рабину.

Самолет, захваченный террористами, находился в Уганде. Операция угона, сообщали разведслужбы, была разработана 46-летним В. Хададом, руководителем народного Фронта освобождения Палестины. Команда террористов состояла из немцев, сотрудничавших с известным угонщиком Ильичем Карлосом Рамирес («Шакал»). Группу возглавлял Абдул Рахим Джабер, командир и исполнитель различных операций, проведенных НФОП, связан с неоанархистскими группировками во всем мире. Цель похищения самолета – дискредитировать Израиль и сорвать попытки «умеренных» палестинцев в ООП начать диалог с еврейским государством.

В правительственной комиссии Израиля работа велась по двум планам. План «А» включал переговоры с террористами (прямые или через посредников) и мирное урегулирование кризиса. Параллельно с этим шла разработка плана «Б» – плана «хирургической» военной операции быстрого уничтожения террористов и освобождения заложников прямо в Уганде.

Чисто военный аспект подготовки плана «Б» включал репетицию освобождения. В пустыне близ Беэр-Шевы каждое подразделение, будь то отряд по нейтрализации угандийцев, освобождения заложников или отряд связистов, отрабатывало свое задание, по возможности независимо от других. На макетах угандийских ангаров репетировалось использование трех главных преимуществ израильских командос – «скорость, секретность, внезапность».

Подготовка операции включала дезинформационную деятельность. Например, были распространены слухи о том, будто израильтяне не знают личности террористов и что

Израиль находится в полном одиночестве, не получая поддержки Запада. На самом деле и американские, и канадские, и французские спецслужбы оказывали Израилю различные информационные услуги.

Важно отметить работу психологов. Профессор Й. Дрор, признанный специалист по вопросам терроризма, составил в те критические дни предположительную психологическую модель поведения президента Амина. Подобные модели основываются на методах исторического исследования, модернизированных разведками разных стран во время войны против нацистской Германии. Пионером этого метода считается профессор Колумбийского университета Г. Хайет, сумевший воссоздать психологическую атмосферу, в которой жили римские императоры. Следует также предположить, что после идентификации террористов, захвативших самолет, были составлены и их психологические портреты.

Наиболее интересен, на наш взгляд, организационный аспект процесса подготовки плана «Б». Применялись методы руководства в кризисной ситуации. Наиболее интересные проекты (варианты) осуществления операции «Молния» были разбиты на части. Над каждой частью в отдельных комнатах работали офицеры разведки. Ни одна комната не знала, что делается в других. Ячейки аналитических разведчиков тщательно прорабатывали каждую деталь плана, корректируя ее с непрерывно поступающим потоком информации. Аналитики специальной комиссии взаимодействовали также со своими коллегами из МИДа и Генерального штаба армии. Работа секций комиссии позволила с большой степенью точности проанализировать ситуацию в Уганде, сформировать оптимальный состав звеньев израильской группы, вылетевшей в Уганду для спасения.

Операция, вызвавшая неоднозначную реакцию в мире, требовала одобрения кабинета министров. Благодаря хорошо слаженной и удивительно согласованной работе всех ведомств, руководители которых были политическими соперниками в отношении друг друга, благодаря авторитету и умелому руководству И. Рабина, правительство санкционировало операцию «Молния» [16].

Таким образом, необходимыми компонентами успеха спецоперации в Энтеббе стали точные разведданные, постановка работы ведомств в режим кризиса, особые методы руководства, межведомственная координация экспертного анализа разведданных, дезинформация, репетиции и инсценировка удара в израильской пустыне. В непосредственном же исполнении операции решающими моментами стали использование скорости и внезапности, высокая квалификация пилотов, захват десантом ключевых стратегических точек и почти безошибочное выполнение конкретными звеньями заранее

распределенных функций. В этих условиях израильскими парашютистами без уведомления и согласия правительства Уганды была предпринята акция по освобождению самолета, его экипажа и пассажиров. Однако даже из этой детально спланированной операции израильтяне вышли с людскими потерями: погиб один израильский военнослужащий – командир десантников лейтенант Ионатан Нетаньяху. При этом было убито 20 угандийских солдат, семь террористов и разрушено одиннадцать находившихся в аэропорту самолетов угандийских вооруженных сил [17].

Характерно, что израильская контртеррористическая политика предусматривает и возможность осуществления превентивных акций, в том числе в открытом море и воздушном пространстве над ним. 10 августа 1973 года самолет компании «Ирак Эйруэйз» после вылета из Бейрута был перехвачен двумя израильскими истребителями и принужден совершить посадку на израильской военной базе. 83 пассажира и 7 членов экипажа были высажены из самолета и подвергнуты опросу в течение нескольких часов. Экипажу было разрешено продолжение рейса в Багдад только после того, как израильтяне убедились в том, что разведывательная информация о наличии на его борту террористов не подтвердилась. 4 февраля 1986 года Израилем была предпринята аналогичная акция по перехвату частного самолета с сирийской официальной делегацией на борту.

Обе эти «антитеррористические» акции Израиля были предметом рассмотрения в Совете Безопасности ООН, где израильский представитель был вынужден юридически обосновывать правомерность перехвата иностранных воздушных судов над открытым морем. В обоих случаях им утверждалось, что Израиль действовал в порядке самообороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН. По словам представителя Израиля, нация, подвергающаяся террористическому нападению, вправе использовать силу для предупреждения и предотвращения будущих террористических нападений. По его мнению, «просто несерьезно утверждать, что международное право запрещает нам осуществлять захват террористов в международных водах и международном воздушном пространстве» [18]. Американский представитель в Совете Безопасности генерал Уолтерс определил позицию США по данному поводу следующим образом: Соединенные Штаты хотя и против перехвата гражданских воздушных судов, но считают возможным совершение подобной акции при наличии ясных и достоверных данных о наличии на борту террористов. Примечательна заключительная часть выступления представителя США: «...поскольку мы уверены, что способность предпринять такую акцию (перехват самолета. – *Авт.*) в строго определенных и ограниченных случаях представляет собой один из аспектов неотъемлемого права на самооборону, признанного в Уставе ООН, мое правительство не может согласиться с проектом резолюции, подразумевающей, что

перехват воздушного судна является нарушением per se, не допускающей, что такой акт может быть оправданным. Мы не можем поддерживать проект резолюции, который ставит под вопрос осуществление этого права» [19].

Здесь следует заметить, что аргументация США и Израиля, оправдывающая вооруженные акции по освобождению своих захваченных террористами граждан на территории других стран, перехвату иностранных воздушных судов в пространстве над открытым морем, в тот период представляла собой вариант расширительного толкования права на самооборону. Критикуя подобную позицию США, юрист-международник Антонио Кассиз расценивает его как растяжение и искажение сверхдержавой общих принципов о применении силы в угоду его стратегии и политике [20].

Изменения в тактике террористов, в характере совершаемых ими преступлений требуют от правительств принятия дополнительных мер по усилению безопасности авиаперевозок. Следствием этого явилось более широкое использование технических средств, расширение физических мер защиты, принятие соответствующего законодательства по усилению ответственности за преступные посягательства и др. Экстремисты, в свою очередь, изыскивали новые способы и приемы совершения преступлений на воздушном транспорте, они изменили тактику своих действий. Так, террористы перенесли осуществление основных элементов операции в аэропорты тех стран, которые не были охвачены международной системой авиационной безопасности, а также использовали те аэропорты, где отсутствовал надлежащий контроль за безопасностью перевозок. Чаще стали проводить акции в пунктах промежуточной посадки, прибегая к «услугам» работников служб аэропортов, действуя под их прикрытием. В своих лабораториях террористы стали разрабатывать и изготавливать взрывные устройства и камуфляжи, трудно выявляемые существующими способами и средствами. Для доставки оружия и взрывчатки на борт самолета преступники стали использовать авиапассажиров и обезличенную форму перевозки. Таким образом, приемы и методы действий террористов, тактика совершения ими преступных акций на воздушном транспорте в целом меняются в зависимости от принимаемых властями мер по их выявлению, предупреждению и пресечению, а также от совершенствования системы безопасности авиационных перевозок.

По данным Международной организации гражданской авиации (ИКАО), с 1931-го по 1985 год во всем мире террористы осуществили захват 970 самолетов гражданской авиации. Среднегодовое число захватов самолетов составляло в 80-е годы 32 [21]. На динамику этой формы международного терроризма влияет целый ряд факторов внутригосударственного и международного характера. Причем рост числа захватов и

угонов воздушных судов может быть вызван как международными, так и внутригосударственными причинами. Так, в конце 60-х годов отмечалось 80–90 захватов воздушных судов, которые угонялись главным образом на Кубу. Основным фактором, вызвавшим такой рост числа захватов и угонов, являлся характер отношений между США и Кубой, эмиграция и реэмиграция кубинцев.

Не менее опасным проявлением этой формы терроризма являются деяния, охватываемые понятием «иное незаконное вмешательство в деятельность гражданской авиации». К ним, в частности, относится разрушение воздушных судов, находящихся в полете и на земле. Расследование данного рода преступлений свидетельствует о том, что разрушение находящихся в полете воздушных судов путем взрыва можно предотвратить главным образом методом ужесточения контроля в аэропортах. Правительства цивилизованных государств идут на значительные расходы в стремлении создать эффективную систему выявления попыток доставки взрывных устройств на борт воздушного судна. Только на создание прибора, способного обнаружить пластиковую взрывчатку, Соединенные Штаты затратили около 20 млн долларов [22]. В то же время очевидно и другое: безопасность международной гражданской авиации от терроризма не может быть обеспечена мерами, принимаемыми только в отдельных странах и аэропортах. Для этого необходимо создание одинакового режима безопасности во всех аэропортах, которыми пользуется международная гражданская авиация. К примеру, в апреле 1989 г. в целях укрепления безопасности гражданской авиации английскими спецслужбами были приняты дополнительные меры по контролю за пассажирами авиалиний. С этого времени на контрольно-пропускных пунктах предусматривались следующие меры контроля:

- обязательная проверка ручной клади;
- проведение обстоятельной беседы с пассажиром относительно приобретения тех или иных предметов (в процессе беседы проверяющие обязаны обращать внимание на внешний облик и поведение людей с целью выявления моментов, вызывающих подозрение). В результате британским спецслужбам удалось добиться немалых успехов.

Обеспечение безопасности в аэропортах – особая форма деятельности в системе мер по обеспечению безопасности. Она является наиболее сложной в связи с тем, что в аэропортах скапливаются сотни и даже тысячи пассажиров и одного малейшего просчета будет достаточно, чтобы произошло несчастье.

В комплекс мер по обеспечению безопасности лица, пользующегося услугами авиатранспорта, входят: организация защиты от вооруженного преступника в зоне контроля; предотвращение случаев подкладки огнестрельного оружия, боеприпасов,

взрывных устройств и взрывчатых веществ в личные вещи или ручную кладь беспечных или легковверных пассажиров (в Лондонском аэропорту в апреле 1986 года злоумышленник пытался подложить бомбу на борт самолета компании Эл-Ал, поместив ее в ручную кладь беременной женщины); предотвращение случаев умышленного проноса пассажирами ВВ на борт самолета; предотвращения случаев оставления бомбы в ручной клади во время промежуточной посадки самолета и невозвращение на борт пассажира (как это имело место во время рейса самолета авиакомпании ТWA, совершавшего полет по маршруту Рим – Афины в апреле 1986 года); недопущение посадки в самолет хайджекеров (воздушных пиратов), пытающихся пронести на борт оружие или взрывное устройство, когда процедура проверки в аэропорту недостаточно строга; и, наконец, организация защиты от доступа к самолету посторонних лиц или нечестных сотрудников, обслуживающих рейс и пытающихся использовать свое право доступа для передачи огнестрельного оружия или ВВ на борт для хайджекеров либо с целью взрыва самолета при его последующем перелете или посадке.

Как правило, аэродромы по всему периметру огораживаются многокилометровыми заборами, в связи с чем ощутимо снижается жесткость контроля за доступом к рампе, взлетной полосе и другим аэродромным сооружениям из здания аэропорта, поскольку злоумышленникам гораздо легче проникнуть на них через аэродромное поле. Так, в одном печально известном аэропорту, расположенном на побережье Средиземного моря, персонал аэропорта регулярно пользовался лазом в заборе, экономя тем самым время на дорогу домой и на работу. Семьи сотрудников использовали тот же лаз для сбора полевых цветов на аэродроме. Поэтому не было ничего удивительного в том, что именно этот аэропорт стал объектом многочисленных актов воздушного пиратства.

С целью обеспечения должной безопасности целесообразно, как это делается в прочих аналогичных ситуациях, использовать системы сигнализации, скрытого наблюдения, организовать работу патрульных служб. Кроме того, необходимо создавать концентрические зоны безопасности, организовав скрытое наблюдение прилегающей открытой местности и таких объектов, как рампы, места сосредоточения горючего, багажные помещения, сервисные зоны. Однако ни одна из упомянутых мер не станет эффективной, если не будет обеспечено позитивное отношение к этому аэродромного персонала и не будет налажен строгий контроль за соблюдением мер.

Проблема организации персонализированного доступа должна также решаться в зонах обработки багажа и заправки самолетов горючим в промежуточных аэропортах.

Вместе с тем самую серьезную проблему для безопасности гражданских полетов представляют пассажиры (а точнее, лица, маскирующиеся под пассажиров) и их багаж,

проходящие через терминальные аэропорты. Поэтому участки от входа в аэропорт до зоны отлета у дверей самолета должны быть «стерильными» зонами. Они должны стать участками, попав в которые пассажиры не могут их покинуть, не подвергнувшись тщательной проверке. Нельзя допускать, чтобы прибывающие и улетающие пассажиры передвигались по одним и тем же участкам (это та мера предосторожности, которая соблюдается не во всех аэропортах). Следует также строго придерживаться правила, чтобы ни один из пассажиров не смог проникнуть на рампу или в любую другую зону безопасности.

Досмотр пассажиров и их ручной клади должен проводиться со всей тщательностью, хотя это требование легче продекларировать, чем выполнить, так как это исключительно тяжелая работа (примерно три миллиона пассажиров ежедневно осуществляют посадку в 30 000 самолетов 6700 аэропортов мира).

С 1974 г. в рамках Интерпола действует международная мобильная группа специалистов, которая оказывает квалифицированную практическую помощь национальным полицейским силам по обезвреживанию воздушных террористов. Значительное место в деятельности Интерпола отводится информационной работе. Так, с 1984 г. Интерпол стал выполнять функцию координирующего центра по сбору и обработке информации, связанной с терроризмом. В настоящее время Интерпол занимается розыском и выдачей преступников, причастных к воздушному терроризму. В своих действиях организация руководствуется лишь техническими вопросами, не касаясь при этом политических аспектов проблемы. Для более эффективного пресечения воздушного терроризма Интерпол требует от национальных полиций соответствующих стран полной информации о преступниках и характере совершенных ими акций, для чего разработан специальный формуляр оповещения.

Кроме того, в 1989 г. была введена в эксплуатацию новая информационная система (LEXIS), которая содержит все сведения об изготовляемых в 148 странах – членах Интерпола взрывчатых веществах, в том числе пластиковых, а также данные о взрывах, похищениях взрывчатых веществ или их изъятии. Предполагается осуществлять накопление в данной системе информации о лицах и группах, причастных к инцидентам, связанным с применением взрывчатых веществ. В настоящее время в картотеке Интерпола имеется список более чем на 300 разыскиваемых международных террористов, данные о которых передаются национальным полицейским силам [23].

Проблеме противодействия воздушному терроризму активно способствуют международные конвенции и соглашения. В частности, Токийская конвенция 1963 года применяется в отношении уголовных преступлений и действий, независимо от того,

являются они или нет преступлениями, которые могут угрожать или угрожают безопасности воздушного судна либо находящимся на его борту лицам или имуществу, а также действий, которые угрожают поддержанию должного порядка и дисциплины на борту. Статья 11 определяет незаконный захват воздушного судна как действие лица на борту, которое «с помощью силы или угрозы силой незаконно совершает акт вмешательства, захвата или другого незаконного осуществления контроля над воздушным судном в полете, или если такой акт готовится к совершению...».

Гаагская и Монреальская конвенции определяют круг деяний, которые квалифицируются как преступление. Статья 1 Гаагской конвенции гласит, что любое лицо на борту воздушного судна, находящегося в полете, которое: а) незаконно путем насилия, или угрозы применения насилия, или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно, или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие; или б) является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое действие, – совершает преступление.

В ст. 1 Монреальской конвенции говорится, что любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно: а) совершает акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности этого воздушного судна; или б) разрушает воздушное судно, находящееся в эксплуатации, или причиняет этому воздушному судну повреждение, которое выводит его из строя или может угрожать его безопасности в полете; или с) помещает или совершает действия, приводящие к помещению на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить такое воздушное судно или причинить ему повреждение, выводящее его из строя, или причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; или d) разрушает или повреждает аэронавигационное оборудование либо вмешивается в его эксплуатацию, если любой такой акт может угрожать безопасности воздушных судов в полете; или e) сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасности воздушного судна в полете.

Гаагская и Монреальская конвенции, в отличие от Токийской конвенции, разработаны с учетом принципа неотвратимости наказания за преступление. Так, ст. 2 Гаагской и аналогичная ст. 3 Монреальской конвенций предписывают государствам-участникам применять в отношении преступлений, указанных в ст. 1, суровые меры наказания.

В 1988 году подписан Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Монреальскую конвенцию. Согласно протоколу, в ст. 1 конвенции добавляется новый п. 1 bis, который

гласит: «Любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно с использованием любого устройства, вещества или оружия: а) совершает акт насилия в отношении лица в аэропорту, обслуживающем международную гражданскую авиацию, который причиняет или может причинить серьезный вред здоровью или смерть; или б) разрушает или серьезно повреждает оборудование и сооружения аэропорта, обслуживающего международную гражданскую авиацию, либо расположенные в аэропорту воздушные суда, не находящиеся в эксплуатации, или нарушает работу служб аэропорта, если такой акт угрожает или может угрожать безопасности в этом аэропорту». Сфера применения трех конвенций не распространяется на воздушные суда, занятые на военной, таможенной и полицейской службах.

В соответствии с конвенциями каждое государство принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми, чтобы установить свою юрисдикцию над преступлениями на борту воздушного судна; при этом не исключается осуществление любой уголовной юрисдикции в соответствии с национальным законодательством. Преступнику или предполагаемому преступнику, находящемуся под стражей, оказывается содействие в немедленном установлении контакта с ближайшим соответствующим представителем государства, гражданином которого он является [24].

Акт воздушного терроризма может быть совершен и путем использования технических средств для передачи ложной информации экипажу воздушного судна. Так, 19 октября 1986 года в провинции Наталь (ЮАР) потерпел катастрофу самолет ТУ-134А, управляемый советским экипажем, на борту которого находился возвращавшийся из Замбии президент Народной Республики Мозамбик Самора Машел. Основываясь на материалах расследования, исполнительный секретарь комиссии СССР по делам ИКАО Б. Рыженков заявил, что причиной катастрофы явилась передача на борт самолета ложных сигналов от используемого в преступных целях радиомаяка [25]. Хотелось бы отметить, что во всем мире подобные радиомаяки продолжают выпускаться, что не исключает их приобретения и использования террористами и другими преступниками.

Учитывая особую опасность преступлений, совершаемых террористами на воздушном транспорте, многие страны прилагают значительные усилия, направленные на выявление, предупреждение и пресечение преступных террористических посягательств. По мнению специалистов, в настоящее время в мире в основном сложилась достаточно эффективная система мер по борьбе с воздушным терроризмом. Она включает комплекс мероприятий внутригосударственного характера и, что самое главное, сотрудничество на региональном и международном уровнях.

5.3. Захват и угон морского судна и иное преступное вмешательство в деятельность международного судоходства

Захваты, задержания и ограбления морских торговых и других гражданских судов, их экипажей и пассажиров (пиратство) [26] имеют многовековую историю. Попытки признать такие деяния международным преступлением предпринимались еще в Древнем Риме. В частности, Марк Тулий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) писал: «*Pirata communis hostis omnium*» («Пират – враг всего человечества») [27].

Морской терроризм, который начал угрожать международному миру и безопасности с начала 60-х годов прошлого столетия, и пиратство – явления не идентичные. Тем не менее для подвергшихся нападению членов экипажа и пассажиров судов не имеет значения, являются ли они жертвами грабителей или лиц, преследующих политические цели. Кроме данного момента имеется целый ряд факторов, указывающих на частичное совпадение содержания этих двух понятий. Это имеет место в случаях, когда одно и то же деяние (например, захват морского судна) подпадает под нормы о пиратстве Конвенции ООН по морскому праву и направленной против международного терроризма Конвенции о борьбе с незаконными актами, предпринимаемыми против безопасности морского судоходства.

Вместе с тем существуют и различия в их целях, объективной стороне. Пиратство всегда совершается в личных (как правило, корыстных) целях. Субъект пиратства – лицо, являющееся членом экипажа или пассажиром частновладельческого судна. Кроме того, актом пиратства считается деяние, совершенное в отношении морского судна, лиц и имущества, находящихся на его борту, только в открытом море, а для квалификации в качестве акта «морского терроризма» в соответствии с Конвенцией и Протоколом, подписанными в Риме в 1988 году, не требуется соответствия деяния вышеперечисленным критериям.

Международная морская организация (ИМО) и, в частности, функционирующий в ее структуре Комитет по безопасности на море ведут учет актов морского терроризма, информируют государственные органы, судовладельцев о тактике действий морских террористов. Значительный интерес с точки зрения предотвращения и пресечения актов морского терроризма представляет документ «Меры ИМО по предотвращению незаконных актов против пассажиров и экипажей на борту судов», разработанный Комитетом по безопасности на море (MSC/Circ. 443).

Морской терроризм угрожает интересам всех государств, и прежде всего морских держав. Так, 18 марта 1963 г. объектом нападения со стороны «Альфа-66» и «Секонд фронт» стало грузовое судно «Львов», которому были нанесены существенные повреждения; 27 марта в результате взрыва «Львов» был потоплен. 29 марта 1972 г.

подверглось бомбардировке советское исследовательское судно, выполнявшее рейс Бискайские острова – Флорида. 2 ноября 1975 года в пуэрториканском порту Сан-Хуан против советского пассажирского лайнера «Максим Горький» была осуществлена террористическая атака. 16 сентября 1976 г. в результате взрыва, организованного «Омега-7», были нанесены большие повреждения советскому грузовому судну «Иван Степанков». 18 июля 1990 года членами антиправительственной вооруженной группировки «Сомалийское национальное движение» был захвачен советский траулер «Кафф» с 24 членами экипажа на борту, работавший по контракту советско-французской смешанной рыболовецкой компании «Франсов». Террористы выдвинули «неприемлемые для СССР политические требования» (по официальному сообщению) и потребовали выкуп в размере 250 тысяч долларов США. Политические условия были отвергнуты, требование о выкупе Советским Союзом удовлетворено. После перевода на специальный счет в Английском банке согласованной суммы экипаж был освобожден [28].

Приведенные выше примеры из практики так называемого морского терроризма относятся к числу постоянных вызовов и угроз безопасности государств и их граждан. Действия террористов затрагивают интересы всего мирового сообщества, поэтому в настоящее время международное сообщество, активно используя международное право, призвано отвечать интересам решения глобальных проблем человечества, острота которых, к сожалению, постоянно возрастает в современном мире [29].

Необходимо выделить, что защита от морского терроризма чрезвычайно трудоемка в силу многочисленности и разнородности возможных объектов террористических атак, а также общей специфики деятельности в Мировом океане. Организаторам таких незаконных актов нет необходимости прибегать к классическим военно-морским операциям. Диверсионные действия, направленные, например, на нефтяные платформы с угрозой экологической катастрофы, вывод из строя важнейших судоходных путей, имеющих международное значение (Суэцкий, Панамский, Кильский каналы, Гибралтарский пролив, Босфор и т.д.), могут иметь необходимый для террористов психологический эффект и результат [30].

В этой связи задача мирового сообщества – активное международное сотрудничество в принятии эффективных контртеррористических мер и высоких практических стандартов морской безопасности для развития надежного, в том числе и для морской среды, и приемлемого международного судоходства. Как подчеркивается в стратегическом плане международной морской организации (ИМО), являющейся специализированным учреждением ООН, на период с 2004-го по 2010 г. [31], организация ищет способы повышения безопасности морского транспорта, а также уменьшения и предотвращения

террористических актов на море, актов пиратства и вооруженных разбоев против судов. Речь идет о развитии всестороннего и совместного подхода как среди государств – членов ИМО в рамках этой организации, так и между ИМО и другими международными государственными и негосударственными организациями; увеличении значимости мер безопасности ИМО и продвижении их эффективного применения государствами и др. Важно отметить, что в настоящее время центр тяжести в работе ИМО и других специализированных учреждений ООН переносится с деятельности по разработке и принятию международно-правовых актов на эффективное обеспечение выполнения требований уже действующих актов [32].

Естественным образом возникает вопрос о формировании международно-правовой базы, способной эффективно и оперативно реагировать на акты морского терроризма и предупреждать их. Международно-правовая основа борьбы с преступностью на море была заложена в Женевских конвенциях 1958 г., а в дальнейшем в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.). Эти международные договоры не предусмотрели и не могли в то время предусмотреть ни международно-правового состава этих преступлений, ни мер по борьбе с ними.

Интересным, на наш взгляд, является совещание, созванное Калифорнийским университетом в Сан-Хосе 16–19 марта 1986 г. В нем приняли участие видные специалисты по морскому праву и по борьбе с терроризмом, а также некоторые государственные деятели.

В принятых совещанием документах подчеркивается, что к террористическим инцидентам на море, как правило, бывают причастны правительства, а это означает, что коммерческие интересы тесно переплетаются с интересами политическими. На совещании было прогнозировано, что террористические акты на море будут количественно увеличиваться и качественно усложняться, угрожая жизни людей, особенно в Атлантике и Средиземноморье. Участники совещания с особой тревогой констатировали незащищенность портов и судов, более уязвимых, нежели аэропорты и самолеты.

В итоге длительного и скрупулезного обсуждения вопроса о методах обеспечения безопасности судоходства участники совещания согласились с необходимостью улучшить службу безопасности на море и с этой целью создать международную систему связи, способную получать разведывательные данные об угрозе, нависающей над судами, и максимально оперативно передавать эти сведения по назначению.

Государствам было рекомендовано обмениваться сведениями, представляющими интерес для морского судоходства и получаемыми правительственными агентствами, как это уже имеет место в системе авиации, а также обеспечивать безопасность морских

портов. С этой целью тщательно изучать вопрос о наиболее эффективных мерах предотвращения проникновения злоумышленников в важнейшие места портов или на борт судов и незаконного проноса груза (оружия или взрывчатых веществ) на территорию порта или судна.

Судовым компаниям и государствам рекомендовалось назначать офицера службы безопасности и его заместителя на большие корабли и пассажирские суда, а также готовить специалистов, на которых следует возложить задачу обеспечения безопасности в портах, принятие мер, касающихся безопасности на морских линиях, несения ответственности за безопасность на море и соблюдения порядка в портах и прилегающих к ним районах.

Совещание предложило правительствам государств и ученым разработать нормы поведения капитанов в случаях нападений на их суда вооруженных террористов и о мерах противодействия им. Рекомендовалось, в частности, изучение возможности применения следующих мер обороны, которые могут носить открытый или замаскированный характер: вооруженный отпор специально обученными членами экипажа, использование специальной «гвардии безопасности» и возложение на назначенного государством офицера обязанности охраны территории, на которой расположен порт.

Специалист в области терроризма и морского права Б.А. Пэррит, подводя итоги деятельности Калифорнийского совещания, подчеркнул, что «акции, предпринимаемые против террористов странами, гражданами и собственностью которых подвергаются риску, основаны на обычном международном праве. В ряде документов, включая региональные и двусторонние соглашения, а также универсальные соглашения, которые, возможно, удастся заключить в будущем, должно быть предусмотрено право прибегать к силе для предотвращения морского терроризма» [33]. С данным заключением можно согласиться лишь с некоторыми оговорками. Во-первых, применение силы может иметь место лишь в случае необходимой обороны или в рамках международной организации, и в первую очередь в рамках ООН; во-вторых, применение силы всегда является исключительной мерой, к которой можно прибегать только тогда, когда исчерпаны все средства мирного урегулирования. Ибо применение силы всегда приводит к балансированию на грани войны.

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г. и Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г. занимают центральное место в системе международно-правовых актов, обеспечивающих эффективное сотрудничество государств в борьбе с

терроризмом на море. ИМО отдает приоритет этим документам как еще одному практическому способу, с помощью которого организация вносит вклад в борьбу с международным терроризмом [34]. Российская Федерация ратифицировала указанные договоры с оговоркой Федеральным законом от 06.03.2001 г. № 22-ФЗ «О ратификации Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, и Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 11, ст. 999).

Разработка Конвенции 1988 г. была инициирована Италией, Австрией и Египтом, затронутыми инцидентом с итальянским пассажирским лайнером «Акилле Лауро», который совершал круиз в Средиземном море из Александрии в Порт-Саид (Египет). 3 октября 1985 г. судно вышло из Генуи в направлении Египта и Израиля. Круиз был рассчитан на 12 дней. На борту находилось более 750 пассажиров разных национальностей, преимущественно итальянцев, и 331 член экипажа. 7 октября судно вошло в египетский порт Александрия. Большинство пассажиров там сошло на берег, а оставшиеся на судне и члены экипажа, общее количество которых составляло 40 человек, продолжили рейс в направлении к Порт-Саиду.

Вскоре после того, как судно покинуло Александрию, четыре палестинских экстремиста, угрожая пассажирам оружием, овладели судном. Впоследствии они признали, что планировали нападение на израильский порт Ашдод – одно из мест остановки судна. Это должно было стать актом мщения за совершение Израилем 1 октября 1985 г. авиарейда на штаб-квартиру ООП в Тунисе. Захват был произведен до Ашдода, так как охранник обнаружил в каюте палестинцев оружие, что заставило их действовать немедленно.

Террористы потребовали следования судна в Тартус (сирийский порт), но правительство Сирии отказалось его принять. Находясь у сирийских берегов и ведя переговоры с портовыми властями, угонщики убили одного из пассажиров – американца Л. Клигхофера, а его тело выбросили за борт. После отказа сирийского правительства судно вновь вышло в открытое море и, взяв курс на Порт-Саид, остановилось в 15 милях от его берегов. С угонщиками вступили в переговоры представители египетских властей и член исполкома ООП, лидер Палестинского фронта освобождения Абу Аббас, с самого начала осудившие акцию экстремистов. Им удалось убедить угонщиков сдаться египетским властям в Порт-Саиде.

После их сдачи правительство Египта предоставило экстремистам самолет «Боинг-930», на котором они в сопровождении Абу Аббаса вылетели из Египта. 10 октября 1985

г., когда «Боинг-930» находился над Средиземным морем, его окружили четыре американских самолета F-14 и заставили приземлиться на военной базе НАТО в Сицилии, где американские власти заявили о намерении передать дело на рассмотрение суда США на том основании, что был убит американский гражданин. Этим действиям воспротивились итальянские власти, настаивавшие на выдаче им захваченных американскими властями пленников. Спор вылился в вооруженное столкновение между американскими подразделениями и итальянской полицией, которое прекратилось только после того, как бывший президент США Р. Рейган распорядился удовлетворить требование итальянских властей. Акция США была осуждена президентом Египта Х. Мубараком, охарактеризовавшим ее как «пиратскую»; обострились и американо-итальянские отношения [35]. И это лишний раз доказывает, что международный терроризм – один из основных источников обострения международных отношений и провокатор вооруженных, а в отдельных случаях военных столкновений.

Главная цель Конвенции 1988 г. – это гарантии того, что соответствующее уголовное преследование будет возбуждено в отношении лиц, совершивших незаконно и преднамеренно действия, направленные против безопасности морского судоходства, на территории одного из государств, обладающих юрисдикцией в соответствии со ст. 6 Конвенции. Статья 5 Конвенции 1988 г. налагает обязательство на государства-участников предусматривать в своем законодательстве соответствующие наказания за эти преступления с учетом их тяжкого характера. Конвенция 1988 г. закрепляет принцип «либо выдай, либо накажи» [36]. Принцип налагает международное обязательство на все государства-участников, на территории которых могут находиться преступники, или принять все необходимые меры и возбудить уголовное преследование в рамках своей собственной судебной системы, независимо от того, совершено ли преступление на их территории, или выдать преступников одному из государств, которое обладает юрисдикцией согласно Конвенции 1988 г.

Вполне естественно, что Конвенция 1988 г. не лишена недостатков, но последние обусловлены лишь временем ее создания. Так, несмотря на то, что п. 1 ст. 3 содержит широкий диапазон незаконных и преднамеренных действий, которые квалифицированы Конвенцией как преступления, угрожающие безопасному плаванию судна, этот перечень не охватывает все возможные ситуации морского терроризма в настоящее время.

В отличие от правового режима пиратства, в этом случае конвенционный подход не признает наличия у государств-участников универсальной юрисдикции: права подвергать осмотру судно, производить обыск, арестовывать предполагаемых преступников и суда, вовлеченные в совершение актов терроризма. Конвенция 1988 г. заявляет, что ее

положения не затрагивают нормы международного права, относящиеся к компетенции государств осуществлять юрисдикцию по расследованию или принятию принудительных мер на борту судов, не плавающих под их флагом (ст. 9).

Необходимо заметить, что в случае пиратства юрисдикция иностранных военных кораблей в открытом море (осмотр судна, обыск, задержание и арест судна) признается международным сообществом и закреплена в Конвенции 1982 г. (ст. 105, 110). Можно предположить отсутствие действительной причины, почему эта мера не должна быть принята в отношении актов морского терроризма. Нельзя защитить жизни, если у государств отсутствуют компетенции вмешаться прежде, чем случается человеческая трагедия. По этому вопросу судья Международного трибунала ООН по морскому праву Джоз Луис Джизус считает, что положения Конвенции 1988 г. отвечают не полностью современным потребностям сохранения человеческих жизней на море и обеспечения безопасности морского судоходства [37].

Таким образом, признавая особое значение Конвенции 1988 г. среди международно-правовых договоров в области борьбы с терроризмом на море, тем не менее, в свете современных тенденций становится объективной необходимостью усовершенствования ее положений. Международным сообществом активно проводится работа в этом направлении. Согласно резолюции А.924 (22) Ассамблеи ИМО Юридический комитет приступил к рассмотрению возможных поправок к Конвенции и Протоколу 1988 г. [38].

Интересно выделить обсуждаемые во время 85-й сессии Юридического комитета ИМО в октябре 2002 г. поправки к Конвенции 1988 г. в части расширения списка преступлений, закрепленных в ст. 3, и добавить еще семь противоправных деяний. Первые четыре – это противоправные действия, имеющие место на судне или направленные на судно, которые преследуют террористическую цель. Одно нарушение касается присутствия на борту инструментов или веществ, обычно не используемых на судне, но необходимых в процессе применения оружия массового уничтожения. Последние два – об использовании судна в целях транспортировки веществ, используемых для массового уничтожения. На 89-й сессии Юридического комитета ИМО в октябре 2004 г. принято решение подписать Протокол о поправках к Конвенции 1988 г. на Дипломатической конференции в октябре 2005 г. [39]. Поправки направлены на ужесточение положений Конвенции в ответ на растущие вызовы международного терроризма, в том числе в части, ориентированной на пресечение транспортировки морем оружия массового уничтожения, а также самих террористов.

Захват и угон морского судна и иное преступное вмешательство в деятельность международного судоходства, или, проще, терроризм на море, представляет собой одну из

форм терроризма вообще и международного в частности, отличаясь от него лишь тем, что сферой действия террористов являются открытое море, береговые сооружения, территориальное море, континентальный шельф и исключительная экономическая зона, то есть пространство, не только подчиняющееся в той или иной степени юрисдикции государств, но также и находящееся вне их территориальной юрисдикции.

Террористы, совершающие преступные действия на море, нуждаются в быстроходных судах, дорогостоящем вооружении, квалифицированных членах экипажа. В связи с этим к такому роду терроризма обычно прибегают организованные преступные группировки, террористы всех направлений и другие участники антиправительственной борьбы, зачастую пользующиеся поддержкой влиятельных политических кругов и даже иностранных правительств, заинтересованных в достижении террористами преследуемых ими целей. Характерно, что от произвола, порождаемого террористами на море, в первую очередь страдает мореплавание не причастных к конфликту государств.

5.4. Природа и проявление информационного терроризма

Широкое внедрение в последние годы развитыми странами мира передовых информационных технологий в различных областях экономики, науки, социальной жизни, оборонного комплекса открывает перед террористами новые возможности для достижения своих политических и иных целей. Об опасности различных проявлений терроризма предостерегал профессор Йона Александер, видный эксперт по вопросам терроризма, директор Межуниверситетского центра исследований терроризма. «Следует ожидать эскалации терроризма по всему миру, – заявил ученый в 2004 году. – Будут и новые теракты традиционного плана – обстрелы, взрывы террористов-самоубийц. Также будет практиковаться кибертерроризм – преступники попытаются одним нажатием клавиши нарушить, например, энергоснабжение целого района или работу аэропорта» [40].

Технологии, на базе которых создаются современные международные телекоммуникационные и информационные сети, позволяют террористам существенно расширить географические рамки своей деятельности, оказывать влияние на более широкую аудиторию, обмениваться информацией и налаживать координацию. Существующие в настоящее время надежные методы шифрования информации дают возможность террористам свободно общаться между собой по каналам электронной почты, не опасаясь, что их сообщения будут перехвачены полицией или спецслужбами. Известно, например, что осужденный в 1995 г. член исламской экстремистской организации ХАМАС Абд-аль-Рахман Зайядан

использовал компьютерную электронную почту для связи с десятками своих сообщников в Израиле, Иордании и ФРГ [41].

Значение информационных технологий для управления децентрализованными антиправительственными организациями выявилось еще в конце 70-х годов прошлого столетия во время майских событий во Франции. Тогда различные группы демонстрантов координировали свои действия, опираясь на информацию, которую они получали из радиорепортажей с места событий корреспондентов средств массовой информации. После терактов в США в сентябре 2001 г. официальные американские лица выступали против бесцензурной трансляции по радио и телевидению выступлений руководителей террористической организации Аль-Каида. Поскольку не исключалось, что в зашифрованном виде (жест, порядок слов) мог быть отдан приказ о проведении террористического акта.

С учетом особенностей организационного построения современных террористических организаций информационно-ориентированный терроризм ныне представляет для его лидеров особый интерес.

Итак, использование информационных технологий позволяет:

- координировать действия (используя сотовую телефонную и факсимильную связь, электронную почту) разрозненных террористических групп и осуществлять обмен информацией для решения общих задач в глобальном масштабе с достаточно высокой степенью анонимности;

- снизить затраты на связь, что создает предпосылки для увеличения эффективности организаций, не имеющих устойчивых источников финансирования;

- увеличить возможности обмена сложной комплексной информацией, в том числе визуальной (например, картографической или документальной).

Террористы все чаще используют для пропаганды своих идей возможности глобальной компьютерной сети Internet, обращаясь через нее к широкой и постоянно растущей аудитории. Через эту же сеть они могут получать требующуюся им информацию об объектах планируемых нападений, так как на страницах Интернета публикуется большое количество сведений о государственных и частных организациях различных стран мира, политических и религиозных деятелях, представителях бизнеса и т.д. По сети Интернет возможно также осуществление диалога как со сторонниками, так и с противниками террористов, что дает им возможность вербовать в свои организации новых членов, корректировать свою тактику, ослаблять влияние на общественность критики идеологии и практики терроризма.

По меткому замечанию Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, террористические организации используют средства связи для расширения своей поддержки и вербовки новых членов. Мы должны лишить их этого доступа, в частности через противодействие использованию ими Интернета – все более активного канала вербовки террористов и распространения информации и пропаганды. В 1998 году насчитывалось менее 20 террористических веб-сайтов. По оценкам экспертов, к 2005 году их стало несколько тысяч. Действительно, как представляется, для совершения некоторых недавних крупных нападений использовались возможности Интернета [42].

Примеров отмеченному выше Генеральным секретарем ООН более чем достаточно. Вот несколько из них. В конце 2005 года в американском г. Атланте был арестован исламский экстремист С.Х. Ахмед, подозревавшийся ФБР в намерении совершить крупные теракты на территории Соединенных Штатов. Его сообщник Э.И. Садики успел бежать в Бангладеш, но позднее был задержан местными властями и экстрадирован в США. В ходе допросов оба молодых человека, выходцы из семей натурализовавшихся иммигрантов из Пакистана, признали, что планировали осуществить взрыв в здании американского конгресса. Обсуждалась также возможность подрыва одного из нефтеперерабатывающих заводов.

Следствие, начатое в США по данному делу, привело к весьма неожиданным результатам. Оно показало, что экстремисты никогда не имели личных контактов с проповедниками радикального ислама, а преступные замыслы у них возникли в результате регулярного просмотра в сети Интернет сайтов террористической группировки иорданца Абу Муссаба аль-Заркави, действующей в Ираке. Этот бывший соратник У. бен Ладена с помощью посредников в арабских странах создал ряд пропагандистских сайтов, с тем чтобы распространять через них идеи «глобального джихада» против «иудеев и крестоносцев» (христиан). На их страницах размещались материалы, предназначенные для идеологической обработки мусульманской молодежи, которой в «священной войне» отводилась роль смертников. Публиковались также детальные инструкции по изготовлению самодельных взрывных устройств и наставления по поддержанию кодированной связи с «братьями по борьбе» через электронную почту (e-mail) [43].

О существовании подобных сайтов давно знали западные спецслужбы, однако считалось, что особого влияния на молодежь они не оказывают. Но, как оказалось, это было серьезной ошибкой, поскольку именно публикации на сайтах А.М. аль-

Заркави, ставшие своего рода «учебником жизни» для упомянутых выше двух молодых американских мусульман, полностью перевернули их сознание и превратили в потенциальных террористов, готовых пожертвовать собой во имя Аллаха. Из них они почерпнули сведения о том, как приготовить взрывчатую смесь из доступных химических компонентов и как детонировать ее в багажниках автомашин. Благодаря содержащимся на сайтах инструкциям экстремисты вышли на связь по электронной почте с «единомышленниками» в Канаде и Англии, которую они поддерживали длительное время, советуясь, как лучше осуществить задуманное преступление.

Канадским органам безопасности удалось арестовать 17 членов тайной террористической ячейки в Торонто, с которыми общались экстремисты из США. Большинство членов этой ячейки составляли внешне вполне обычные студенты-старшекурсники и дипломированные выпускники канадских вузов, происходившие из респектабельных мусульманских семей. Возглавляли данную группировку выпускник медицинского факультета Макмастерского университета в Гамильтоне А.М. Гани и С. Халид, учившийся на последнем курсе Школы бизнеса при Торонтском университете. Они, как и их сообщники, поддались воздействию умело составленных материалов на сайте иракского филиала Al-Qaida. Так же, как и их американские единоверцы, канадские экстремисты планировали осуществить ряд взрывов, в том числе в зданиях Международного финансового центра и парламента в Оттаве. Более того, один из них поклялся на Коране убить премьер-министра Канады [44].

По имеющимся данным, контртеррористическая операция ФБР (Operation Mazhar) проводилась во взаимодействии со спецслужбами семи государств и началась после ареста в Лондоне исламского экстремиста, являвшегося специалистом по компьютерным технологиям, с которым по сети Интернет общались «братья по джихаду» из США и Канады. Сам же он поддерживал регулярную связь по электронной почте со своим «духовным наставником» А.М. аль-Заркави. Этот «эксперт» взламывал популярные web-сайты в западноевропейской зоне Интернета, вставляя в них подготовленные им пропагандистские материалы, направленные на «прославление» терроризма и радикализацию молодежи из иммиграционной среды.

Такие материалы также были обращены к молодым европейцам христианского вероисповедания, которые в силу жизненных разочарований либо психологических проблем могли склониться к принятию ислама. На этой почве «эксперту» удалось заочно завербовать сменивших веру гражданина Швеции сербского происхождения

М. Бектасевича и молодого датчанина (имя его в прессе не называется). Другими словами, он следовал распространяемым по сети Интернет указаниям А.М. аль-Заркави о необходимости обращать в ислам и привлекать к террористической деятельности белых граждан Европы и Северной Америки, которые меньше привлекают к себе внимание полиции и спецслужб, что облегчает осуществление предназначенных им «миссий».

Два указанных террориста были арестованы в боснийской столице Сараево, где они готовились взорвать посольство Великобритании. При обыске в их гостиничном номере были найдены «пояса шахидов», которые они собирались привести в действие, проникнув в здание дипломатического представительства [45].

Специалисты обращают внимание на то, что сеть Интернет все более активно используется исламскими экстремистами для организации террористических структур в различных странах мира, осуществления координации между ними, привлечения новых «воинов Аллаха» и их подготовки к выполнению роли «шахидов». Для этого в ячейки Al-Qaida и подобных ей организаций в последнее время все чаще включаются «операторы», умеющие работать во «всемирной паутине» и владеющие хакерскими приемами.

В этой связи эксперты по анти- и контртерроризму с тревогой отмечают быстрое формирование высокотехнологичной системы поддержания контактов между членами «террористического интернационала», которым теперь уже не нужно лично встречаться для обмена информацией, согласования планов и координации преступных действий. Связь между ними обеспечивается с помощью зашифрованных сообщений по электронной почте, которые весьма сложно выявить в огромном информационном потоке, циркулирующем по глобальной сети Интернет. А о том, насколько эффективной может оказаться подобная система, свидетельствует факт «бесконтактной» вербовки действующими в киберпространстве исламистами молодой гражданки Бельгии.

Приняв ислам в результате общения с анонимными проповедниками в Интернете, она в дальнейшем согласилась с их предложением выехать в Ирак, где уже конкретные наставники из Jihad al Qaida вручили ей «пояс шахида» и научили, как привести его в действие. Зомбированная бельгийка из состоятельной семьи безоговорочно выполнила все их указания и взорвала себя в Багдаде среди группы американских солдат, не заподозривших смертельной опасности в этой приветливо улыбавшейся и модно одетой европейской женщине [46].

Вместе с тем использование информационных технологий для распространения информации может иметь и нежелательные для террористов последствия. Например, недостаточно осторожное использование каналов электронной почты, мобильных телефонов дает правоохранительным органам и спецслужбам возможность устанавливать их местонахождение. Кроме того, передача по сети Интернет воззваний и «теоретических» материалов террористов стимулирует контрпропаганду со стороны государственных органов, которая, как правило, оказывается невыгодной для них и может вызвать раскол среди членов террористических организаций, поколебать их веру в свою правоту.

Однако во многих случаях информационные террористы все еще могут действовать почти беспрепятственно. Они могут, например, изымать информацию из оборонных АИС, нарушать работу компьютерного обеспечения аэропортов, в результате чего возможны аварии самолетов. Причем возможности глобальных систем компьютерной связи позволяют наносить удары по целям, находящимся в других странах.

Проникновение в компьютерные сети, оборудованные техническими защитными комплексами, является исключительно сложной задачей, которую не под силу решить самим террористам, не обладающим, как правило, для этого необходимыми знаниями и квалификацией. Однако, располагая соответствующими финансовыми средствами, они могут нанимать для этих целей специалистов из числа «хакеров», лишенных твердых нравственных принципов и желающих «заработать» много денег. Кроме того, имеется немало программных продуктов, позволяющих снизить «нормы» технических знаний, необходимых для осуществления информационного нападения. Одна из таких компьютерных программ, NetCat, предназначенная для «взлома» электронных сетей, была уже десять лет назад в 1996 году представлена на ежегодной конференции американских «хакеров» в Лас-Вегасе. Любой желающий мог получить копию NetCat по сети Интернет с подробной инструкцией по ее использованию. Она позволяла реализовать такие изощренные приемы «хакеров», как присвоение адреса или имени программы начальной загрузки чужого компьютера, перехват данных о процедурах доступа в локальные сети, паролей пользователей ЭВМ, номеров их кредитных карточек в процессе передачи по сети. С помощью NetCat можно и сейчас парализовать компьютерную сеть за счет перегрузки ЭВМ большим числом ложных запросов [47].

Технологии «электронных взломщиков» часто можно открыто встретить на страницах средств массовой информации и в специальной литературе. Так, одно из

издательств выпустило большим тиражом справочник для «хакеров», в котором детально описываются методы «компьютерных пиратов» по выемке информации из баз данных, заражению их разрушительными вирусами, в том числе замедленного действия, которые искажают или уничтожают файлы лишь через заданный период (по этой причине их крайне сложно обнаружить).

В арсенале «хакеров» имеется также немало способов, позволяющих «замаскировать» их компьютерные адреса, благодаря чему они могут действовать, не оставляя «следов» и не опасаясь быть обнаруженными.

Поимка «киберпреступников» является весьма сложным и кропотливым делом и возможна только в результате тщательного и сложного расследования с использованием специальных программ текущего контроля, позволяющих фиксировать их перемещения в «электронном пространстве». На наблюдение при этом уходит несколько месяцев, и оно может дать положительные результаты лишь при условии, что конкретные преступники постоянно занимаются своей противозаконной деятельностью. В случае изменения «хакерами» характера действий или полного их прекращения дальнейшее слежение оказывается невозможным.

Деятельности информационных террористов не обязательна поддержка государства, хотя нельзя исключать, что «кибернетические атаки» могут готовиться и осуществляться в рамках такого вида международного терроризма, как государственный. Дело в том, что для найма «хакеров» и приобретения соответствующих технических средств не требуется слишком больших финансовых затрат. Деньги для этого может выделить богатый «спонсор» из числа религиозных фанатиков либо политических идеологов различного толка, сепаратистов и т.п., допускающих для достижения своих целей акты насилия. Относительно недорого обходится и создание так называемых электромагнитных бомб, дающих мощные импульсы, которые способны в буквальном смысле слова сжигать начинку компьютерных терминалов. Поэтому высока вероятность, что информационные террористы могут действовать в составе «независимых» групп определенной идеологической или религиозной ориентации или же в одиночку, что особенно затрудняет их выявление. Для выбора объектов нападения и «рекогносцировки» они могут посещать территории различных государств под видом туристов, журналистов или бизнесменов. Кроме того, информацию об уязвимости различных систем можно почерпнуть на досках объявлений Internet, которые «хакеры» используют для обмена

«опытом», в информационных web-узлах, из электронных новостей и с помощью других форм электронной связи, даже не посещая интересующую их страну.

Через сеть Internet террористы также способны шантажировать руководителей фирм и банков в целях получения от них финансовых средств, которые могут быть переведены им в любую страну по системе электронных расчетов. Такого рода «финансирование» вполне вероятно, учитывая реальность угроз выведения из строя компьютерных сетей, для восстановления которых требуются большие денежные затраты. Характерно, что в США некоторые криминальные группировки уже практикуют подобный «рэкёт» в отношении банков, защищенных с помощью новейших технологий, хотя финансовые учреждения и отрицают это, опасаясь прослыть «ненадежными».

Вот лишь несколько примеров применения разрушительного воздействия на информационные системы в террористической деятельности.

В ноябре 1994 г. в компаниях General Electric и National Broadcasting Corporation была нарушена работа внутренних информационных сетей. Они не функционировали в течение нескольких часов. Ответственность за это взяла на себя некая организация «Фронт освобождения «Интернет», издавшая манифест, в котором она объявляла данным компаниям «кибервойну».

В 1996 г. террористической организацией «Тигры освобождения Тамил-Илама» была проведена сетевая атака против дипломатических представительств Шри-Ланки. Их серверы были наводнены тысячами пустых посланий по электронной почте и на время подверглись «виртуальной блокаде». Группа пакистанских хакеров, именовавших себя «Мусульманским онлайн-синдикатом», в 2000 г. испортила более 500 индийских интернет-сайтов в знак протеста против боевых действий в Кашмире [48].

В апреле 1999 г. неизвестным лицам удалось подменить главную web-страницу официального интернет-сайта Пентагона и поместить на ней сообщение «всеобщий ад не умрет». Очевидно, это должно было указывать на тщетность попыток защитить военные сайты от проникновения хакеров. Примерно в это же время команда хакеров, именуемая себя «Blow Team», «взломала» сайт Министерства сельского хозяйства США и подменила страницы подразделений и служб министерства [49].

В мае 2001 г. с подобной ситуацией столкнулся Белый дом, когда его электронная страница в Интернете также была атакована неустановленными лицами. В ходе расследования по делу о терактах в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г.

спецслужбы США установили, что участники терактов пользовались кодированной связью через Интернет.

В марте 1998 г. компания Omega Engineering (США) стала одной из самых крупных жертв компьютерного терроризма. Т. Ллойд, бывший ведущий разработчик компьютерных сетевых программ, заложил «логическую бомбу» – программу, приводящую к уничтожению файлов, которая сработала после его увольнения. В результате были уничтожены все файлы на сетевых серверах, что повлекло за собой ущерб в размере 10 млн долл. [50].

В контексте перечисления примеров следует выделить и тот факт, когда один американский разведчик похвалился, что, если ему дадут 1 млрд долл. и 20 способных компьютерщиков, он сможет «закрыть» Америку [51]. То же самое мог бы сделать и террорист. В компьютеризированном обществе трудно сохранять секреты, а меры защиты оказались не вполне эффективными. Известно, что увлекающиеся компьютерами подростки проникали в самые засекреченные системы во всех областях. Уже сейчас существуют бесконечные возможности создать хаос, и в дальнейшем компьютерные системы станут еще более уязвимыми. Изменяются цели террористов: зачем убивать политического деятеля или бросать бомбу в толпу, когда достаточно нажать несколько кнопок для достижения более драматичных и широкомасштабных результатов. Одной из очевидных целей для нанесения удара может быть коммутатор в Кулперере, штат Вирджиния, где расположена штаб-квартира электронной сети Федерального резервного банка, который управляет всеми федеральными фондами и операциями. Если новый терроризм направит свою энергию на информационные средства боевых действий, его разрушительная сила многократно превзойдет силу любых видов оружия, доступных в прошлом, включая биологическое и химическое оружие. Информационная структура общества все больше и больше будет становиться объектом террористических воздействий в XXI в., мишенью информационного оружия в руках террористических группировок и отдельных государств. Но особую опасность новое оружие может представлять для вооруженных сил государств, систем государственного управления, корпоративных электронных сетей, предприятий оборонного комплекса, структур, ответственных за национальную безопасность страны.

Информационные технологии понизили «порог страха», сдерживающего преступников. Редкий «хакер» согласился бы, например, физически проникнуть на военную базу и выкрасть оттуда секретные документы, рискуя получить пулю. Проникновение же в автоматизированные информационные сети, в частности,

министерства обороны США с той же целью стало для «хакеров» обычным делом, поскольку они могут действовать с помощью домашних компьютеров, оставаясь при этом очень часто безнаказанными. С учетом данного обстоятельства вполне возможно, что дальнейшее понижение «порога страха» может привести к расширению круга лиц, вовлекаемых в террористическую деятельность в ее информационных разновидностях. На этот путь могут встать и некоторые «хакеры», даже в том случае, если они специально не наняты для совершения информационных диверсий. Причиной тому распространены в их среде антиобщественные настроения. Например, упомянутая выше организация «Фронт освобождения «Интернет» стремился к цели создания хаоса в кибернетическом пространстве исключительно из хулиганских побуждений. Но если в результате действий членов этой организации при взлете столкнутся самолеты, подобного рода хулиганство нельзя расценивать иначе, как террористический акт.

К террористическим действиям «хакеров» могут подтолкнуть и личностные психологические особенности, комплекс неполноценности, который они пытаются преодолеть, бросая «вызов обществу». Исследования показали, что большинство «компьютерных пиратов» – это молодые люди чуть старше 20 лет, которые испытывали затруднения в межличностных отношениях; как правило, они являлись плохими учениками в школе, но сумели добиться успехов в электронике посредством самообразования, проявляя огромное терпение в работе с компьютером. Нередко «хакеры» отличаются «технологическим фанатизмом». Часто они увлекаются идеями анархизма, применяя их к возможности «полной свободы» действий в информационном пространстве. Этот принцип, кстати, был провозглашен и в декларации «Фронта освобождения «Интернет» [52]. Такие личностные черты и воззрения могут сформировать в «хакере» агрессивность, которая может вылиться в акты терроризма.

Создать в настоящее время «железный занавес» от электронных информационных структур невозможно, ибо без подключения к мировому информационному пространству любую страну ожидает экономическое прозябание. Без оперативного доступа к информационным и вычислительным ресурсам, поддерживаемым Интернетом, государство может оказаться в невыгодном положении по сравнению с другими странами. Скорее всего, затормозится весь отечественный научно-технологический прогресс. Вхождение страны в мировое информационное пространство следует приветствовать как фактор преодоления международной экономической и культурной изоляции, как фактор преодоления внутренней

дезинтеграции и как условие укрепления государственности, институтов гражданского общества, развития социальной инфраструктуры. Однако следует всегда помнить о том, что участие любой страны, и в первую очередь России, в международных системах телекоммуникации и информационного обмена невозможно без комплексного решения проблем информационной безопасности. Особенно остро проблемы защиты национальных и корпоративных информационных ресурсов в открытых и закрытых сетях встают в связи с назревшей проблемой терроризма как следствия глобализации и модернизации мира .

Кроме того, для совершения кибератак и ведения «кибервойны» совершенно нет необходимости развивать и использовать информационные технологии в том объеме, в каком это делают технологически развитые страны. Достаточно иметь доступ в Интернет. По данным американской группы контроля рисков, в 1998 г. было пять стран, представляющих угрозу кибертерроризма. В 2001 г. в «черный список» попало уже 12. Это Афганистан, Бурунди, Конго, Либерия, Россия (Чечня), Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Шри-Ланка, Эритрея, Эфиопия и Чад [53].

Большое значение в противодействии информационному терроризму имеют и предупредительные, или иначе – профилактические, меры. К ним относится разработка эффективных многоуровневых защитных комплексов, охраняющих базы данных от проникновения «хакеров». Это также программные продукты COURTNEY, предупреждающие операторов о попытках «взлома» компьютерных сетей. Надежные результаты дает внедрение полицией и спецслужбами агентов в группировки террористов и связанных с ними «хакеров», что позволяет пресекать информационные акты терроризма еще на стадии их подготовки. Необходим также международный обмен данными по таким преступлениям, и в первую очередь через Интерпол.

Следует отметить, что уже в 1996 г. страны «большой семерки» договорились о необходимости изучения методов предотвращения использования террористами сети Internet для координации своей преступной деятельности. Однако США длительное время отказываются заключить широкое международное соглашение о борьбе с терроризмом в информационной сфере. Это вызвано опасениями, что такое соглашение будет препятствовать американским разработкам в области информационной войны, методы которой близки к методам, используемым информационными террористами. Положение осложняет и тот факт, что в некоторых странах, таких как Нидерланды и Аргентина, несанкционированное проникновение в компьютерные сети не считается преступлением. Аргентина, в частности, отказалась

выдать США «хакера», похитившего секретную информацию из базы данных американской системы ПВО [54].

Открытым остается для экспертов целый ряд вопросов. В частности: насколько хакеры, а значит, и преступники, использующие в качестве формы насилия информационный терроризм, склонны к объединению и созданию террористических организаций; насколько велика вероятность того, что те организации, которые в настоящее время не занимаются информационным терроризмом, в конце концов обратятся к нему. Кроме того, подобные нападения – явление относительно новое и степень их опасности пока еще окончательно не определена.

Нет пока ясности и в вопросах разработки критериев для определения времени совершения информационного теракта, стандартов требуемых уликовых материалов, необходимых для установления меры наказания.

Эти юридические проблемы, которые осложняются проблемами политического характера, приводят к выводу о том, что конкретные международные соглашения по вопросам борьбы с информационным терроризмом, аналогичные соглашениям, направленным на борьбу с его традиционными формами, подписаны будут не скоро. Поэтому меры против него следует в первую очередь принимать на национальном уровне. Вместе с тем следует все-таки надеяться на лучшее. Ибо в тексте глобальной контртеррористической стратегии, предложенной ООН 3 мая 2006 г., в частности, обозначено: «Интернет является наглядным примером того, как террористы могут действовать действительно на транснациональной основе; в ответ государствам необходимо думать и действовать на столь же транснациональной основе. Те, кто хочет использовать киберпространство в террористических целях, может делать это практически из любой точки мира. Террористы пользуются различиями в национальных ответных мерах – если им не дают действовать в одном государстве, они просто могут переместиться в другое. Тем самым Интернет может стать виртуальным прибежищем, позволяющим игнорировать национальные границы. Государства начинают отдавать себе отчет в этой проблеме и выработать возможные ответные меры. В [Тунисской программе](#), принятой в 2005 году на [Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества](#), подчеркивается важность борьбы против терроризма во всех его формах и проявлениях в Интернете наряду с соблюдением прав человека и в соответствии с другими обязательствами по международному праву. [Резолюция 1624 \(2005\)](#) Совета Безопасности дает основу для криминализации подстрекательства к совершению террористических актов и вербовки, в том числе через Интернет. Государства-члены

теперь должны представлять доклады [Контртеррористическому комитету](#) о принятых мерах по осуществлению этой резолюции. Комитету следует продолжать оказывать правительствам помощь в наращивании потенциала в этой области, в том числе путем координации обобщения передовой практики и оценки приоритетов с учетом индивидуальных потребностей. Государствам-членам, которые еще не сделали этого, следует принять необходимые меры, с тем чтобы не допустить использования информационно-коммуникационных технологий для поощрения и осуществления террористической деятельности. Организация Объединенных Наций может оказать государствам техническую помощь в разработке соответствующего законодательства и наращивании правоспособности в этой области, а также сотрудничать с государствами-членами в изучении других возможных мер противодействия использованию Интернета террористами» [55].

Отмечая настоятельную необходимость ведения международным сообществом борьбы с использованием Интернета террористами, ООН, с другой стороны, подчеркивает, что все государства должны в полной мере использовать возможности Интернета в качестве средства для борьбы с терроризмом. В этом смысле следует использовать один из любимых инструментов террористов для борьбы с ними. Интернет является мощным и не имеющим аналога инструментом для борьбы с распространением идеологий терроризма, который позволит привлекать внимание к тяжелому положению жертв, устанавливать связи между общинами и образовательными учреждениями в различных странах и собирать информацию о подозреваемых террористах и обмениваться ею. Государствам следует действовать сообща для максимального использования возможностей Интернета во всех этих областях при должном соблюдении конфиденциальности .

Необходимо отметить, что в контртеррористической борьбе с информационным терроризмом следует исходить из того, что сущность его заключается в оказании противоправного воздействия на информационные системы. Совершается это в целях создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности.

Глава 6.

Похищение людей и захват заложников

История развития цивилизации, несмотря на многочисленные войны и конфликты, свидетельствует об устойчивой тенденции стремления человечества к гуманизации общественной жизни. Однако именно повышение внимания к ценности человеческой жизни дает террористам шанс использовать для реализации преступных намерений угрозы лишения жизни человека или группы лиц. Не случайно начиная с 60-х годов и до настоящего времени именно проблема борьбы с захватом заложников и похищением людей с различными целями (получение выкупа, шантаж, политические мотивы и т.д.) приобретает все большую актуальность.

В последние же годы практика захвата террористами и прочими преступными элементами невинных людей в качестве заложников стала весьма распространенным «оружием терроризма». И хотя статистическая вероятность для обычного гражданина стать их жертвой не более чем быть пораженным ударом молнии, тем не менее специалисты-криминологи активно изучают данный феномен, вырабатывая при этом различные меры предупреждающего действия. Они направлены как на снижение шансов стать заложником, так и на рекомендации поведенческого и психологического характера в случае захвата в качестве заложника.

Незаконное лишение человека свободы является преступлением, существующим столько же, сколько существует цивилизация. При этом наиболее старыми формами этого преступления являются его простейшие формы, т.е. похищение из любовных побуждений или захват в рабство. И с тех пор, как люди стали жить общинами, сначала как племена, затем сельскими поселениями и позже в городах, они всегда стремились к безопасности и к верховенству закона. Соперники или инакомыслящие, стремящиеся скинуть кого-то с пьедестала власти, очень быстро приходили к мысли о том, что лучше всего оказывать давление на лидеров, например путем захвата их детей. Слово «*киднепинг*» в переводе означает «кража ребенка». И это в истории нередко использовалось для вымогания денег или получения политических уступок. Именно по этим мотивам в римский период и в Средние века в Европе, Северной Африке и Малой Азии нередко похищали принцесс или кого-либо из их окружения, и без всякого сомнения, это происходило в еще более ранних цивилизациях в Южной Азии и в Китае. И только сравнительно недавно человечество стало осознавать, что захват заложников – это преступление. А во времена Римской империи не видели ничего предосудительного в том, что принцип «договор должен соблюдаться» подкрепляется оставлением заложников из знатных и известных особ. В Средние века с дипломатической миссией русские князья ехали в Золотую Орду,

половецкие ханы в Киев, грузинские царевицы в Персию и т.д. Но уже тогда властители поняли, что за жизнь человеческую можно наряду с определенными политическими уступками получить солидную сумму денег. Так, Ричард Львиное Сердце просидел довольно-таки долго в заложниках, прежде чем европейское сообщество королей и герцогов после долгих переговоров внесло за него выкуп.

Первые признаки отрицательного отношения государств к захвату заложников проявились при заключении Вестфальского мира 1648 года, когда было признано неправомерным задержание лиц, имеющих дипломатический иммунитет. В остальном все оставалось по-прежнему. Во времена войн взятие заложников среди мирного населения было обычным явлением. Социальные же потрясения (революции, восстания, гражданские войны) приводили к увеличению числа заложников. Французская революция превзошла все «достижения» прошлого, за что удостоилась похвалы В.И. Ленина, сказавшего, что эта революция «велика своим террором». Санкюлоты брали «пачками» заложников из числа дворян, священнослужителей и прочих неугодных им социальных слоев. В 1907 году была подписана Гагская конвенция, запрещающая захват заложников во время состояния войны. Однако Октябрьская революция 1917 года в России и последовавшая за ней гражданская война перевернули надежды цивилизованного человечества, Заложников брали красные и белые, обвиняя друг друга в злодействе. Одни – в «происках контрреволюции», другие в «зверствах большевиков». Новая власть поспешила легализовать факты захвата заложников. Так, в приказе наркома внутренних дел Петровского прямо предписывалось: «Из буржуазии и офицерства должны быть взяты большие количества заложников». Заложничество стало массовым явлением, одним из средств системы репрессий, к которой оказались так склонны коммунисты, вставшие на путь построения «светлого будущего» в мировом масштабе. Заложники, вместе с расстрелами, концентрационными лагерями, принудительным трудом, рассматривались в качестве эффективного средства «перековки» людей из человеческого материала капиталистической эпохи. «...за преступления одного убивались десятки и сотни лиц, не имеющих к нему никакого отношения. За покушение на Ленина, Володарского, Урицкого были расстреляны тысячи людей, не имеющих к ним никакого касательства. За выстрел в агента власти убивались десятки «заложников», сидевших в тюрьмах обширной России. Институт заложничества стал нормой, «бытовым явлением» нашей действительности...» – писал Питирим Сорокин [1].

Во время Второй мировой войны заложничество широко применялось как метод борьбы с партизанским движением и выявлением лиц, выступающих против оккупационных режимов. В 1949 году в Женеве была подписана конвенция «О защите

гражданского населения во время войны», запрещавшая захват заложников. Но вместе с тем волна народно-освободительных и антиколониальных движений, охвативших Африку, Латинскую Америку, Юг Азиатского континента, создала очаги ожесточенной борьбы, при которой использовались все методы насилия, включая захват и удержание заложников. Участились случаи захвата повстанцами дипломатических работников, представителей деловых кругов и бизнеса для освобождения из мест заключения своих соратников и получения выкупа. Так «революционные движения» стали добывать деньги.

Последние два десятка лет ознаменованы в бывшем СССР значительным ростом актов терроризма, при которых используются самые разнообразные и изощренные формы насилия. Участились случаи нападений на государственные и военные объекты, захвата заложников, похищения представителей президента, сотрудников международных организаций, дипломатов, представителей правоохранительных органов, крупных чиновников и бизнесменов для обмена их на находящихся в заключении террористов и других преступников, получения крупных выкупов или с целью добиться определенных политических акций со стороны правительства через заинтересованных посредников и т.д.

«Войной заложников» называют драматические события, которые происходят на Северном Кавказе, а в недавнем прошлом происходили в Таджикистане, Абхазии, Северной и Южной Осетии и других горячих точках бывшего СССР, беспрецедентные по числу насильственно захваченных (похищенных) людей.

6.1. Организация и тактические особенности совершения преступлений в формах «захват заложника», « похищение человека».

Оценивая исторический опыт борьбы с преступлениями в форме захвата заложников, среди субъектов, совершающих это преступление, можно выделить следующие категории: специальные подразделения вооруженных сил и спецслужб иностранных государств; карательные подразделения и полицейские силы; политические и общественные организации террористического толка и экстремистской направленности; незаконные вооруженные формирования; криминальные элементы, в том числе члены организованных преступных групп и сообществ; лица, психически больные, с соматическими заболеваниями, в пограничных состояниях и состоянии аффекта; лица, осуществляющие захват заложников на бытовой почве; лица из различных социальных групп, осуществляющие захват заложников в интересах решения социально-экономических проблем при отстаивании своих законных прав.

Систематизация по целям захвата выделяет шесть основных групп захвата заложников.

1. *Политические* – предоставление политического убежища, освобождение лиц, совершивших государственные преступления, смещение должностных лиц органов власти, изменение государственного строя и т.п.

2. *Социально-экономические* – решение социально-экономических вопросов со стороны руководства предприятий, администраций и т.д.

3. *Националистические, сепаратистские и религиозные* – решение национальных вопросов (государственности, территориальности, управления), предоставление льгот или отказ от них представителям отдельной национальности или конфессии, совершение национальных и религиозных обрядов и т.п.

4. *Военные* – последующий обмен заложниками, демонстрация силы и устрашения, подавление сопротивления и иные.

5. *Уголовно-криминальные* – вымогательство, выкуп, возврат долга, незаконное освобождение из мест лишения свободы и содержания под стражей, обеспечение личной безопасности, в том числе при совершении другого преступления, угон воздушного или иного транспортного средства с целью выезда в другую страну в обход существующих правил и т.д.

6. *Патологические* – временные психические расстройства, вызываемые различными бытовыми и производственными конфликтами и совершаемые психически больными людьми.

В упрощенном варианте организация и функциональные направления совершения указанных преступных деяний (захват заложников и похищение человека) выглядят следующим образом.

1. Захват заложников и похищение людей являются одной из основных форм деятельности уголовного терроризма и осуществляются в целях получения выкупа. Террористические акции совершаются небольшими группами и редко выходят за национальные рамки. Наиболее опасными террористами являются лица с нарушенной психикой. Приемы и методы, используемые уголовными элементами, наиболее жестоки.

2. К захвату заложников и транспортных средств, похищению людей прибегают также и политические террористы в целях саморекламы, оказания влияния на правительства и развитие экстремистского движения. Политическому терроризму присущи международный характер деятельности, строгое организационное построение, глубокая конспирация, плановость, выработка долговременных и текущих программ.

3. В последние годы усиливается тенденция смыкания уголовного и политического терроризма во всем мире, сотрудничество и взаимная поддержка друг друга. Кроме того, происходит перерождение политического терроризма в уголовный: различного рода

экстремистские и националистические организации разлагаются и превращаются в обычные уголовные группы. Поэтому весьма часто в наше время можно встретить комбинированные требования к властям за возвращение похищенного.

Таким образом, похищение (или незаконное лишение свободы) может быть охарактеризовано как насильственное и нелегальное перемещение и задержание человека с любой целью: уголовной, политической, бытовой.

В литературе понятие «заложник» определяется как «человек, данный или взятый в виде залога в обеспечение исполнения договора» (Брокгауз и Эфрон). Даль дополнительно указывает на «насильственный» характер заложничества, гарантирующего «исполнение обязательств». БСЭ (1972 г.) касается лишь военного аспекта проблемы, как, например, нарушения Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «О защите гражданского населения во время войны». Юридический словарь (1956 г.) также рассматривает только военный аспект захвата заложников, а издание 1987 г. вообще не рассматривает это понятие. Генеральная Ассамблея ООН 17.12.1979 г. приняла Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников, согласно которой «любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц – совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление захвата заложников...» [2].

Российский законодатель так определяет указанные виды преступлений:

– *под похищением человека* следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым либо с помощью обмана завладением (захватом) живым человеком, изъятием его из естественной микросоциальной среды, перемещением с места его постоянного и временного пребывания с последующим удержанием помимо его воли в другом месте (ст.126 УК РФ);

– *захват заложника* рассматривается уголовным законодательством (ст. 206 УК РФ) как одно из особо тяжких преступлений (при отягчающих обстоятельствах). Оно посягает на общественную безопасность, жизнь, здоровье, а также личную свободу и неприкосновенность человека, гарантированные Конституцией Российской Федерации (ст. 22).

Захваты заложников, как показывает практика, могут повлечь за собой нанесение политического и экономического ущерба России в ее международных отношениях, привести к срыву либо отсрочке принятия решений, имеющих важное

межгосударственное значение. Борьба с захватом заложников является задачей всего мирового сообщества и регламентирована Международной конвенцией, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (1979 г.).

Специалисты выделяют две формы данного преступления: краткосрочное незаконное лишение свободы и долгосрочное незаконное лишение свободы.

Особенности подготовки и проведения террористических акций в форме захвата заложников (похищения человека).

Краткосрочное незаконное лишение свободы является прогрессирующим видом преступления в Европе и в ряде стран Латинской Америки. Суть его состоит в захвате какого-либо (должностного) лица или членов его семьи с целью немедленного получения выкупа наличными. Чаще всего таким нападениям подвергаются управляющие банков, руководители различных фирм и компаний и им подобные должностные лица.

Краткосрочный захват иногда связан с чисто бытовыми мотивами и может совершаться по причине конфликта в семье, из-за неудачной любви или из-за ощущения преследования.

Анализ имеющихся данных показывает, что краткосрочные захваты осуществляются достаточно часто, в основном преступными элементами с целью вымогательства денег. В последнее время эта тенденция нарастает. Официальные данные по этому вопросу противоречивы, так как и сами похитители, и пострадавшие зачастую делают все возможное, чтобы разрешить конфликт, не предавая его огласке, в связи с чем многие подобные случаи так и остаются не установленными. Некоторые специалисты правоохранительных органов полагают, что краткосрочных случаев киднепинга совершается в несколько раз больше, чем обычных. Одна из причин такого соотношения, видимо, связана с тем, что краткосрочный захват позволяет преступникам с большей возможностью получить значительные денежные суммы при минимальном риске, которому они могли бы подвергнуться при прочих похищениях или при ограблении.

Многие краткосрочные захваты совершаются одиночками или «любителями» и проходят успешно, если запрашиваемые ими суммы не слишком велики. Обычно такой захват выглядит следующим образом: к управляющему банком или какой-то строительной компанией (реже к управляющему крупным магазином аналогичной коммерческой структуры, через которую проходят значительные денежные суммы) приходит неизвестный посетитель и просит открыть счет или предоставить ему кредит. В это время в кабинете управляющего раздается телефонный звонок и его жена сообщает, что двое вооруженных людей ворвались к ним и угрожают похитить ее или детей (или убить), если ее муж немедленно не заплатит такую-то сумму находящемуся у него в

кабинете посетителю. При этом называется сумма в пределах той, которая предположительно находится в сейфе у управляющего в его кабинете. Иногда это требование формулируется: «Откройте сейф». Смысл таких преступных действий состоит в том, что операция проводится быстро, до того как управляющему удастся уведомить о случившемся полицию и поднять тревогу. Поэтому чаще всего требования излагаются в грубой, очень агрессивной форме. Иногда подобные требования сопровождаются физическим воздействием, как в кабинете, так и в доме управляющего. Вариантом такой операции может стать задержание одного из сотрудников этой коммерческой структуры или самого управляющего. В ряде случаев проведение подобной операции сопровождается применением огнестрельного оружия. Если в кабинете установлен сейф с таймерным замком, что и должно быть именно так, управляющий может сослаться на невозможность быстрой выдачи денег и тем самым выиграть какое-то время. Вместе с тем при таком варианте присутствует риск спровоцировать преступников на насильственные действия. И все-таки такой риск минимален, так как преступник, если он профессионал и знаком с подобными системами, поймет, что насилие все равно не откроет ему сейф. Если же подобные сейфовые замки установлены не только в кабинете управляющего, но и по всему учреждению, преступная группа может выяснить это до операции и, вполне возможно, откажется от своих замыслов и обратит взоры на менее трудные объекты. Защите будут способствовать и такие средства, как сигнализационные системы, автоматические видеокамеры, прямая связь с полицией.

Очевидно, что вариантов краткосрочных захватов может быть много. В ряде случаев эти захваты могут перерасти в длительные задержания заложников.

Долгосрочное незаконное лишение свободы – это захват заложника или заложников и содержание их в потайном месте в течение времени, необходимого для получения за них политического или денежного выкупа, который обычно по своим масштабам бывает значительно большим по сравнению с выкупом, требуемым за краткосрочное лишение свободы.

Преступления подобного рода отличаются друг от друга большим количеством факторов, предопределяющих вид преступления. Такими факторами являются: цель преступления, место, время, объект посягательства, средства и т.д. Следует сделать вывод, что таких преступлений может быть великое множество. Ниже приведены некоторые их виды.

Незаконное похищение людей с целью противодействия реализации каких-либо проектов или программ. Это преступление является одним из вариантов акций подобного толка, связанных с похищением (обычно из мест трудовой деятельности) рабочих-

эмигрантов, персонала различных промышленных предприятий, шахт или сельскохозяйственных объектов. Эти похищения чаще всего совершаются различными диссидентскими группировками, ищущими общественного признания или желающими оказать давление на правительство путем противодействия реализации каких-либо проектов и программ. Подобные акции отличаются от традиционных форм похищения людей, совершаемых как в городской, так и в сельской местности, тем, что похищения происходят в отдаленных районах страны, не имеющих достаточно развитой инфраструктуры.

Захват заложников с использованием баррикад (по месту жительства или на работе). Отличается от обычного похищения тем, что жертва удерживается в известном месте, чаще всего в правительственных помещениях или в резиденциях высокопоставленных лиц, с угрозой применения по отношению к заложнику насилия с целью достижения политических уступок, например, освобождения заключенных (иногда включая и денежный выкуп), публикации революционных манифестов, но чаще всего с целью информирования мирового сообщества об их политической деятельности. Но иногда это происходит по причине того, что захватчик оказался окруженным до того, как сумел увести свою жертву, такие случаи имеют место очень редко, может быть, в случаях неумелого ограбления или похищения.

Нападение на должностных лиц и членов их семей или шантаж угрозой такого нападения. Чаще всего такие акции направлены против дипломатического корпуса или других представителей иностранных государств. Также часто целью этих действий может являться создание трудностей в работе иностранных компаний или их полное вытеснение из страны пребывания. Это было, в частности, в ряде стран Латинской Америки. Имеется реальная опасность осуществления подобных акций исламскими террористами на Ближнем Востоке и в Европе, представителями антиамериканского движения в странах НАТО и африканскими террористами в Южной Африке. Вариантами таких акций, если не учитывать возможных убийств или нанесения телесных повреждений, могут стать: действия, беспокоящие членов семьи, повреждение или вывод из строя автомашины, разрушение жилища и т.п.

Более изощренные действия могут совершаться по отношению к наемным сотрудникам фирмы или предприятия из числа местных граждан. Они могут заключаться не в том, чтобы воспрепятствовать их работе на данном объекте, а в том, чтобы принудить их к совершению актов саботажа или раскрытию известной им конфиденциальной информации. По опыту, такие угрозы трудно вскрывать, так как положительно зарекомендовавший себя и пользующийся доверием фирмы сотрудник может оказаться

под сильным давлением угроз против членов его семьи. И его чувства привязанности к ним всегда сильнее, чем к фирме. Его также могут убедить в том, что раскрытие им своей ситуации перед фирмой может лишь усугубить положение близких ему людей.

Киднепинг, или похищение людей, является одним из самых отвратительных преступлений, поскольку при его совершении жертва по сути дела оказывается под страхом вынесения смертного приговора, иногда в течение месяцев и даже нескольких лет, испытывая при этом в полной мере все прихоти похитителя, который может добиваться получения за свою жертву денежного выкупа или каких-либо политических уступок, не имея возможности добиться их законными средствами.

Захват заложников или похищение людей, по сравнению с другими видами преступной (террористической) деятельности, требуют большей организованности и отличаются большей сложностью мероприятий, связанных с подготовкой и осуществлением каждой акции. Поэтому такого рода акции, как правило, проводят организации, имеющие достаточно совершенную организационную структуру, обладающие значительными материальными, финансовыми и людскими ресурсами.

Встречаются случаи, когда киднепинг может быть совершен преступником в одиночку, по причине недостаточности у него средств к существованию, и сопровождаться исключительной жестокостью. Но более часто данное преступление, как и захват заложников, совершается группой лиц от 5 до 50 человек. Многочисленные группы обычно действуют исходя из политических мотивов, так как уголовные преступники стремятся к уменьшению числа соучастников, с тем чтобы снизить риск предательства и увеличить долю из выкупа или сумму оплаты за услугу.

Практически при любом случае захвата заложников и похищения людей имеется семь достаточно четко просматриваемых фаз деяния: выбор объекта похищения; сбор сведений и тайное наблюдение; захват; насильственное удержание похищенного в одном или нескольких тайных местах; переговоры; получение выкупа либо выполнение другого требования; освобождение заложника.

Несмотря на то что несколько из этих задач могут исполняться одними и теми же людьми, часть функций нередко возлагается на независимые группы людей, например на специально нанятых для этих целей профессионалов по хищению (захвату заложников). Только за решение одной этой задачи им могут выплачиваться значительные суммы. В свою очередь, к преступлению может привлекаться независимая группа лиц в качестве охранников для насильственного удержания заложника в укромном месте. Обычно они не являются профессионалами, чаще оплата их услуг ниже, чем у остальных участников, но в

то же время они сильно рискуют, если место укрытия заложника будет обнаружено и они подвергнутся нападению.

Выбор объекта нападения. При планировании операции определяется цель похищения и возможные пути ее достижения, производится выбор объекта, намечается место нападения, выделяются участки террористической акции. Наиболее важным моментом планирования является выбор подходящей жертвы. Как показала практика, он зависит в первую очередь от цели, которая преследуется той или иной акцией. Если цель состоит в пополнении кассы террористической организации, то объектом нападения избирается руководитель крупной фирмы или лицо, обладающее значительным состоянием. Если террористы стремятся привлечь к себе внимание общественности, то объектом нападения становится видный государственный или общественный деятель. В тех случаях, когда акция предпринимается в целях освобождения единомышленников, террористы предпочитают захватить граждан иностранных государств, дипломатов, представителей органов правосудия и поддержания правопорядка.

При выборе конкретной жертвы террористами учитываются различные факторы: уязвимость и общественная значимость объекта (состояние здоровья, психическая устойчивость, образ жизни и степень популярности, информированность, отношение к мерам предосторожности и безопасности, наличие охраны на работе, дома и при передвижении, его возможные действия в момент захвата и позже); возможности оказания давления на правительство; использование жертвы для актов возмездия или иных ответных мер.

При политическом акте насилия афиширование проведенной акции обычно является главной целью ее совершения, хотя в ряде случаев заключение сделки об освобождении заложника взамен за освобождение, например, заключенных может стать даже более важной целью террористического акта. В обоих случаях формирование общественного мнения будет главным фактором. Иногда, даже при политическом киднепинге, торг о выкупе за освобождение жертвы может стать основным мотивом.

Этап подготовки к совершению преступления. После того как выбор жертвы состоялся, за ней устанавливается скрытое наблюдение. Делается это с целью изучения образа жизни и определения наиболее удобного времени и места совершения преступления. Обычно террористы для наблюдения подбирают таких исполнителей, чье пребывание в окружении жертвы не вызывает настороженности. Похищения (захваты заложников) чаще всего осуществляются при совершении жертвой рутинных передвижений, например при следовании из дома на работу и обратно или при сопровождении детей в школу и т.п. Тайное наблюдение и сбор сведений может

проводиться по месту работы, или по месту жительства жертвы, или в районе школы, в которой учатся дети объекта. Могут также делаться телефонные звонки, чтобы уяснить образ жизни похищаемого или членов его семьи. Лица, проявляющие достаточную бдительность, могут заметить отдельные признаки неблагополучия вокруг себя и контролировать информацию о себе. Профессиональные преступные группы могут следить за своей жертвой в течение нескольких недель.

Захват заложника. Сбор сведений о жертве и тайное наблюдение за ней позволит преступным элементам выбрать место, время и способ захвата, которые обеспечат успех акции с минимальным риском. Более чем в половине случаев всех зарегистрированных похищений местом совершения преступления избирался пункт на маршруте от дома до работы, а захват осуществлялся между 8 и 9 часами или 17 и 19 часами.

Анализ террористических акций, проведенный на Западе, показывает, что основная часть всех похищений происходит в тот момент, когда жертва находится в автомашине по дороге на работу или домой, в местах близких от жилья или работы, то есть в тех пунктах, где трудно изменить маршрут движения, даже если есть возможность менять автомашину или время приезда и отъезда.

При захвате заложника в центре города преступники могут заблокировать одну часть улицы и освободить другую, с тем чтобы им можно было мгновенно скрыться с места преступления. Захват осуществляется в тот момент, когда автомашина объекта останавливается у искусственно созданного препятствия. На этом этапе операции в дело вступают преступники (условно их можно назвать группой захвата), которые могут скрываться в другой автомашине, следующей за машиной объекта, маскироваться среди пешеходов или находиться в грузовике, блокирующем улицу.

На открытых дорогах за городской чертой террористы выступают в роли представителей правоохранительных органов, контролирующих движение транспорта, дорожных бригад и т.п. Для захвата объекта в таких местах выделяется специальная группа для нейтрализации автомашины сопровождения (если таковая имеется), отсечения транспортного потока. С места захвата жертву обычно увозят в ее собственном автомобиле или на машине террористов, но во всех случаях через несколько километров средства транспорта меняются.

Похищение из дома – более сложная операция, ибо связана с необходимостью получить доступ в жилые помещения. Для этого обычно используется прикрытие различных коммунальных, бытовых, ремонтных служб.

Еще более трудным считается похищение из внутренних помещений учреждения. Задача для террористов облегчается, если существует бесконтрольное посещение учреждения и возможность внедрения в число служащих своих людей.

В целом, как показала практика, наиболее опасными моментами с точки зрения возможного террористического нападения являются движение объекта от входной двери к автомобилю и выход из автомобиля для прохода в дом.

Исходя из изложенного выше материала, настойчиво рекомендуется запомнить меры предосторожности, позволяющие избежать террористических нападений.

1. Постоянно менять время и маршрут следования от дома к работе и обратно, информировать соответствующих лиц о предполагаемом времени прибытия на конечный пункт.

2. При использовании автомашин предлагается двигаться по широким улицам и дорогам на предельно допустимой скорости и держаться центральной линии, с тем чтобы ограничить возможность блокирования пути движения. В случае возникновения подозрительных моментов на пути движения рекомендуется немедленно свернуть в первую же боковую улицу, а при преследовании – как можно быстрее направиться к ближайшему милицейскому посту.

3. Наиболее уязвимым местом считается подъезд к дому или учреждению, поэтому рекомендуется вначале на повышенной скорости миновать вход в дом или учреждение и, убедившись в отсутствии засады, вернуться обратно.

4. Постоянно держать закрытыми двери и окна автомашин, не допускать попыток открыть двери и окна во время вынужденной остановки (дорожный инцидент и т.д.).

5. Предлагается учитывать, что террористы часто выбирают местом проведения акции многолюдные улицы, где правоохранные органы и возможная охрана объекта не рискнут применить оружие против преступников, укрывшихся в толпе людей.

6. В случае, когда в ходе нападения террористов возникают обстоятельства, не позволяющие избежать захвата, рекомендуется не прибегать к крайним мерам и смириться с создавшимся положением. Жертве нападения не рекомендуется в первые минуты допускать ненужных и неожиданных движений и жестов, кричать о помощи или производить сильный шум.

Почти всегда при совершении захвата заложников преступники применяют или готовы применить силу. Всегда надо исходить из того, что они вооружены, хотя вполне возможно, что они не имеют намерения применить это оружие. Мертвый заложник не представляет для них ни коммерческой, ни политической ценности, хотя нельзя исключить, что и в такой ситуации они могут попытаться ввести в заблуждение людей

относительно его целостности и сохранности (в истории киднепинга было несколько подобных ситуаций). Обычно похитители не имеют намерений убивать свою жертву в момент похищения, но они способны это сделать, если похищаемый окажет им яростное сопротивление и особенно если он попытается воспользоваться собственным оружием. Но как бы то ни было, оказание сопротивления всегда опасно, так как похитители в этот момент всегда бывают в сильном возбуждении. Езда на автомобиле в защитном или атакующем стиле с целью уйти от засады, вероятно, является наилучшим вариантом избежать захвата, но это требует высокого мастерства и мгновенной реакции.

Численность группы захвата будет зависеть от количества охранников, сопровождающих намеченную жертву. Если преступники предполагают, что хотя бы один из охранников вооружен, они могут выставить как минимум 4–5 человек нападающих и еще больше людей, если у предполагаемой жертвы будет машина эскорта, несмотря на имеющееся у них преимущество внезапности. Зачастую внезапность действий преступников усиливается путем обмана или маскировки. Наиболее распространенным путем маскировки (это уже отмечалось ранее) является «представитель правоохранительных органов в форме» («сотрудник ГИБДД»), пытающийся освободить проезжую часть дороги от автомобильного затора.

Заложник может быть увезен с места захвата в его собственном автомобиле или в автомобиле террористов-похитителей. Чаще всего он вывозится на окраину города, в какое-то укромное место на промежуточном автомобиле. Обычно это бывает крытый фургон. Это делается с тем, чтобы непосредственные исполнители операции захвата не знали, где будет заложник содержаться, и не смогли бы в случае их ареста и допроса раскрыть сотрудникам спецслужб, правоохранительных органов и прокуратуры это место.

При организации и проведении акций по захвату террористы всегда используют в своих интересах устойчивые привычки в жизни и поведении объекта нападения. Так, одна из жертв террористов регулярно в обеденное время посещала один и тот же ресторан напротив своего учреждения, другой объект имел привычку задерживаться на работе и покидать здание через запасной выход, ведущий в тихий переулок.

Террористы всегда стараются учитывать любые обстоятельства, которые помогли бы им выиграть время и оттянуть момент обнаружения похищенной ими жертвы.

Многие операции террористов по похищению людей при тщательном их планировании и подготовке носят быстротечный характер. Так, «Красным бригадам» для захвата премьер-министра Италии А. Моро потребовалась всего лишь одна минута, в то время как на подготовку этой операции было потрачено несколько месяцев [3].

В отличие от похищения людей, совершаемых с уголовными либо меркантильными целями, операции по захвату заложников, как правило, происходят по политическим мотивам и сопровождаются одновременным захватом служебного здания, какого-либо помещения или транспортного средства. Такого рода акции проводятся в отношении дипломатических и иных иностранных представительств, мест проведения международных форумов и иных общественно-политических мероприятий, реже – государственных или частных помещений.

Насильственное удержание заложников. Обычно захват заложника не проводится до тех пор, пока заблаговременно не будет подготовлено специальное укромное место для его тайного содержания там. Это может быть какой-либо дом, его подвальное или рабочие помещения и др., т.е. закрытые места, в которые может заехать автомобиль. По соображениям конспирации жертве могут завязать глаза, «накачать» наркотиками, ударить тяжелым предметом. Чаще всего «камера» заложника – это закрытая комната. Но в ряде случаев могут использоваться пещеры, специально вырытые ямы, в которых бывают очень тяжелые условия существования (канализация, сточные воды). Имели место случаи, когда жертва содержалась в обычной комнате дома. Человека приковали к металлической кровати и накрыли брезентом, с тем, чтобы в случае освобождения пострадавший не мог сообщить милиции никаких деталей (цвет и фактура обоев, ковер и т.д.).

Нередко у преступников имеется резервное безопасное место, куда они могли бы быстро перевезти жертву в случае попыток сотрудников специальных служб и правоохранительных органов освободить пострадавшего. Но все-таки чаще они содержат жертву в одном месте до ее освобождения.

Обзорно рассмотрим и проблему так называемого «воздушного пиратства». Данное преступление также вызывает у пострадавших глубокие моральные травмы, и насильственные действия террористов в подобных случаях легче переносятся, если к ним заранее психологически подготовиться.

Для того чтобы лучше справиться с первоначальным шоковым состоянием, полезно думать о том, что вероятность спасения высока, поскольку захваченные пиратами пассажиры, равно как и похищенные жертвы, представляют для террористов значительную ценность и могут стать предметом торга только в том случае, если они живы. Самыми опасными при захвате заложников или похищении людей являются первые 5 минут, когда преступники пребывают в наиболее возбужденном состоянии и пытаются установить свою власть над жертвами. В этот период времени они будут исключительно агрессивны и не исключено, что они могут кого-нибудь из пассажиров

избить или даже убить, чтобы подавить возможное сопротивление других. И в этот момент самое разумное выглядит наименее подозрительным и сидеть где-нибудь у аварийного выхода, у окна, нежели в кресле около прохода.

На возможный террористический акт пассажиры обычно реагируют тремя способами: ошеломляющим (неверие в происходящее) приступом истерии, яростью и агрессивностью. Агрессивность является наиболее опасным проявлением эмоций, потому что хайджекеры будут реагировать на это крайне жестко, с тем, чтобы взять ситуацию под свой контроль, и будут действовать незамедлительно. Истерика опасна почти так же, как и агрессивность, потому что она привлечет внимание злоумышленников, и они могут решительно среагировать на кричащую и перепуганную жертву, чтобы запугать остальных и установить свою власть. Мудрый пассажир попытается взять себя в руки и успокоить сидящих рядом с ним пассажиров, проявляющих агрессивность или истерию, и смотреть на происходящее предельно нейтрально. Он не будет оказывать пиратам сопротивление или каким-либо образом провоцировать их; он постарается вести себя спокойно и с достоинством.

После того как пройдут первые и самые опасные 15 минут, необходимо морально готовить себя к выживанию в условиях длительных тяжелых испытаний (о чем рассказывали люди, оказавшиеся захваченными в качестве заложников). Прежде всего, будучи заложником, необходимо сделать все возможное, чтобы постоянно снижать напряженность обстановки. Делать это необходимо естественно, исключая настороженность и подозрительность со стороны террористов и не заискивая перед ними. В противном случае ваши попытки дадут обратный результат и повысят ваш персональный риск. Если ситуация с освобождением затягивается, необходимо постараться укрепить себя физически и морально. Ни в коем случае в этой ситуации нельзя плакать. Надо постараться максимально расслабиться, делать какие-либо физические упражнения или придумать какие-нибудь умственные игры, с тем чтобы отвлечься от мрачных мыслей. Вместе с тем всегда нужно быть начеку, готовым способствовать малейшим действиям, направленным на ваше освобождение. В частности, вы должны быть готовы во время штурма незамедлительно занять самое низкое положение, лучше всего лечь на пол.

Не рискуйте без необходимости, постарайтесь разрешить ситуацию мирным путем. Но если появляется шанс на избавление от общества преступников, то не упустите его. Тут уж необходимо действовать четко, быстро и решительно, поскольку любое промедление лишит вас возможности освободиться, а противник усилит охрану и вряд ли даст вам еще один шанс.

Таким образом, практика дает основание утверждать, что исход операции по освобождению похищенных лиц и заложников в значительной степени зависит от поведения последних и их морально-психологического состояния.

Желательно, чтобы в пункте назначения вас встречал кто-либо. Лучше, чтобы это был лично знакомый вам человек. Отъезд из аэропорта может быть организован по полной схеме обеспечения безопасности, или такие меры будут только обозначены. Но если нет необходимости привлекать для охраны важного лица усиленный эскорт или такие возможности отсутствуют, то можно покинуть аэропорт в неброском автомобиле или такси, на равных с обычными пассажирами. Если важное лицо имеет намерение остановиться в частном отеле (что связано с определенным риском), то лучше для этих целей избрать большой отель, где легче затеряться среди других посетителей. Не следует брать номер на первом этаже. На ночь двери необходимо обязательно запирасть и опускать шторы на окнах. Если пребывание в стране затягивается и риск подвергнуться нападению достаточно высок, то имеет смысл сменить номер в отеле, а возможно, и сам отель. Весьма полезно изучить имеющиеся в отеле запасные выходы (лифты, лестницы, пожарные лестницы и т.п.). Нельзя сообщать никакой информации посторонним лицам, вступившим с вами в контакт по телефону, или не связанному с вашим обслуживанием персоналу отеля. Вместе с тем у вас должна быть договоренность с портье, которому вы доверяете, чтобы он информировал вас о всех подобных звонках и о людях, которые через него интересовались вами. Не следует также забывать, что простые городские телефоны могут прослушиваться.

Если есть необходимость выйти в город из отеля одному, то лучше заказать такси в самый последний момент через персонал отеля. Никогда не следует ходить по городу одному, а в тех случаях, когда вас сопровождают, избегайте темных, узких, пустынных улочек. Не следует заблаговременно заказывать столики в ресторанах, попросите об этом одного из тех людей, которые организовали ваш прием в этом городе, в этой стране. При этом желательно, чтобы ваша фамилия или ваша фирма не упоминались. На случай непредвиденных обстоятельств у вас должна быть карта города и перечень безопасных мест, например адреса полицейских участков. Это поможет вам и в тех случаях, если вы обнаружите, что за вами кто-то следит. Выходя в город, уведомите кого-либо об этом, сообщите, куда вы идете и во сколько вас там следует ожидать.

Покидая страну, также необходимо хранить свои планы в секрете и стараться избегать традиционных маршрутов следования. Желательно, чтобы в аэропорту вас сопровождали вплоть до стойки зала улетающих пассажиров.

6.2. Методика ведения переговоров с террористами

Как показывает практика, похищение людей, захваты заложников и транспортных средств становятся наиболее распространенными методами террористической деятельности. Так, к началу 1970 года захват заложников и похищение людей отмечались в 48 странах, в 1988 г. – уже более чем в 70 [4], а к 2000 году данное преступное деяние не оставило своим вниманием практически ни одного государства в мире. Основным аспектом в решении проблемы борьбы с похищением людей, захватом транспортных средств, других объектов террористических актов остается, по мнению экспертов, спасение жизни заложников. В этих условиях начиная с 70-х годов странами Запада предпринимаются усилия по выработке единого подхода к данному вопросу. Однако наряду с некоторыми успехами, достигнутыми в этом отношении (принятие двусторонних и международных соглашений, изменение законодательства ряда стран и т. п.), еще остаются различия в осуществлении практических мер борьбы с похищением людей и захватом заложников. К настоящему времени за рубежом сложились три основных подхода к решению названной проблемы.

Первый подход. Не вступать ни в какие переговоры с террористами и немедленно проводить специальную (полицейскую или войсковую) операцию, при этом вину за возможные жертвы среди заложников полностью возлагать на террористов. Не должны становиться исключением и те случаи, когда опасности подвергается жизнь послов и других дипломатических представителей. Доводы сторонников такой жесткой политики сводятся к следующему:

а) невозможно быть уверенным в том, что террористы остановятся в своих требованиях, а при удовлетворении первичных условий они могут их существенно дополнить или же убить заложников;

б) принятие требований создает прецедент и ведет к увеличению случаев захвата заложников;

в) политика непринятия требований террористов исходит из того, что террористические организации образуют своеобразный международный картель: получают финансы из одних и тех же источников, помогают друг другу в подготовке боевиков, проводят встречи и совместные операции;

г) при возникновении инцидента с захватом заложников времени на определение целесообразности и границ уступок недостаточно. Каждый захват заложников – это уникальный случай в конкретно складывающихся условиях;

д) выполнение требований террористов отрицательно влияет на «престиж правительства»;

е) политика невыполнения требований может привести к потере нескольких жизней во время инцидента, но в долгосрочном плане позволит сохранить их значительно больше, поскольку количество захватов заложников наверняка пойдет на убыль.

Такой позиции жестко придерживаются Израиль, Аргентина, Колумбия, Иордания, Турция, Уругвай, близкую позицию до недавнего времени занимали США [5]. К отказу от удовлетворения требований террористов склонны правительства, и принимаются санкции против тех фирм, которые страхуют своих сотрудников на случай похищения террористами и соглашаются на выкуп захваченных или похищенных.

Отказ правительства от выплаты террористам выкупа за освобождение заложников мотивируется тем, что выплата выкупа может подтолкнуть другие группы экстремистов к похищению людей; привести к значительным финансовым издержкам; нанести ущерб политической стабильности; усилить притязания террористов на их роль в социально-политической жизни страны; укрепить материальное и финансовое положение экстремистских группировок (специалисты считают, что одного миллиона долларов достаточно для деятельности террористической группы в 20 человек в течение года).

В некоторых странах частным лицам и компаниям было разрешено вести переговоры и выплачивать выкуп при условии, что террористы отказываются от дополнительных политических требований. В связи с этим в июле 1978 г. в Бонне представители таких стран, как Канада, Франция, Италия, Япония, Англия, США и ФРГ, приняли совместную декларацию, в соответствии с которой правительства этих стран обязались применять санкции против тех государств, которые будут удовлетворять требования террористов в случае захвата последними транспортных средств [6].

Второй подход. Многие страны, придерживаясь концепции «никаких уступок террористам» как основополагающего принципа, склонны к использованию более гибкой тактики в отношении с террористами. Они считают, что наиболее эффективным методом разрешения конфликтных ситуаций, особенно если в них вовлечено несколько государств, является ведение переговоров. Аргументы в пользу такого подхода состоят в следующем:

а) каждый случай захвата заложников должен рассматриваться как уникальное явление, поскольку террористические организации отличаются друг от друга как в использовании сил и средств, так и в методах достижения своих целей;

б) политика неудовлетворения требований неэффективна, так как она не сдерживает террористов и случаев захвата заложников меньше не становится. К тому же те, кто придерживается тактики отказа от переговоров с террористами, зачастую бывают вынуждены все же вести такие переговоры, а это резко ослабляет их позиции и дает пример другим террористам;

в) террористов всегда волнует судьба их организации. Переговоры с ними можно использовать для их убеждения в том, что их организация останется, и тем самым открыть путь к освобождению заложников;

г) политика отказа от уступок ставит граждан в особо опасное положение, нередко приводит к жертвам, что в свою очередь ведет к утере доверия народа к правительству;

д) захваты заложников не всегда имеют главной целью получение каких-то уступок со стороны властей, иногда они осуществляются только для обретения широкой известности, а прочие требования являются вторичными. Предоставление террористам возможности публикаций в прессе может снизить уровень их требований и открыть путь к разрешению инцидента;

е) правительство, придерживающееся политики отрицания переговоров, в силу ряда причин иногда бывает вынуждено согласиться с требованиями террористов. Изменением своей позиции оно рискует потерять уважение и доверие населения своей страны и за рубежом;

ж) политика отказа от переговоров может толкнуть террористов на осуществление более масштабных и жестких операций с большим количеством жертв, т. е. «гибкая политика» дает властям своего рода возможность контроля над ситуацией.

Этой позиции придерживаются Англия, Франция, Голландия, в последнее время США и ряд других стран [7]. По мнению руководителей этих стран, переговоры с террористами необходимы для того, чтобы добиваться освобождения хотя бы части заложников (женщин, детей, больных).

Третий подход. При выборе способа действий исходить из национальной принадлежности заложников. Если заложники являются гражданами страны, на территории которой совершен захват, то к операции по их освобождению приступают немедленно. В случае, если заложниками являются иностранцы, действия местных властей должны согласовываться с правительствами стран, гражданами которых являются заложники. Тактика освобождения заложников должна строиться в зависимости от позиций этих правительств. Такой точки зрения придерживается, например, Бельгия.

Таким образом, многие страны, придерживаясь принципа «никаких уступок террористам», склонны, тем не менее, к использованию более гибкой тактики в отношении террористов и считают эффективным разрешение конфликтов путем проведения переговоров. Практика свидетельствует, что применение данной тактики спасло жизнь многих заложников и обеспечило в целом успешное разрешение некоторых инцидентов, связанных с терроризмом.

Переговоры с преступниками относятся к «новым подходам, новым мерам», позволяющим во многих ситуациях обеспечить устранение опасности, предупредить совершение тяжких преступлений, избежать применения силы. Отсюда их социальная, правовая и моральная ценность, в этом их смысл и предназначение. Когда без них обойтись нельзя – их надо применять, смело идти на диалог с преступниками.

Для полноты освещения рассматриваемой нами проблемы необходимо остановиться на определении понятия «переговоры», смысловое значение которого весьма велико.

Итак, переговоры для дипломатов – орудие их профессионального труда и зачастую они даже отождествлялись с дипломатией. Умение вести переговоры, т.е. дипломатия, испокон веков рассматривалась как сложный вид интеллектуальной деятельности, заключающейся в умении достигать соглашения в целях предотвращения или урегулирования конфликтов, поиска компромиссов и взаимоприемлемых решений. А явно выражение соглашения (договоры означают принятие сторонами взаимных обязанностей и прав, регулирующих их отношения).

Переговоры – один из основных способов разрешения или урегулирования, конфликтов и решения проблем – от межличностных до международных. Переговоры – это прежде всего процесс совместного принятия решений. И далее, сколько бы мы ни продолжали расшифровывать значение термина «переговоры» с помощью справочной литературы, мы постоянно будем встречаться с одним и тем же определением, – это предотвращение или урегулирование конфликтов, поиск компромиссов и взаимоприемлемых решений.

Переговоры, как система операций, весьма подходит под математический инструментальный теории игр, основным назначением которых является выработка и обоснование оптимальных решений в конфликтных ситуациях, когда стороны преследуют противоположные либо разные цели, имеют свою стратегию, планы действий, стремятся предугадать меры соперника. И любое отклонение от правил либо незначительная на первый взгляд недоработка влечет, как правило, за собой неприятные последствия.

Анализ имеющихся материалов, публикаций в средствах массовой информации, стенограмм совещаний, впечатлений участников позволяет выделить ряд негативных обстоятельств, снижающих эффективность процесса переговоров:

– нередко общий невысокий общекультурный уровень участников, слабое знание признанных стереотипов цивилизованного поведения, особенностей этики межличностного общения, затрудняющего установление доверительных и продуктивных отношений между лицами, ведущими переговоры;

– неумение снижать тон обсуждения спорных вопросов, «выпустить пар» у наиболее экспансивных участников переговоров, отсюда торопливость, «перескакивание» с одного вопроса на другой, дискретность, незавершенность обсуждения позиций;

– отсутствие способности полностью выслушать противостоящую сторону, суть ее условий, систему доводов и опровержений, всю ее аргументацию, логику рассуждений, понять до конца, чего она добивается по существу;

– непонимание важности мысленно встать на позицию противостоящей стороны и осознать мотивы ее требований, возможные способы их удовлетворения в ходе переговоров, приемлемые для обеих сторон;

– выдвижение в качестве предмета спора явно неприемлемых требований, не учитывающих предел компетенции и возможностей других сторон, апелляции к вышестоящим инстанциям в случаях, когда можно решить вопрос на более низком уровне;

– распространенность «запрещенных приемов» ведения дискуссии, переход «на личности», отсутствие заранее обговоренных процедур диалога и его временных характеристик, признанных сторонами «правил игры», что помогает ввести обсуждение в русло действенного обсуждения спорных проблем;

– недооценка прямых переговоров сторон в особо острых конфликтных ситуациях, когда роль посредника оспаривается с той и другой стороны, что нередко приводит к ненужному обострению ситуации, поскольку переговоры осложняются эффектом «испорченного телефона», искажением информации в ходе многосторонних переговоров;

– отсутствие чувства моральной ответственности за исполнение достигнутых договоренностей: согласимся, «а там видно будет по обстоятельствам», немотивированный отказ от согласованных решений, отсутствие стабильности в этой стадии договорной практики.

Чтобы в какой-то мере избежать невыгодных вам последствий и не допускать, в определенной мере, перечисленных ошибок, обратимся к рекомендациям специалистов в области переговорного процесса. И здесь в первую очередь следует помнить, что *участник переговоров прежде всего человек*. Основопологающей реальностью переговоров является тот факт, что мы имеем дело не с абстрактными представителями «другой стороны», а с людьми. Ваши партнеры «за столом» либо «по ту сторону баррикад» обладают эмоциями, глубокой приверженностью к определенным ценностям, различными жизненными основами и взглядами, более того, они непредсказуемы. Кстати, как и вы. Кроме того, люди сердятся, приходят в уныние, боятся, настраиваются враждебно, расстраиваются и обижаются. Люди склонны видеть мир со своей точки

зрения и зачастую путают свое восприятие с реальностью. Им обычно не удается правильно интерпретировать, что, например, вы имеете в виду, да и сами они хотели сообщить вам вовсе не то, что вы подумали. Недопонимание может усилить предубеждение и вызвать контрреакцию, тем самым создается порочный круг; рациональный поиск вероятных решений становится невозможным, затем следует провал переговоров.

Неспособность относиться к другим как к личностям со всеми особенностями может катастрофически отразиться на переговорах. Чем бы вы ни занимались в любой момент переговоров, начиная с подготовки к ним и далее, стоит спрашивать себя: «Достаточно ли я уделяю внимания человеческому фактору?» И, кроме того, чтобы найти путь в джунглях человеческих отношений, полезно всегда учитывать три основные категории: эмоции, общение и восприятие. Различные проблемы отношений между людьми попадают в одну из этих трех «корзин».

Эмоции. Люди часто вступают в переговоры с осознанием, что ставки высоки и их чувствам угрожают. Эмоции с одной стороны вызывают эмоции с другой. Страх может вызвать гнев, а гнев – страх. Эмоции могут завести переговоры в тупик или вообще прекратить их. В данных ситуациях выгодно хотя бы одной стороне помнить о советах известных специалистов в области переговорного процесса Р. Фишера и У. Юри, которые гласят: «Имея дело с участниками переговоров, которые представляют свои организации, полезно относиться к ним просто как к выразителям чьих-то мнений, т.е. без эмоций. Важно помнить, что они тоже, подобно вам, имеют собственные чувства, страхи, надежды и мечты» [7]. И еще один из эффективных способов справиться с гневом, расстройством и другими негативными эмоциями состоит в том, чтобы помочь освободиться от этих чувств. Люди получают психологическое освобождение, если они просто расскажут о своих обидах .

Следовательно, вместо того чтобы прерывать полемические речи или ополчаться на оппонентов, лучше сдержаться, остаться там и позволить им выплеснуть на вас все свои чувства. Здесь должна присутствовать сильная воля и умение управлять своими эмоциями. Если за этим не следить, может разразиться крупная ссора.

Общение. Без общения нет переговоров. Переговоры – это взаимное общение с целью достижения совместных решений. Общение никогда не бывает легким делом. А посему более детально остановимся на данном вопросе и рассмотрим три крупные проблемы.

Первая: люди, ведущие переговоры, не говорят друг с другом или по крайней мере говорят не так, чтобы быть понятыми. Очень часто каждая из сторон считает безнадежным делом объяснять что-либо другой стороне и больше не пытается наладить с

ней какое-то серьезное общение. Вместо того чтобы со своим партнером искать подходы к приемлемому соглашению, они пытаются поймать его в ловушку. Вместо того чтобы попытаться уговорить своего партнера сделать более конструктивный шаг, они стараются побудить следящих за ходом дела принять чью-то сторону.

Вторая проблема: даже если вы говорите ясно и прямо, вас могут не услышать. Во время переговоров вы можете быть настолько заняты обдумыванием ответа на последовавшее замечание или того, каким образом сформулировать ваш следующий аргумент, что забываете слушать, о чем говорит в этот момент ваш партнер. Вас отчасти можно понять. Те, кого вы представляете, в конце концов, ждут вашего отчета о результатах переговоров. Именно их вы хотите удовлетворить. Но если вы не слышите, о чем говорит другая сторона, никакого общения нет.

Третья проблема общения – это недопонимание. То, что говорит один, другой может не так понять. Здесь в значительной степени срабатывает возрастной, образовательный, национальный, социальный и другие цензы. Для большей ясности данной проблемы приведем пример, заимствованный у Р. Фишера и У. Юри. «В персидском языке слово «компромисс» не обладает тем позитивным значением, которое оно имеет в английском (половинчатое решение, с которым могут согласиться обе стороны), но имеет лишь отрицательный смысл, например «ее добродетель скомпрометирована» или «наше единство было скомпрометировано». Подобным же образом слово «посредник» в персидском языке означает «непрошенный и назойливый человек», который вмешивается в торг без приглашения [8].

В начале 1980 года Генеральный секретарь ООН Вальдхайм прилетел в Иран для урегулирования вопроса о заложниках. Его усилия были серьезно подорваны, когда иранское национальное радио и телевидение передали на персидском языке высказывание, которое он якобы сделал по приезде в Тегеран: «Я приехал в качестве посредника для выработки компромисса». Примерно через час после передачи его машину забросали камнями разгневанные иранцы [9].

Тревожное сообщение о ситуации, требующей переговоров с преступниками, может поступить в любое время суток, в любом городе, большом и малом, на селе, воздушных и водных путях, с железнодорожного транспорта и автомобильных трасс. Оно требует быстрых ответных действий на местном, областном, республиканском уровнях, а порой оперативного реагирования на уровне государства и даже межгосударственных отношений. Поэтому степень готовности должна обеспечиваться в Центре и на местах стройной системой, гарантирующей квалифицированное ведение переговоров.

Тем более что переговоры с преступниками не изолированы от других действий правоохранительных органов, они – часть из них. Экстремальные ситуации, о которых идет здесь речь, предполагают возможность и необходимость ведения разведывательных, предупредительных, следственных, оперативно-боевых и иных действий, объединенных общим, единым руководством и управлением, системностью подхода к решению возникшей задачи.

Переговоры с преступниками носят вынужденный характер и несут следующую целевую нагрузку:

- а) спасение жизни заложников с полной капитуляцией террористов;
- б) освобождение значительного числа заложников;
- в) снижение требований преступников до приемлемого уровня;
- г) добывание информации, необходимой для подготовки и проведения штурма.

Чисто условно в переговорном процессе с лицами, захватившими заложников, выделено 2 основных этапа.

I этап. Возникает в момент захвата заложников и объявления требований лиц, их захвативших. Он характеризуется повышенным эмоциональным напряжением, усиленным психическим давлением со стороны захватчиков на представителей власти, выдвижением ультимативных требований, подлежащих исполнению в короткий срок.

Ситуация может быть осложнена тем, что захватчики не ограничиваются словесными заявлениями, а в подтверждение серьезности своих намерений совершают конкретные насильственные действия в отношении заложников. На этом этапе для лиц, ведущих переговоры, важно попытаться стабилизировать обстановку, снять эмоциональное напряжение, не допустить или прекратить насилие над заложниками.

Для этого необходимо начать диалог с террористами, выслушать их требования и обсудить возможные пути реализации.

Установление личного контакта лица, ведущего переговоры, с лицами, захватившими заложников, является наиболее важным элементом для последующего успешного ведения переговорного процесса. Учитывая, что личный контакт сопряжен с риском для жизни переговорщика, идти на него следует при невозможности вести переговоры с помощью технических средств и только после установления с преступниками предварительной договоренности другими доступными способами. Однако подчас установление личного контакта осложняется тем, что лица, захватившие заложников, навязывают тактику «митингового» обсуждения, создавая трудности для рассмотрения по существу предмета переговоров. Наиболее оправдавшим себя тактическим контрприемом является предложение лицам, захватившим заложников, выделить своего представителя

(посредника) с тем, чтобы в более спокойной обстановке обсудить выдвинутые ими условия. Обычно преступники опасаются, что представитель может пойти «на поводу» у сотрудников правоохранительных органов, оказавшись вне контроля соучастников. Эти сомнения необходимо рассеять, предложив преступникам самим определить, где и когда может быть установлен контакт с их представителем, как будут информироваться о ходе переговоров остальные участники преступной группировки. Замечено, что выделение представителя обычно направляет переговоры в более спокойное русло.

При общении с лицами, захватившими заложников, необходимо:

- прежде всего стремиться получить основные данные о личности преступника (преступников). Для чего в процессе разговора всячески избегать вопросов, на которые может быть дан односложный ответ типа «да», «нет», а задавать вопросы, на которые необходимо давать развернутые ответы. Стимулировать захватчиков говорить как можно больше;

- строить общение с захватчиками на доступном для них уровне и на их языке, а также оценивать психологическое состояние преступников, и в первую очередь того, кто ведет переговоры. Насколько ясно он мыслит: логически, рационально или путано. Спокоен ли он, умеренно взволнован или в состоянии паники? Какова величина испытываемого им стресса? Определить, что можно сделать для облегчения стрессового состояния преступников или его увеличения, если понадобится. На данной стадии желательно участие имеющего опыт ведения переговоров врача-психолога;

- оценивать приверженность захватчиков тем целям, которые побудили их к преступлению. Пользуется ли переговорщик от террористов (зачастую он и руководитель) поддержкой со стороны других членов группы;

- стремиться к личному контакту, называть себя по имени. К захватчику обращаться так, как он хочет. Не обезличивать общение;

- стараться избегать давать категорически отрицательный ответ. Оперировать выражениями типа: «Я передам ваши требования», «Я постараюсь убедить руководство согласиться на ваши требования, но боюсь, что добиться этого будет сложно»;

- добиваться, чтобы террористы сами принимали все решения. Именно они должны определить, что делать, как и когда. Если они просят еду, то нужно уточнять, какую именно и в каком количестве, однако не следует погружаться в слишком мелкие детали, так как это может вызвать раздражение, недоверие и подорвать уже установившееся взаимопонимание;

- постоянно торговаться с преступниками. Какой бы ничтожной ни была их просьба, всегда стремиться что-либо получить взамен;

– преуменьшать значение уже содеянного захватчиками. Постоянно подчеркивать, что прошлые поступки не имели серьезных последствий. Никогда не говорить, что в результате их действий погибли люди. Это может создать у них впечатление безысходности и вынудить на отчаянный поступок при попытке скрыться;

– не подталкивать захватчика к крайним мерам. До тех пор, пока у него остается надежда отстоять свои позиции при переговорах, его можно склонить к их продолжению;

– вести переговоры в таком ключе, чтобы создавалось впечатление о достигнутом прогрессе, при котором обе стороны в выигрыше. Ни в коем случае не следует прибегать к непродуманным действиям, которые могут истолковаться террористами как обманные;

– избегать использования непроверенных данных, которые могут быть опровергнуты. Это создает дополнительные трудности в общении с лицами, захватившими заложников, порой являются причиной срыва соглашения;

– избегать установления крайних сроков. Говорите захватчикам, что вы займетесь этим немедленно. Для отвлечения внимания можно ссылаться на ранее поставленные требования;

– делать захватчику встречные предложения, не предлагать ему какой-либо альтернативы, пусть он сам выбирает ее;

– стараться избегать эмоционально окрашенных высказываний типа «сдавайтесь», «преступники», «возмездие» и т.п., что может способствовать росту напряженности;

– уделять заложникам минимум внимания. Всю информацию о их состоянии стараться получить через лиц, их захвативших. Помнить о возможном развитии стокгольмского синдрома [10]. Излишняя концентрация внимания на заложниках только подчеркнет в глазах захватчиков их значимость;

– проявлять осторожность в случаях, когда с преступниками хотят поговорить их друзья или родственники. Появившиеся муж, жена, другие родственники или знакомые пытаются убедить руководителя операции, что их участие в переговорах поможет разрешить ситуацию. Не следует без всесторонней оценки целесообразности разрешать такие контакты. Если сам захватчик выражает желание поговорить с определенным лицом, спросите, с какой целью. Так как ему может быть нужно присутствие этого лица на месте происшествия для того, чтобы доказать ему, что он способен на сильный поступок или продемонстрировать, до чего его довели. Иногда захватчик хочет совершить убийство или самоубийство на глазах того человека, которого он считает виновным в своих бедах;

– форсировать переговоры о выдаче больных заложников. Освобождение больных или имеющих физические недостатки заложников может стать одним из первых пунктов при

переговорах. Их освобождение поможет получить сведения о том, что происходит внутри помещения, а также создает прецедент для будущих переговоров;

– стараться не вести переговоры в одиночку. Желательно присутствие на месте переговоров хотя бы еще одного лица, еще предпочтительнее наличие консультанта-психолога и руководителя группы переговоров. Для объективной оценки положения необходимы совет и ответная реакция коллег. Начало переговоров можно считать успешным, если: никто не убит; количество угроз в адрес заложников уменьшается; увеличивается продолжительность каждого разговора с захватчиками, сокращается количество упоминаний о применении насилия.

II этап. Начинается после установления первичного контакта с лицами, захватившими заложников, и выслушивания их начальных требований. Характеризуется относительной стабильностью, обсуждением конкретных требований захватчиков и вариантов их реализации. На этом этапе важно обеспечить затяжку времени. С течением времени вероятность освобождения заложников без причинения им ущерба растет по следующим причинам:

- увеличивается потребность в продовольствии, сне и физиологических отправлениях;
- уменьшается чувство беспокойства;
- многие начинают думать менее эмоционально и более рационально, в результате чего требования захватчиков могут измениться;
- начинает развиваться стокгольмский синдром;
- между ведущими переговоры и преступниками может возникнуть взаимопонимание и доверие;
- собранная информация помогает принятию правильного решения;
- инцидент может разрешиться сам по себе: известны случаи, когда заложников просто отпускали без каких-либо последствий.

В конечном счете, склонение преступников к отказу от противоправного поведения чаще всего достигается именно методом переговоров, поскольку позволяет он убедительно аргументировать целесообразность отказа от преступных намерений. Анализ успешно окончившихся переговоров с преступниками позволяет сделать принципиальный вывод: правоохранные органы в ходе переговоров с преступниками, в зависимости от конкретной ситуации, должны сочетать возможности, которые предоставляют позиционные переговоры и переговоры по существу, что делает тактику действий правоохранительных органов более гибкой.

Тактика ведения переговоров выражается и в том, что надо давать время на обдумывание ответа. Нередко «уговаривание» преступников идет столь интенсивно, без пауз, что не дает им возможности в полной мере оценить доводы, выдвигаемые представителями правоохранительных органов и другими лицами, принимающими участие в диалоге.

Между тем мастерство переговорщиков проявляется, в частности, в умении, исходя из тактических соображений, создавать паузы (перерывы) в переговорах. Они дают возможность всесторонне обсудить сложившуюся обстановку, найти новые подходы в диалоге, осуществить дополнительные меры обеспечения безопасности. Паузы (перерывы) в переговорах являются также сильным средством психологического воздействия на лиц, захвативших заложников. В обстановке «информационного голода» у них усиливаются чувство неуверенности и сомнения в достижении задуманного.

Вместе с тем следует помнить, что подобная тактика имеет и отрицательные аспекты. Силы, привлекаемые для проведения операции, включая группу переговоров, группу захвата, могут устать от ожидания, утратить объективность и вследствие этого допустить ошибки. Но при этом всегда необходимо иметь в виду, что желание скорее покончить с инцидентом может повлечь за собой непродуманные действия.

Ведущий переговоры должен идти на них добровольно, иметь опыт работы в правоохранительных органах, быть в хорошей физической и эмоциональной форме, обладать психологической устойчивостью.

Переговорщик должен наиболее полно соответствовать следующим психологическим характеристикам:

- быть абсолютно убежденным в необходимости проведения переговоров;
- быть эмоционально уравновешенным человеком, способным не реагировать на брань, насмешки, оскорбления, уметь сохранять хладнокровие в окружении людей, которые растеряны, обеспокоены или напуганы;
- иметь приятную, располагающую к себе внешность, выразительное лицо, хорошо поставленный голос;
- уметь слушать собеседника и иметь хорошие навыки ведения беседы;
- уметь быстро реагировать в беседе;
- уметь вызывать к себе расположение и входить в доверие;
- уметь приводить хорошо аргументированные доводы для убеждения собеседника в разумности и рациональности своей точки зрения;
- уметь вести беседу с людьми, занимающими различное социальное положение.

Ведение переговоров – тяжелый, напряженный труд, связанный с большими нервными перегрузками. В случае длительных переговоров необходимо проводить периодическую смену переговорщиков (иметь дублеров), создать им условия для отдыха, питания, оказания медицинской помощи. В помещении штаба переговоров должны находиться только те, кто задействован в этом мероприятии, а также руководители операции по освобождению заложников. К сожалению, практика свидетельствует о другом. В помещении, где работают переговорщики, нередко бывает многолюдно, шумно, что мешает спокойному ведению диалога.

Представители на переговорах (кроме известных противной стороне и ведущих переговоры с начала конфликта) не должны меняться с тем, чтобы преступники всегда имели дело с одними и теми же людьми. Это психологически важно для создания «атмосферы доверия». Кроме того, переговорщики не должны знать замысла руководителя операции о дальнейших действиях, чтобы избежать случайного разглашения.

Имеют место случаи, когда сотрудники специальных служб и правоохранительных органов сами предлагают себя в заложники в обмен на детей, женщин, стариков, раненых или больных людей. Эти смелые и рискованные акты самопожертвования допустимы лишь на добровольной основе, исходя из конкретной ситуации. В данном случае линию поведения необходимо строить с учетом специфики психологии преступников, негативного восприятия ими работников правоохранительных органов, чтобы не усложнять ситуацию, не провоцировать эксцессы, т.е. способствовать, насколько это возможно, снятию эмоционального напряжения у преступников и их жертв, не отрицать возможность выполнения выдвигаемых условий, не предпринимать самостоятельно активных действий к освобождению себя и других, запоминать детали поведения и действий, которые могут быть использованы при дальнейшем расследовании дела. Однако эта роль сотрудников правоохранительных органов, добровольно ставших заложниками, не должна выделять их среди других жертв преступлений, важно, чтобы она соответствовала стремлению избежать человеческих жертв и других тяжких последствий.

Для полноты освещения рассматриваемого вопроса обратимся к ряду примеров из зарубежной практики.

В Германии переговоры с преступниками в целях освобождения заложников, предупреждение террористических актов, взрывов, поджогов, массовых отравлений и других тяжких преступлений стали самостоятельным направлением оперативно-профилактической деятельности правоохранительных органов. В связи с этим решены вопросы организационно-штатного, методического, технического и иного их обеспечения.

Практически во всех подразделениях полиции выделены сотрудники, владеющие навыками психолого-педагогического воздействия на нарушителей закона, умением вести диалог в экстремальной ситуации, наделенные «силой личного убеждения». С ними проводятся занятия в системе служебной подготовки. Их деятельность регламентируется инструктивными указаниями и методическими пособиями, выпущены учебные кинофильмы, разработаны сценарии ролевых игр на основе конкретных фактов ведения переговоров, смоделированы криминальные ситуации, при которых их возможности могут быть использованы полицией. Определен круг ведомств и лиц, которые привлекаются к переговорам в качестве участников либо консультантов (советников). На уровне полиции земель созданы специализированные группы переговорщиков, подчиненные непосредственно начальнику полиции, действующие под его руководством и контролем. В их составе, кроме начальника этого подразделения, предусмотрено необходимое число переговорщиков, техник, обеспечивающий видно- и аудиофиксацию переговоров, использование средств связи и др., секретарь, отвечающий за ведение делопроизводства и решения других вопросов, а также специалист-психолог. Группа обеспечена транспортом, дающим возможность вести переговоры на месте происшествия, на маршруте передвижения группы в зависимости от складывающейся оперативной обстановки. На нее возложены обязанности установления контактов с террористами, психологического воздействия на них в целях склонения к отказу от противоправного поведения, сохранения жизни и здоровья жертв преступления, их освобождение, получение необходимой оперативной и криминалистически значимой информации, позволяющей наметить стратегию и тактику ведения переговоров, обеспечить подготовку других акций, в том числе пресечение преступных действий силой. В документе подробно перечислены ведомства и лица, на поддержку которых опирается полиция в своей работе по переговорам с преступниками, взаимодействует с ними. Опыт немецкой полиции, несомненно, заслуживает особого внимания при разработке организации ведения переговоров с преступниками в нашей стране.

Обратимся к системе подобных действий в США, основанной на пояснениях начальника специального подразделения городского управления Чикаго, в функции которого входит обязанность ведения переговоров с преступниками, захватившими заложников.

В частности, он отмечает: «Полиция на уровне дистриктов (районов) города обеспечивает первоначальные меры безопасности и реагирования, производит оцепление, вступает в первоначальные контакты с лицами, захватившими заложников. Во многих случаях именно на этом уровне удается ликвидировать инцидент, убедить преступников

отказаться от намерения продолжать преступные действия, нормализовать оперативную обстановку. Но бывают и сложные случаи, групповые акции, не идущая на компромисс другая сторона. Тогда нам приходится подключаться и вступать в дело. У нас в подразделении работают весьма опытные сотрудники, специализация и уровень подготовки которых стоит весьма высоко. Выехав на место и получив информацию от полицейских дистрикта, мы оцениваем ситуацию. При необходимости подключаем дополнительные силы, обеспечивающие безопасность населения. Наши переговорщики вступают в контакт с преступниками, подключают психологов, врачей-психиатров, чтобы разобраться, с кем имеют дело, определяют стратегию и тактику дальнейшей работы, оценивают приемлемость условий, выдвигаемых лицами, захватившими заложников, в частности допустимую сумму выкупа (имеется специальный фонд, из которого черпаются необходимые средства). Бывает, что на нас ложится и бремя принятия решения о применении оружия, сигнала к атаке. Двухзвенная система реагирования на захват заложников себя оправдывает. Можно привести много примеров, когда переговоры проходят успешно, а когда это неизбежно, применяются и «силовые» акции. Но последних немного. Мы убеждены в эффективности переговоров. Они оправдали себя на практике [11].

Постоянно как в правоприменительной практике, так и в теоретических изысканиях в области криминологии поднимается для обсуждения вопрос о нравственности переговоров. По мнению авторов, нравственная позиция в переговорах с преступниками может быть оценена однозначно: защита человеческой личности, ее жизни, здоровья, неприкосновенности, культурного и исторического наследия, среды обитания – это достойно человеческой морали. Мораль, конструируемая на категориях национальных, классовых интересов, географических рамках – есть шаг назад по сравнению с теми эталонами, которые выработала история. Вступая в переговоры с преступниками, нельзя забывать мысль Ф.М. Достоевского – «самый закоренелый и нераскаянный убийца все-таки знает, что он преступник, то есть по совести считает, что он нехорошо поступил, хотя и без всякого раскаяния» [12].

В переговорах с преступниками участвуют десятки людей, кроме должностных лиц, в профессиональную и нравственную обязанность которым вменено общение с преступниками в превентивных целях: посредников, переводчиков, представителей общественных организаций, военнослужащих. От их поведенческого стереотипа многое зависит в диалоге с преступниками.

По большому счету рассуждения сводятся к тому, что нет достаточно убедительных возражений морального плана против того, чтобы признать общение с преступниками безнравственным и отказаться от контакта с ними, не желая «пачкать себе руки».

Нравственность и право должны выступать рука об руку в сложных коллизиях переговоров с преступниками.

Переговоры с преступниками – основанный на законе и нормах нравственности, один из ненасильственных способов (средств) борьбы с преступностью, представляющий собой в ряде криминальных ситуаций диалог с преступниками (преступными группами, сообществами) с целью склонения их к отказу от дальнейшей преступной деятельности, активному содействию, раскрытию и расследованию преступлений, розыску преступников, устранению причиненного вреда.

Материалы данного раздела дают основание утверждать, что переговоры с преступниками – это не изолированное от других действие правоохранительных органов, они – часть из них. Экстремальные ситуации, о которых идет здесь речь, предполагают возможность и необходимость ведения разведывательных, предупредительных, режимных, следственных, оперативно-боевых и иных действий, объединенных общим, единым руководством и управлением, системностью подхода к решению возникшей задачи. Один из основоположников теории функциональных систем П.А. Анохин определил понятие системы, как комплекс «избирательно выявленных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретает характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» [13]. Достижение подобного «фокусированного результата» в нашем деле возможно за счет тесных взаимодействий переговорного процесса с другими возможностями органов безопасности по предупреждению и пресечению преступлений. И как следствие – необходимо подчеркнуть один организационный принцип, утвердившийся в зарубежной практике, который у нас нередко нарушается: «Переговорщики не командуют, командиры не ведут переговоров». И что греха таить, в отдельных случаях, прибывая на место происшествия, отдельные руководители специальных служб и правоохранительных органов считают обязательным сразу подключиться к переговорам, без должной на то необходимости. Между тем это следует делать при нежелательном развитии события, когда возможности других должностных лиц, принимавших участие в переговорах, окажутся недостаточными.

Подготовка и силовое освобождение заложников

По мнению как отечественных, так и зарубежных специалистов, успех в решении задачи по освобождению заложников во многом зависит от всесторонней оценки конкретной ситуации, правильности выбора используемых сил и средств. Вопрос об участии специальных подразделений в операциях по освобождению захваченных террористами заложников решается дифференцированно в каждом конкретном случае, с учетом характера и прогноза развития террористической акции. Как показывает практика, эти подразделения чаще используются в случае захвата террористами заложников, транспортных средств и других объектов и приступают к осуществлению операций с момента возникновения инцидента. Этап силового освобождения заложников и захват террористов является одним из основных этапов специальной операции по освобождению заложников. Он может быть осуществлен на начальном этапе, «по горячим следам», когда группа поиска или лица из числа охраны захваченных лиц быстро настигают террористов и с ходу начинают этап силового освобождения. Как правило, в данном случае существует большая вероятность потери заложников и появления жертв со стороны группы захвата.

К освобождению похищенных лиц особые подразделения привлекаются гораздо реже и начинают действовать с момента обнаружения мест содержания заложников. Таким образом, тактика действий специальных подразделений в каждом конкретном случае зависит от ряда обстоятельств и условий развития инцидента. На нее могут оказывать влияние характер террористической организации, место инцидента, состав заложников и т. д.

Практический опыт свидетельствует, что при похищении людей террористы стремятся как можно дольше сохранять свои действия в тайне от местных властей. Устанавливая контакт с членами семьи похищенного или его сослуживцами, они выдвигают требование не обращаться за помощью в полицию. Однако, при условии скрытного обнаружения места содержания заложников, мероприятие по их освобождению проводится внезапно без предварительного ведения переговорного процесса. Как правило, данная операция проводится, когда террористы укрывают заложников на местности или в сельских районах, городских постройках низкой этажности, на промышленных предприятиях, на складах. Основной упор при этом делается на фактор внезапности. Примером использования подобной тактики служат действия израильских коммандос в 1976 г. в Энтеббе.

Так, в ходе подготовки операции по освобождению пассажиров авиалайнера, угнанного палестинскими и западногерманскими террористами в Уганду, удалось осуществить комплекс мероприятий. В Уганду была заброшена агентура для сбора информации и

создания надежного канала радиосвязи с израильской разведкой. К берегам Восточной Африки направили корабль с радиоэлектронным оборудованием. Кроме того, использовался самолет-разведчик для приема сигналов от агентуры. Часть отпущенных террористами заложников была тщательно допрошена сотрудниками Моссад о планах сооружений в аэропорту, размещении заложников, организации охраны, количестве войск и военной техники. Некоторые разведывательные данные были получены от южноафриканской спецслужбы БОСС. Дополнительные сведения о порядке смены караула удалось получить от разведывательной службы Кении. Американцы обеспечили Моссад материалами аэрофотосъемки. Для прикрытия операции осуществлялись постоянные телефонные контакты с Францией, в которых проводилась мысль о том, что Израиль намерен вступить в переговоры с террористами. Предполагалось, что эти разговоры перехватываются ООП.

Подразделение командос было направлено в Кению тремя самолетами из Тель-Авива. Один из самолетов, оборудованный устройством для воздействия на радарную систему аэропорта, приземлился непосредственно в Энтеббе. Часть командос вывела из строя контрольную башню и уничтожила 30 человек охраны аэропорта. Командос быстро захватили терминал, в котором находились заложники. В ходе короткого боя в терминале были убиты все террористы. Со стороны командос погиб один человек, среди заложников – три человека. Предполагалось, что общие потери составят 25% числа заложников. На самом деле число жертв было намного меньше. Операция велась 53 минуты вместо 55 по плану [14].

С момента обнаружения места укрытия в действие вступают особые подразделения спецслужб, которым подчиняются все другие участники операции. Приемы и методы действий особых подразделений, как при освобождении похищенного лица, так и при освобождении заложников, транспортных средств и других объектов аналогичны: производятся блокирование района, изоляция захваченного террористами здания или транспортного средства, осада, штурм укрытия и освобождение заложников. С прибытием на место инцидента особое подразделение стремится добиться максимального контроля за ситуацией при минимальных затратах сил. Руководитель особого подразделения в первую очередь принимает меры по локализации места операции. Для этого устанавливается минимально возможный внутренний периметр. Место операции строго изолируется, любое движение в районе операции и вокруг находятся под строгим контролем. Принимаются меры по исключению возможного использования террористами средств побега (любые транспортные средства из внутреннего периметра убираются или уничтожаются). Изоляция внутреннего периметра осуществляется сотрудниками особого

подразделения, которые скрытно занимают наиболее уязвимые направления. В зависимости от места и характера укрытия террористов и заложников осуществляется эвакуация жителей из близлежащих зданий и строений.

Наряду с изоляцией района операции осуществляется первичный сбор сведений о характере и типе организации, к которой принадлежат похитители, вооружении преступников, степени их агрессивности. В зависимости от собранных сведений решается вопрос о целесообразности установления внешнего периметра. Если террористы имеют на вооружении оружие большой дальности действия, то, как правило, устанавливается внешний периметр. Расстояние от внешнего периметра до места укрытия террористов определяется местом нахождения преступников (на нижних или верхних этажах здания), типом используемого ими оружия, количеством приданных особых подразделений полицейских сил. Нахождение жителей в зоне внешнего периметра зависит от развития ситуации: они могут быть эвакуированы или же, наоборот, им будет рекомендовано не покидать здания. В зоне внешнего периметра размещаются на выгодных позициях снайперы из особого подразделения, в задачу которых входит обеспечение безопасности тех сотрудников, которые находятся во внутреннем периметре. Во внешнем периметре работают сотрудники особого подразделения, осуществляющие сбор тактической разведывательной информации.

Некоторые специалисты считают, что все мероприятия особого подразделения по блокированию района и изоляции места происшествия должны проводиться демонстративно, чтобы преступники сразу поняли, что теперь они сами выступают в роли заложников. Другие рекомендуют действовать скрытно, чтобы не подтолкнуть террористов к крайним мерам. Однако и те и другие полагают: когда преступникам стало известно, что они окружены, наиболее опасный момент операции остался позади, ибо террористы будут вынуждены предпринимать меры, чтобы избежать гибели или ареста. После блокирования района и изоляции места операции действия особых подразделений зависят от развития событий. Если обстоятельства не требуют немедленного штурма укрытия, то наступает период интенсивных переговоров. Главная задача переговоров, как и всей антитеррористической операции, – сохранение жизни заложников. Цель переговоров – достижение соглашения относительно освобождения заложников и (или) капитуляции террористов (методика ведения переговоров с террористами дана выше).

Когда переговорный процесс зашел в тупик, мирными способами разрешить ситуацию не удастся или возникает реальная угроза жизни заложников, одним из самых распространенных вариантов захвата террористов и освобождения заложников является открытая силовая операция.

Штурм является наиболее опасной частью операции как для нападающих, так и для осажденных. Заложники в ходе штурма могут пострадать и от террористов, и от атакующих. Поэтому особые подразделения в целях снижения риска стремятся выманить преступников из укрытия и подставить их под прицельный огонь снайперов. При этом успех действий во многом зависит от знания численности террористов и степени их решимости на крайние меры. Именно ошибка в оценке этих факторов явилась одной из основных причин мюнхенской трагедии в 1972 г.

Так, в ходе разрешения кризисной ситуации по освобождению членов израильской олимпийской команды стало очевидным, что переговоры зашли в тупик. Исходя из этого, было принято решение освободить заложников силой. Учитывая, что здание, где забаррикадировались палестинские террористы со своими жертвами, больше напоминало укрепленный бастион, чем жилое помещение, вариант атаки отпадал. Было принято решение выманить террористов из укрытия. Им было обещано предоставить самолет для вылета за границу, который якобы был приготовлен на старом военном аэродроме недалеко от Мюнхена. В аэропорту исходные позиции заняли пять снайперов – соответственно предполагаемому числу террористов. Когда террористы и их жертвы были доставлены вертолетом на аэродром, обнаружилась серьезная ошибка, которая была допущена полицией при сборе сведений о количестве преступников, – их оказалось восемь. События развивались столь стремительно, что полиции не удалось экстренно увеличить число снайперов. Было решено уничтожить тех террористов, которые покинут вертолет для обследования самолета (предполагалось, что это будут руководители), в надежде на то, что с уничтожением главарей остальные сдадутся. Снайперами были обстреляны два араба, один из которых был убит. Остальные террористы не сдались, и в результате перестрелки были убиты девять заложников, пять террористов и один полицейский. Три преступника были арестованы [15].

При любых видах силовой операции она проводится по определенным этапам. На начальном этапе на основе получаемых официальным, оперативным, оперативно-техническим путем данных проводится анализ складывающейся обстановки и вырабатываются несколько вариантов проникновения на место содержания заложников и захвата террористов. При этом учитываются все добытые данные, необходимые для группы захвата.

Силовая акция тщательно планируется. По возможности, если есть время, проводится тренировка группы захвата и обеспечивающих групп по штурму объекта и захвату террористов на аналогичных объектах с учетом складывающейся оперативной обстановки. Отрабатываются несколько вариантов захвата, проводится хронометраж

действий каждого сотрудника группы захвата. Только после этого руководитель группы захвата совместно с руководителями оперативных групп и переговорщиками осуществляет дополнительную разведку укрытия террористов и определяет наиболее эффективные методы проникновения в укрытие преступников; пути выдвижения к заданным позициям для осуществления штурма; необходимые технические средства для проделывания проходов и отвлечения преступников; порядок действия групп, участвующих в силовой акции, и отдельных членов; условные сигналы и команды.

Никто после данного руководителем операции приказа руководителю группы захвата не имеет права вмешиваться в его действия. Только руководитель всей специальной операции может дать распоряжение руководителю группы захвата на прекращение штурма ввиду появившихся новых обстоятельств.

Наиболее важным этапом проведения непосредственной силовой акции является штурм. Команда на штурм дается руководителем группы захвата самостоятельно, после того, когда все группы выдвинуты и готовы к выполнению захвата, все средства подготовлены, террористы находятся в зоне видимости и взяты под прицел снайперской группой и группой прикрытия. Сигнал о начале штурма дается по заранее оговоренному сценарию, указанному в боевом приказе руководителем группы захвата.

После того как группа прикрытия, применения спецсредств и разграбления осуществила проделывание проходов, отвлекла преступников с использованием различных специальных средств, подавила их волю к сопротивлению, группа захвата врывается в укрытие и осуществляет захват преступников и их обезвреживание. В любом случае применение огнестрельного оружия в операции носит вынужденный характер.

После штурма сотрудники группы захвата могут оставаться в помещении с целью его охраны до прибытия в помещение других специализированных групп. Кроме того, они могут оказывать незамедлительную медицинскую помощь раненым заложникам, своим сотрудникам и террористам, а также оказывать содействие в эвакуации находящихся в помещении, в случае возникновения непредвиденных обстоятельств.

Осуществляя штурм укрытия, особые подразделения стремятся в первую очередь вызвать замешательство среди преступников. Для этого используются различные специальные средства. Так произошло в ходе операции по освобождению 86 заложников в аэропорту в Могадишо в 1977 г., в которой приняло участие западногерманское подразделение ГСГ-9. Ему потребовалось всего 7 минут, чтобы обезвредить террористов и спасти заложников. Штурмующие прикрепили к люку салона самолета специальную подрывную ленту, применяемую для отделения ступеней ракеты. В результате взрыва бойцам ГСГ-9 удалось быстро открыть люки самолета и проникнуть внутрь. Они

забросали салон гранатами, обладающими при взрыве оглушающим и ослепляющим эффектом. В результате террористы и их жертвы были парализованы в течение шести секунд, которых было достаточно для захвата салона самолета и нейтрализации преступников [16].

В мае 1980 г. британские командос из специального подразделения САС провели смелую и эффективную (без собственных потерь) операцию по блокированию посольства Ирана в Лондоне, где группа из шести террористов – выходцев из иранской провинции Хузистан – захватила 26 заложников. Исходные позиции для бойцов спецназа, готовящихся к штурму здания иранского представительства, были избраны на территории расположенных поблизости казарм Royal Corps of Transport. Быстро и в натуральную величину там построили макет здания посольства с целью многократной отработки готовящейся операции. Одновременно начали копать подземный туннель, ведущий в подвалы захваченного здания, и готовить проходы в стенах соседних с посольством Ирана зданий. Уже через 40 минут после захвата посольства арабскими террористами крыша объекта была в полном распоряжении взаимодействующего с САС специального подразделения Скотленд-Ярда. В рамках подготовки к предстоящей операции вся территория, прилегающая к захваченному объекту, была оцеплена полицией; отключена телефонная и телексная связь с посольством, созданы помехи в радиосвязи, введено в действие несколько систем кабельного и беспроводного подслушивания и негласного наблюдения. В результате принятых мер удалось выяснить сведения относительно числа террористов, их состояния, а также размещения заложников внутри здания. Для маскировки звуков производимых работ по подкопу и проделыванию проходов в стенах были созданы натуральные шумы, в том числе дорожными работами с использованием пневматических молотов. Одновременно полиция не прекращала ведения с террористами переговоров с целью определения их морально-психологического состояния, введения в заблуждение относительно планов штурма здания, успокоения и выигрыша времени. Существенным успехом переговоров явилось то, что они привели к освобождению одного из заложников, что позволило отряду спецназа лучше узнать ситуацию внутри посольства. Тем не менее, когда террористы начали осуществлять объявленную ранее угрозу расстрела заложников по одному с получасовым интервалом, была проведена вынужденная атака здания иранского представительства. Штурмовая группа примерно из 30–40 командос ворвалась в здание посольства со всех сторон одновременно: пробив стены в соседнем здании, через подкоп и спустившись по канатам с крыши. В результате штурма пять террористов были убиты, один обезврежен и задержан [17].

Определенный интерес представляет антитеррористический опыт, накопленный голландским специальным формированием. В операции по освобождению заложников в поезде этот отряд применил два истребителя Р-104. Непосредственно перед штурмом самолеты прошли на небольшой высоте над пассажирским составом с форсажем двигателей, что дезориентировало террористов и помогло успешно выполнить операцию по спасению заложников. Отвлекающий шум был также использован при штурме здания школы, когда в момент атаки подразделения сил специальных операций раздался громкий скрежет работающих механизмов, что напугало и отвлекло внимание террористов и помогло освободить заложников.

К числу наиболее сложных случаев проведения операций по освобождению заложников, несомненно, относятся те, которые необходимо проводить на территории враждебного государства. Проблема состоит в том, как провести вторжение для освобождения заложников и избежать объявления войны. Принцип же операции остается неизменным: отказ от сделки с террористами и сохранение угрозы вторжения или удара. Удар может быть нанесен по самим террористам или властям, которые их укрывают. Главным при этом должно быть признание того факта, что террористы или укрывающее их правительство должны верить в возможное возмездие за захват заложников.

Приведенные примеры показывают разнообразие приемов, используемых специальными подразделениями, их новизну, постоянную нацеленность на поиск нестандартных решений, что в конечном счете облегчает выполнение поставленных задач. Так, американцы заявляют о преимуществах синхронного снайперского огня, применяемого бойцами ССО при уничтожении террористов и освобождении заложников. В частности, они отмечают, что использование вооруженных отрядов для спасения заложников, находящихся в руках террористов или уголовных элементов, связано с риском для жизни личного состава подразделений ССО. Степень риска значительно уменьшается, если удастся нейтрализовать террористов одним залпом. Американская компания по производству электронных средств ведения войны разработала устройство, которое может помочь решить эту проблему. Синхрофайр – это управляемый с помощью электроники комплекс, обеспечивающий наведение оружия на цель, связь между элементами системы и единый пусковой импульс. Комплекс предназначен для синхронизации стрельбы нескольких снайперов, находящихся на разных позициях, по многим целям, также расположенным в различных местах. Задача сводится к тому, чтобы одновременно поразить все враждебные цели и тем самым предотвратить вероятный ответный удар по заложникам.

Ряд приемов, первоначально разработанных для борьбы с террористами, был специально адаптирован для освобождения заложников. Так, с целью обеспечения конспиративности наблюдения и проникновения в помещение с захваченными лицами большинству специальных формирований пришлось отказаться от ношения формы, десантных комбинезонов и зеленых беретов, которые всегда были их отличительным знаком. Подобно группе ГСГ-9, некоторые подразделения ССО организовали специализированные курсы, чтобы научить своих людей конспирации, умению выдавать себя за официантов ресторанов, мусорщиков или почтальонов.

Тактика действий особых подразделений в каждом конкретном случае зависит от обстоятельств и условий развития террористического инцидента: характера террористической организации, причастной к данному инциденту; места его возникновения, кто захвачен или похищен и т. д. Однако, как показала практика борьбы с террористическими акциями, связанными с похищением людей и захватом заложников на Западе, особые подразделения специальных служб всегда привлекаются к ликвидации возникшей кризисной ситуации, при этом они могут выполнять пассивную или активную роль (в зависимости от развития событий). В целом формирование особых подразделений и активное их использование способствовало успешной борьбе с проявлениями терроризма во многих странах Западной Европы и США. Из всех случаев освобождения заложников с участием особых подразделений только 4% потерпели неудачу.

Ведущие специалисты Запада в вопросах борьбы с международным терроризмом в городских условиях отмечают, что эффективности мероприятий по освобождению заложников, транспортных средств и зданий в значительной степени способствует хорошо отлаженная и оригинальная по методике система подготовки личного состава ССО. Для его подготовки к проведению операций по освобождению заложников строятся новые тренировочные комплексы, воссоздающие окружающую среду, в которой военнослужащие будут действовать, воздвигаются фасады зданий, чтобы имитировать улицы с домами, магазинами и учреждениями. Внутри этого ландшафта расположены манекены, изображающие «преступников», создается обстановка, близкая к действительной (шум уличного движения, включение и выключение освещения в квартирах и автомобилях, открывающиеся шторы на окнах, лай собак и т. д.). Очень часто для тренировочных занятий и оперативных игр используются специальные макеты зданий с изменяющейся внутренней планировкой помещений. Различные световые, звуковые и прочие эффекты регулируются с центрального контрольного пункта, где тщательно изучаются слабые места и ошибки в действиях личного состава. Видеозапись проведенной учебной операции подлежит последующему разбору в классе.

Силовая акция по освобождению заложников является достаточно острым и сложным оперативно-боевым мероприятием в ходе специальной операции. В ряде случаев ее могут осуществлять только специализированные, высокоподготовленные сотрудники штатных оперативно-боевых подразделений органов безопасности.

Следственные и криминалистические действия во время проведения специальной операции по освобождению заложников являются исключительно важными, именно они в ряде случаев помогают разрешить конфликт мирным путем. Следственная группа создается с самого начала проведения операции и осуществляет следственно-криминалистические действия на всех этапах специальной операции по освобождению заложников.

Следует учитывать, что не всегда специальная операция по освобождению заложников завершается полным задержанием террористов. Иногда им удается выйти из заблокированного района, уйти от сил оперативно-поисковых подразделений вместе с полученным ими «выкупом». В таких случаях вступают в силу планы по оперативному розыску террористов в рамках возбужденного уголовного дела.

В условиях, когда захват заложников для ряда преступных групп стал профессией (что становится все чаще транснациональной и межгосударственной проблемой), для борьбы с террористическими акциями в виде захвата заложников могут привлекаться силы других государств, военно-политических объединений, совместные международные специальные силы для проведения специальных операций по освобождению заложников.

6.3. Рекомендации поведенческого характера возможным жертвам преступления в формах: захват заложников, похищение человека.

Алгоритм действий в случае похищения членов семьи или захват их в качестве заложников. Наиболее болезненной экстремальной ситуацией является шантаж с захватом в качестве заложников кого-то из ваших близких. Если это все же произошло и от вас требуют совершения каких-то действий как условия освобождения заложника, прежде всего убедитесь, что тот, кого шантажист держит у себя, в этом качестве, жив и невредим. В этом надо убедиться обязательно! Вряд ли будет предоставлена возможность лично увидеться с захваченным, но поговорить с ним по телефону просто необходимо.

Следует твердо заявить шантажисту, что ни о чем с ним говорить не будете до тех пор, пока не поговорите с заложником. Ведя разговор, убедитесь, что на другом конце провода, действительно, тот человек, о котором шла речь. Наша телефонная связь

устроена так, что не всегда можно опознать даже очень близкого человека по голосу, поэтому постарайтесь получить от абонента информацию, которая даст вам основание быть уверенным, что это, действительно, он.

Ведите разговор таким образом, чтобы убедиться, что общаетесь не с магнитофонной лентой, а с живым человеком.

Постарайтесь успокоить заложника, сказав, что предпримете все от вас зависящее, чтобы освободить его как можно быстрее.

Поинтересуйтесь, все ли у него в порядке, как с ним обращаются, не причинили ли какого-либо вреда.

Убедите своего абонента, чтобы он не предпринимал каких-либо активных действий, способных обострить ситуацию и навредить себе.

И, наконец, ни в коем случае не пытайтесь даже косвенно выяснить, кто его захватил, где он находится и другие подробности такого рода. Подобные любопытства могут очень дорого стоить.

Только после этого теперь можно выслушать шантажиста, его условия. Скорее всего речь пойдет об определенной сумме денег. Независимо от того, есть ли у вас в наличии данная сумма денег (за исключением ситуаций, когда вам тут же говорят, что эта сумма лежит у вас в левом нижнем ящике письменного стола), постарайтесь попросить отсрочки, мотивируя ее отсутствием в данный момент.

Если разговор происходит при личной встрече, попросите повторной, если по телефону - повторного звонка. За время паузы нужно быстро решить - что же делать. Выполнить требование шантажиста и ни к кому не обращаться или все же попытаться прибегнуть к помощи правоохранительных органов или частной фирмы, специализирующейся на таких вопросах. (Правда следует иметь в виду, что далеко не все фирмы, заявившие себя как способные решать подобного рода задачи, действительно таковыми являются). Как показывает опыт, шантажист дает отсрочку на очень непродолжительное время, и если вы уж решились обратиться за помощью, то сделайте это быстро, а лучше всего тут же, но по телефону, поскольку не исключено, что за вашим помещением уже наблюдают.

Будьте готовы к тому, что при повторном звонке вам смогут вполне уверенно заявить, что абсолютно точно знают, будто вы звонили в милицию и просили о помощи. При личной встрече это тоже может быть заявлено, и дело для вас осложняется тем, что, если по телефону партнер вас только слышит, то при личной встрече он еще и видит вас. Если вы заранее соответствующим образом отмотобилизуетесь, то и ваше поведение будет сообразным ситуации. Уверенности в себе может помочь и то, что вы

совершенно однозначно знаете: такого рода вопросы - не что иное, как попытка «взять на пушку».

Если очередная телефонная связь с человеком, захватившим заложника, будет проходить с присутствием сотрудников подразделения по освобождению заложников, заранее обусловьте с ними схему и различные варианты вашего разговора с шантажистом. Это исключит возможность необоснованных задержек при ответах на его вопросы и на том конце провода не возникнет подозрения, что вы после каждого вопроса получаете от кого-то консультацию. Нередки ситуации, когда шантажист требует любой ценой ускорить время «обмена». В таком случае постарайтесь, не теряя самообладания, убедить его в том, что вы предпринимаете все возможное, но по независящим от вас обстоятельствам пока еще не готовы. Главное - не забудьте напомнить этому человеку, что в благополучном исходе дела вы заинтересованы больше, чем он. Можете аргументировать невозможность добыть за такое время искомой суммы, поскольку тот человек, от которого вы хотели получить деньги, в данный момент в отпуске, командировке и т.п. и вернется лишь..., но даже не дожидаясь его приезда, вы пытаетесь найти деньги. Вполне возможно, что та пауза, что вы «выторгуете», позволит более качественно подготовить операцию по освобождению заложника и основательнее гарантировать его безопасность. Когда же будете договариваться о том, когда и куда принести то, что требует шантажист, поставьте условие - что это будет только в том случае, если у вас будет гарантии, что заложнику ни что не угрожает. Либо это будет взаимобмен тут же на месте, либо прежде, чем передать деньги, вы получите информацию о том, что заложник в данный момент уже находится в безопасном месте. Конечно, подобное решение далеко не просто реализовать, но ведь и шантажист заинтересован в получении денег. К сожалению инициатива принадлежит ему, однако далеко не всегда следует идти у него на поводу. Чем тверже и разумнее будет ваша позиция, тем больше шансов на благоприятный исход. Не следует забывать, что, как только вы выполните требование преступников, заложник перестает быть нужным в качестве приманки для вас. Но ведь он, освободившись, становится обладателем информации и из заложника превращается в свидетеля, и весьма опасного. Так что есть смысл побороться настолько, насколько это будет возможно за соблюдение этого условия.

Как быть в ситуации, когда заложником стали вы?

Наиболее трудным периодом для жертвы террористического нападения считаются первые часы после похищения или захвата. Пленник неожиданно попадает в непривычные для него условия. В его памяти еще свежи все детали похищения (захвата) и, в зависимости от характера, он может оказаться или в глубокой депрессии, или в

состоянии повышенной возбудимости, что может быть использовано террористами в своих интересах.

Отношения между жертвами нападения и террористами зависят от ряда обстоятельств: цели акции, характера жертвы, ее значимости, особенностей террористической организации, совершившей нападение или захват, хода переговоров и т.д. В первые часы и дни с жертвой (жертвами) обращаются особенно жестоко, рассчитывая таким путем подавить волю, деморализовать и подчинить интересам террористов. При этом могут насильственно применяться медицинские препараты, чтобы преодолеть сопротивление и заставить заговорить. При допросах террористы чередуют жесткое и мягкое обращение, держат жертву с завязанными глазами, кормят пищей низкого качества, длительное время не дают спать. У захваченного, как правило, отбирают все личные вещи, в том числе часы, чтобы он не мог ориентироваться по времени. На психологическое состояние жертвы, помимо указанных факторов, отрицательно воздействует сознание неопределенности своего положения.

Угнетающе действует страх перед неизвестностью и неведение исхода создавшейся ситуации (незнание цели и своих похитителей, опасение быть убитым). В этой связи потенциальный заложник должен быть заранее психологически подготовлен к действиям с завязанными глазами, к тому, что он длительное время будет связанным, а также к тому, что он возможно будет подвергаться воздействию наркотиками.

Общие рекомендации поведенческого характера.

По возможности скорее возьмите себя в руки, успокойтесь и не паникуйте. Если Вас связали или закрыли глаза, попытайтесь расслабиться, дышите глубже.

Приготовьтесь физически, морально и эмоционально к возможным суровым испытаниям. При этом следует помнить, что большинство случаев захвата людей в качестве заложников длилось в среднем 4,5 - 5 часов, в 95 % случаев жертвы захвата оставались в живых. Будьте уверены, что правоохранительные органы и спецслужбы уже принимают профессиональные меры для Вашего освобождения.

Запомните как можно больше информации о террористах. Целесообразно установить их количество, степень вооруженности, составить максимально полный словесный портрет, обратив внимание на характерные особенности внешности, телосложения, акцента и тематики разговоров, темперамента, манер поведения и пр. Подробная информация поможет в последствии соответствующим службам в установлении личности террористов.

По различным признакам постарайтесь определить место своего нахождения (заточения). По возможности расположитесь дальше от окон, дверей и самих

преступников, т.е. в местах большей безопасности в случае, если специальные подразделения предпримут активные меры (штурм помещения, огонь снайперов на поражение преступников и пр.).

В случае штурма здания рекомендуется лечь на пол лицом в низ, сложив руки на затылке.

Не возмущайтесь, если при штурме с Вами могут (до установления Вашей личности) поступить несколько некорректно, как с вероятным преступником. Вас могут обыскать, заковать в наручники, связать, подвергнуть допросу. Следует отнестись с пониманием к тому, что в подобных ситуациях такие действия штурмующих (до окончательной идентификации всех лиц и выявления истинных преступников) оправданы.

Взаимоотношения с преступниками.

Не оказывайте агрессивного сопротивления, не делайте резких и угрожающих движений, не провоцируйте террористов на необдуманные действия.

По возможности избегайте прямого зрительного контакта с преступниками.

С самого начала (особенно первые полчаса) выполняйте все распоряжения лица (лиц), захватившего заложников.

Займите позицию пассивного сотрудничества. Разговаривайте спокойным голосом. Избегайте выражения презрения, вызывающего враждебного тона и заявлений, которые могут вызвать гнев преступников.

Ведите себя спокойно, сохраняя при этом чувство собственного достоинства. Не высказывайте категорических претензий, но не бойтесь обращаться со спокойными просьбами о том, в чем остро нуждаетесь.

При наличии у Вас проблем со здоровьем, которые в данной ситуации сильного стрессового состояния могут проявиться, заявите об этом в спокойной форме захватившим Вас людям.

Постепенно, с учетом складывающейся обстановки, можно повышать уровень просьб, связанных с улучшением личного комфорта.

При длительном нахождении в заложниках.

Не допускайте возникновения чувства изоляции, смутения и замешательства. Мысленно подготовьте себя к будущим испытаниям. Сохраните умственную активность.

Избегайте возникновения чувства отчаяния, используя для этого внутренние ресурсы и самоубеждение.

Думайте и вспоминайте о приятных вещах. Помните, что шансы на освобождение со временем возрастают. Будьте уверены, что для Вашего скорейшего освобождения делается все возможное.

Постоянно находите для себя какое-либо занятие (физические упражнения, чтение, запись жизненных воспоминаний и т.п.). Установите суточный график физической и интеллектуальной деятельности, выполняйте дела в строгом методическом порядке.

Для поддержания сил необходимо есть все, что дают, даже если пища не нравится и не вызывает аппетита. Отдавайте себе отчет в том, что потеря аппетита и веса является нормальным явлением подобной экстремальной ситуации.

Поведение на допросе у террористов.

На вопросы отвечайте кратко. Более свободно и пространно разговаривайте на несущественные общие темы, но будьте осторожны, когда затрагиваются важные государственные или личные вопросы.

Внимательно контролируйте свое поведение и ответы. Не допускайте заявлений, которые сейчас или в последующем могут повредить Вам или другим людям.

Оставайтесь вежливыми, тактичными при любых обстоятельствах, контролируйте свое поведение.

Ни под каким видом не следует высказывать предположений относительно реакции своего бывшего окружения на известие о похищении. При сообщении террористам телефона для ведения переговоров необходимо подобрать такого абонента, который правильно отреагирует на первое послание террористов. Следует избегать обсуждения проблем, касающихся суммы выкупа или возможности удовлетворения других условий террористов, а наоборот попытаться убедить преступников в нереальности выдвинутых ими требований.

Похищенный должен всегда помнить, что террористы будут стремиться использовать его в своих целях. Преступники попытаются получить от жертвы информацию, которая может причинить вред интересам его страны и его коллегам по службе. Заложники не должны раскрывать террористам характер своей работы и работы своих близких, разглашать секретную и не подлежащую оглашению информацию, делать заявления и предпринимать другие действия, которые могут нанести ущерб их государству.

Как свидетельствует практика, предпринимаемые в начале террористами попытки вывести свою жертву из физического и психологического равновесия со временем ослабевают. Тем не менее, для лиц, захваченных террористами, важно найти такие формы общения с похитителями, которые смягчили бы враждебность последних. Однако рекомендуется при этом не забывать, что похищенный всегда является "козырем" в переговорах террористов с властями и его жизнь в большей степени зависит от хода

этих переговоров. Никакое расположение террористов и личные просьбы к ним не спасут жизнь жертвы, если ее смерть определенно служит целям террористической организации.

Результаты анализа материалов по данной проблеме указывают на опасность попыток заложников солидаризироваться с преступниками. Это может случиться во время штурма укрытия, когда жертва разделяет судьбу террористов.

Вместе с тем, следует помнить, что стремление "угодить" преступникам зачастую может неправильно восприниматься ими и затрудняет освобождение жертв. К тому же заложники и похищенные больше всего общаются с охраной, которая поручается, как правило, малоценным членам организации или уголовным элементам, не осведомленным об истинных целях операции. Кроме того, они прежде других подвергаются опасности ареста и гибели при штурме укрытия и поэтому более опасны для заложников, ибо в сложной ситуации могут пойти на крайние меры.

В целом, по мнению специалистов, заложники должны стремиться установить "дружественные" контакты с похитителями, которые облегчают положение жертвы и будут способствовать успешному ее освобождению.

В повышении психологической устойчивости заложников и похищенных важное значение имеет аутотренинг. Лицам, оказавшимся в их положении, рекомендуется постоянно заниматься умственными упражнениями на отвлеченные темы, находить приземляемые в их положении занятия, которые отвлекали бы их от неприятных ощущений и переживаний. Им рекомендуется: заниматься физзарядкой и поддерживать физическое свое состояние; по мере возможности, сохранять чувство юмора, помня, что другие были в более худшем положении; установить и соблюдать распорядок дня; не терять представление о времени; стремиться вызвать у похитителей человеческой сострадание, чаще говорить о детях, семье, о личных воспоминаниях; не допускать возникновения у преступника бесчеловечного отношения; если жертва ранена, она должна демонстрировать боль, а если необходимы лекарства, то постоянно напоминать о них.

В период мероприятий, проводимых властями по освобождению заложника, последний должен прежде всего попытаться уговорить террористов сдаться без боя. В случаях, когда террористы решили оказать сопротивление, важно попытаться, с одной стороны, ослабить решимость террористов к сопротивлению, а с другой - помочь измотать их физически и морально. В этих целях нелишне напомнить террористам, что если они убьют его, то не только лишатся единственного козыря в переговорах, но тем самым спровоцируют спецслужбы на использование огнестрельного оружия.

Глава 7.

Технологический терроризм. Использование ядерных, химических, бактериологических компонентов и технологических особенностей объектов при совершении актов терроризма

Газовая атака, осуществленная экстремистами в токийском метро, стала для политиков и экспертов многих стран солидным «толчком» для серьезных размышлений о том, насколько защищено общество от подобного рода акций. И тогда многие жители нашей планеты еще раз почувствовали, насколько беззащитным может оказаться человечество перед угрозой со стороны безответственных жестоких фанатиков. И эта опасность становится намного серьезней в свете того, что в Токио террористы впервые использовали оружие массового уничтожения – нервно-паралитический газ зарин. Сенатор С. Нанн заявил как-то, что террористы вполне способны нанести удар по зданию конгресса, выбрав момент, когда там соберется все высшее руководство страны. Для этого они могут, к примеру, использовать радиоуправляемый самолет, начиненный отравляющими веществами [1]. К великому сожалению, его слова оказались пророческими. Соединенные Штаты испытали подобный удар на себе 11 сентября 2001 года. Хорошо хоть то, что самолеты не были начинены отравляющими веществами. Но все еще впереди... И еще... хотя пока в большинстве террористических нападений использовались обычные виды оружия, никто не может игнорировать огромные разрушительные последствия возможного использования террористами ядерного, биологического, химического или радиологического оружия. Несколько террористических групп объявили о своем намерении завладеть оружием массового уничтожения, а некоторые даже использовали его, к счастью, без катастрофических последствий.

Ядерное, биологическое, химическое или радиологическое террористическое нападение имело бы опустошительные масштабные последствия. Помимо огромных человеческих потерь и разрушений оно могло бы нанести смертельный удар по мировой экономике и повергнуть миллионы людей в состояние крайней нищеты. Его последствия с точки зрения младенческой смертности могли бы привести ко второй волне человеческих жертв по всему развивающемуся миру.

7.1. Угроз применения террористами бактериологических и химических компонентов. Психотропное и генетическое оружие.

Практика повседневной жизни нас убеждает, что в современных условиях террористы имеют потенциальную возможность прибегнуть к нетрадиционным способам совершения терактов. Представляет особую опасность возможность неожиданного применения оружия массового уничтожения (ОМУ): ядерного, химического, биологического, к эффективному противодействию которому не готово ни одно современное государство. При этом наибольшую опасность с точки зрения легкой доступности, простоты изготовления, хранения и транспортировки, а также масштабности последствий применения представляет, на наш взгляд, биологическое и химическое оружие. Дональд Хендерсон, доктор медицины и магистр-эпидемиолог, директор Исследовательского центра гражданской биозащиты в Балтиморском университете Джонса Хопкинса, в своем докладе «Соединенные Штаты совершенно не подготовлены к угрозе биотерроризма» заявил: «Известно ли вам, что 100-граммовая ампула, содержащая культуру сибирской язвы, соответствующим образом опорожненная, например, над Вашингтоном, способна убить до трех миллионов человек в самом Вашингтоне и прилегающей к нему территории. Это, в свою очередь, вызвало бы по всей стране панику такого масштаба, что миллионы людей ринулись бы к врачам, превратив всю систему здравоохранения в кошмар и хаос. Как известно, один из самых страшных и жестоких видов химического оружия – это нервно-паралитический газ. Так вот, десять граммов «бульона» с бациллами сибирской язвы по результатам воздействия эквивалентны тонне такого газа» [2]. Тревога эта вполне оправдана еще и тем, что арсенал средств химического и биологического поражения со времени окончания Первой мировой войны значительно расширился. Террористы в настоящее время могут применять более 50 тысяч различных химических соединений. Более 2 тыс. различных материалов включены в список наиболее опасных для человеческой жизни. Кроме того, на 2001 год не менее 30 государств имели если не целостную систему производства биологического оружия, то, по крайней мере, ее ключевые элементы, и более чем в 100 странах велись его разработки в рамках защитной тематики. Наряду с развитыми государствами мира в число стран – обладателей биологического оружия вошли Турция, Китай, Индия, Ирак, Иран, Пакистан, Корейская Народно-Демократическая Республика, Сирия и Тайвань. Предполагалось наличие наступательных программ биологического оружия у Египта и Ливии [3].

Рассматриваемые формы технологического терроризма требуют самостоятельных и комплексных научных разработок с участием представителей различных специальностей. Сравнительный анализ материалов зарубежных и отечественных изданий по рассматриваемой проблеме свидетельствует о том, что в нашей стране, к сожалению, состояние научных исследований явно не адекватно степени опасности этих форм терроризма. К тому же существует значительный «разрыв» между заявлениями государственных деятелей, руководителей некоторых ведомств об опасности ядерного, химического и бактериологического терроризма и практическими действиями по противодействию ему. В настоящее время, по сути, нет криминалистической характеристики этих преступлений, не разработаны меры их предотвращения и пресечения с учетом возможных вариантов действий террористов.

Вместе с тем, как считают специалисты, основная угроза применения ОМУ сейчас исходит не от государств, в которых оно имеется или создается, и даже не от «обычных» террористических группировок, которые могли бы его получить, а в первую очередь от террористических организаций религиозного толка, руководствующихся мессианской или апокалипсической идеологией. И переход террористов к применению оружия массового уничтожения – явление не случайное. Оно связано с серьезными изменениями, которые произошли в идеологии и постоянно происходят в тактике действий терроризма. Для «новой волны» терроризма характерна массовая направленность акций. Религиозные фанатики стремятся убивать без разбора как можно больше людей, оправдывая массовые убийства тем, что они наказывают своих противников, что подобные акции «угодны Богу», и проповедуют «спиральную эскалацию», т.е. постоянное наращивание масштабов убийств, пытаясь тем самым доказать обществу неотвратимость «конца света» и неизбежность «страшного суда над грешниками». Такие культовые организации пытались использовать в своих целях ОМУ, начиная с 1990 г.

Эксперты отмечают следующие наиболее общие для подобных организаций признаки:

- наличие харизматического авторитарного лидера, утверждающего свою «священную власть» над членами секты;
- апокалипсическое мировоззрение, формируемое путем постоянной религиозной пропаганды с применением элементов гипноза и других способов психического и физического воздействия;

– привитие членам секты отношения к насилию как к богоугодному «очистительному» процессу;

– умение лидеров секты создавать у своих приверженцев состояние «коллективной паранойи», когда указания проповедника воспринимаются как «божественное предопределение», требующее целеустремленных и безоговорочных действий. Все эти признаки имелись у пресловутой секты Аум Синрике.

Вместе с тем для производства ОМУ террористам необходимо иметь:

- достаточные денежные средства;
- специальные знания и технологии, а также владеющие ими кадры;
- лаборатории и базы для проведения секретных экспериментов с ОМУ.

Как показал пример Аум Синрике, необходимые финансовые средства религиозные организации могут получать за счет сбора взносов с членов сект, доходов от бизнеса, продажи культовых предметов. В частности, секта Аум Синрике активно занималась предпринимательством, располагая агентствами по торговле недвижимостью, магазинами по продаже компьютерной техники и аптеками, которые приносили ей существенные доходы. Некоторые из этих предприятий служили в качестве прикрытия для закупки химических компонентов, требующихся для производства отравляющих веществ (ОВ). Так, через свой американский филиал Aum USA секта приобрела большое количество специальной аппаратуры и оборудования, которые использовались для синтеза ОВ нервно-паралитического воздействия и других токсинов и которые обошлись секте более чем в 10 млн долл. [4].

Благодаря целенаправленной вербовке членов секты в ее составе имелись ученые и специалисты в области генной инженерии, органической химии, компьютерной техники и медицины, которые непосредственно занимались производством ОМУ. Для его испытания Аум Синрике располагала специальными объектами. Один из них находился в пустынной местности на западе Австралии, где секте принадлежал крупный земельный участок, служивший не только для испытаний газа зарина, но и для добычи урановой руды.

Расследование деятельности Аум Синрике свидетельствует также о повышенном интересе организации к получению боевых биологических средств. В 1992 г., например, руководитель этой организации С. Асахара и группа из 40 ее членов посетили Заир якобы для оказания помощи людям, пораженным вирусом Эбола. Реальной же целью поездки было приобретение образцов этого вируса, с тем, чтобы культивировать и использовать его для создания биологического оружия. По данным

японской полиции, секта работала также над созданием токсинов ботулизма, выращиванием бактерий сибирской язвы и вирусов, вызывающих смертоносную лихорадку. Доказательством этому служат и результаты обыска в Центре АУМ Синрике (май 1995 г.), где было обнаружено 300 томов по биохимии. Среди них книги по культивированию бактерий. Обнаружены также и инкубационные установки, питательные бульоны с бактериями, способными «вырабатывать» ботулизм, в общем, все, что требовалось для производства биологического оружия. В центре также находилась великолепно оборудованная химическая лаборатория, свыше тысячи бочек с различными химическими веществами. В образцах почвы, взятой на территории поместья, обнаружены следы «зарина», того самого газа, который был использован как средство проведения террористической акции 20 марта 1995 года на шести линиях метро в Токио и Иокогаме, где погибли 10 человек, 4700 было отравлено [5].

Кроме того, Аум Синрике изучала возможность использования лазерного оружия, вела разработку процесса обогащения урана, предпринимала попытки создания электромагнитных импульсных «пушек», разрушающих компьютерные системы. Проводились опыты и в области инициирования искусственных землетрясений.

Следует отметить, что этот террористический акт не был единственным в Японии. Ранее, в июне 1994 года, зарин был применен неизвестными преступниками в г. Мацумото (префектура Нагано). В результате пострадали 168 человек. Через месяц после событий в токийском метро на железнодорожном вокзале в г. Иокогама сотни человек почувствовали боль в горле, приступы кашля, вызванные каким-то неустановленным веществом. Спустя два дня 25 человек, посетившие крупный универмаг этого города, обратились к врачам с теми же симптомами. 5 мая 1995 года на токийской станции Синдзуку были обнаружены два взрыв-пакета с химическими веществами, при соединении которых получается синильная кислота. Если бы это простейшее «бинарное» устройство сработало, погибли бы 20–25 тыс. человек [6].

Появлению религиозных организаций, способных совершать массовые убийства с помощью ОМУ, в конце XX века благоприятствовала обстановка попустительства, создаваемая властями целого ряда государств. Например, в Японии на тот период существовало приблизительно 185 тыс. различных религиозных организаций, официально зарегистрированных в соответствии с действующим в стране с 1951 г. законом «О религиозной корпорации Японии». Данный закон освобождает все религиозные организации от налогообложения и вмешательства государства в их

дела. Это и сделало возможным появление в Японии такой секты, как Аум Синрике, создавшей свои филиалы во многих странах мира.

Лишь после теракта, совершенного членами этой секты, японское следственное управление по делам общественной безопасности рекомендовало применить к Аум Синрике закон «О предотвращении подрывной деятельности», который до этого использовался только по отношению к отдельным экстремистским группировкам левого толка. Последовавшие репрессивные меры, однако, не привели к прекращению деятельности секты, которая продолжает набор в свои ряды новых членов, занимается их «религиозным» воспитанием, пропагандирует свою деятельность через Интернет и средства массовой информации.

Кроме Аум Синрике в этот же период могли применить ОВ и другие террористические организации с религиозной мотивацией и, в частности, «Джихад», которая в 1993 г. совершила взрыв во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке. Примечательно, что во время обыска помещений, где базировалась эта группа, было обнаружено 500 г цианида, а у организатора теракта Р. Юсефа были изъяты документы, свидетельствовавшие об имеющихся у экстремистов возможностях «комбинированного» применения взрывчатки и ядов [7].

По свидетельству экспертов, на рубеже веков в США террористы могли почти беспрепятственно получать необходимые им вирусные культуры у фирм, занимающихся их выращиванием. Например, член расистской организации «Арийские нации» (Aryan Nations) Л. Харрис пытался приобрести у фирмы, специализирующейся на поставках биоматериалов, образцы культуры бубонной чумы. Для оформления заказа ему понадобились лишь кредитная карточка и фальшивый фирменный бланк для письма. Получить свой заказ Л. Харрису помешала проявленная им излишняя настойчивость, что вызвало подозрение у сотрудников фирмы [8].

Угроза совершения подобного рода акций насилия характерна не только для Японии. В 1980 г. на конспиративной квартире террористов из «Фракции Красной армии» французская полиция обнаружила некоторое количество токсина ботулизма, а в 1981 г. неустановленный преступник сбросил в систему водоснабжения Нью-Йорка радиоактивный уран (U235). В 1984 году в ходе операции, проводившейся ФБР в штате Арканзас, в зданиях, принадлежащих одной из религиозных сект, было обнаружено 30 галлонов цианидов, а в мае 1995 года был арестован член этой секты из штата Огайо за незаконное хранение возбудителя бубонной чумы. В декабре 1984 г. около 750 человек заболели после посещения четырех ресторанов городка Даллес,

штат Орегон (США). Все были отравлены сальмонеллой. Ею были заправлены салаты [9].

В конце 2001 г. волна биологического терроризма буквально захлестнула США. Вот лишь некоторые факты. В конце сентября 2001 г. заболели сибирской язвой несколько сотрудников газетной корпорации «Америкэн Медиа» в штате Флорида. Один из них скончался. Заражение произошло от спор сибирской язвы, направленной в редакцию в почтовом конверте. Данный эпизод положил начало целой серии так называемого почтового биотерроризма: аналогичные конверты с белым порошком обнаружены в редакциях телекомпаний NBC, ABC и газеты New-York Times, в здании Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке, и даже в одном из зданий конгресса США, которое пришлось полностью закрыть на весьма продолжительное время. В январе 2003 г. британские спецслужбы раскрыли в Лондоне домашнюю «фабрику» по производству одного из самых токсичных веществ – цирина. Шесть арабов, выходцев из Северной Африки, были на ней арестованы.

Что касается России, то и здесь примеров предостаточно. Так в апреле 2003 г. была предотвращена попытка строительного рабочего из Краснодара отравить продукцию Черкизовского мясоперерабатывающего завода. Преступник, оказавшийся душевнобольным, хранил у себя дома около 300 г отравляющего вещества, при том что для человека минимально допустимая доза – 0,0001 мг вещества, содержащегося в одном кубометре воды [10].

По мнению специалистов, к началу 2-го тысячелетия перед реальной перспективой биологического терроризма Россия выглядела (да, пожалуй, выглядит и сейчас) весьма жалко. Примером этому служит случай 95-го года, когда, закачав в арбузы и персики мочу желтушных больных, диверсанты таджикской оппозиции перетравили в Курган-Тюбе почти весь отдельный ракетный дивизион 191-го мотострелкового полка 201-й миротворческой дивизии. И желтуха еще не самый страшный вариант. Микробиологу ничего не стоит получить несколько литров гремучего, высокопатогенного раствора ботулотоксина буквально из подручных средств – протухших грибных консервов, а культуру чумы снять с мышей в казахстанских степях. А распространить заразу – минутное дело [11].

Нередко попытки применения химического или бактериологического оружия предпринимались и незаконными вооруженными формированиями на территории Чеченской Республики. Так, во время боевых действий в городе Грозном боевики взрывали цистерны с хлором или аммиаком. Кроме того, в августе 2000 г. в ряде

средств массовой информации прошло сообщение о том, что в Аргунском ущелье боевики умирают от страшной неизвестной болезни. Первый заместитель начальника Генштаба генерал В. Манилов заявил, что проблемы со здоровьем у боевиков возникли в результате неправильного обращения с биологическим оружием [12].

В связи со столь широким распространением угрозы применения химического и бактериологического оружия в террористических целях и постоянное упоминание данных терминов в текстах, как в специальной, так и в популярной литературе обозначим их определения.

Химическое оружие – это оружие массового поражения, действие которого основано на токсических свойствах некоторых химических веществ. Отравляющие вещества (ОВ) – это такие химические соединения, которые при применении способны поражать людей и животных на больших площадях, проникать в различные сооружения, заражать местность и водоемы. Ими снаряжаются ракеты, авиационные бомбы, артиллерийские снаряды и мины, химические фугасы, а также выливные авиационные приборы.

Бактериологическое (биологическое) оружие – это специальные боеприпасы и боевые приборы со средствами доставки, снаряженные бактериальными (биологическими) средствами для поражения людей или животных или уничтожения растений.

Биологическое оружие воспринимается террористами как «атомная бомба» бедных. По мнению американских специалистов, к микробным агентам и токсинам, которые могут быть использованы террористами, относятся с известным допущением следующие: сибирская язва, ботулический токсин, стафилококковый энтеротоксин и вирус венесуэльского энцефалита лошадей. Они могут быть распылены в виде аэрозолей с помощью обычных распылителей, размещенных на движущихся платформах (самолет, корабль) или с точечного источника. Биологический террористический акт в условиях современной медицины опасен не только сам по себе, но и тем, что он порождает панику среди населения и хаос в общественной жизни, многократно усиленные раскручиванием событий в средствах массовой информации. В то же время, по мнению американских специалистов, эпидемическая кривая для сибирской язвы в случае теоретической биологической атаки на пригород крупного города давала 0% заболеваний на период менее 1 дня, 5% – через 1 день, 20% – через 3 дня, 35% – через 4 дня, 20% – через 8 дней, 10% – через 9 дней, 5% – через 10 дней и 5% – через 1 и более дней. Смертность также зависит от дня обнаружения болезни. Для пациентов с симптомами, появившимися в

первый день, она считается равной 85%, для пациентов с симптомами на второй день – 80%, при появлении симптомов на третий день – 70%, на четвертый, пятый, шестой дни – 50% и на седьмой и последующие дни – 70% [13].

В 1972 году человечество договорилось не разрабатывать, не производить и не накапливать биологическое, бактериологическое и токсинное оружие. Однако Женевская конвенция оказалась недействительной. Дело в том, что микробиологи всего мира обмениваются образцами смертоносных бактерий. Никаких ограничений почти не существовало, да если и существуют сейчас, то только условно. Получение экспортных лицензий не требовало больших усилий. К примеру, только через 17 лет в 1989 г. министерство торговли США ввело запрет на продажу опасных патогенов. В дополнение к этому, по сообщению газеты «Нью-Йорк таймс», в США в конце 90-х годов прошлого столетия производился порошок со спорами сибирской язвы, который может быть использован в качестве бактериологического оружия. Именно с таким порошком получали письма осенью 2001 г. жители Вашингтона, Нью-Йорка, в штатах Флорида, Нью-Джерси. Его жертвами стали пять человек. По утверждению эксперта по бактериологическому оружию из Федерации американских ученых Б. Розенберг, по меньшей мере, 15 институтов в США проводили эксперименты со штаммом «Эймс», аналогичным тому, который был использован при изготовлении порошка – источника заражения сибирской язвой [14].

Хотелось бы отметить, что в 1992 году российский президент Б.Н. Ельцин в одностороннем порядке «покаялся» в наличии у СССР наступательной биологической программы. 15-е управление Министерства обороны было расформировано, все лаборатории, корпуса и аппаратно-технологические линии, вызывавшие подозрения мирового сообщества, уничтожены. В настоящее время действует лишь Научно-исследовательский институт микробиологии, разнесенный по трем точкам: работа с вирусами (Сергиев Посад), с бактериями (Киров) и с технологическими проблемами (Екатеринбург).

Довольно популярными в последнее время во всем мире, и в первую очередь в США, становятся идеи вживления в человеческий мозг различного рода радиоэлектронных датчиков с целью лечения и контроля за поведением человека для предотвращения проявлений экстремизма и актов терроризма. В связи с этим большую опасность представляет и психотронное оружие, которое направленным излучением воздействует на биологические структуры. В подсознание вводится идея уничтожения врага как главной жизненной цели человека, а сверху накладывается невинная обывательская информация. И человек живет, не подозревая, что несет в

себе «бомбу замедленного действия», которая может взорваться в любой момент по приказу извне, и тогда человек превращается в робота, выполняющего заложенную в подсознание команду.

В отчете Британской медицинской ассоциации за 2001 г. отмечается, что в ближайшее десятилетие может быть создано генетическое оружие массового уничтожения. Быстро прогрессирующее развитие генетики способно в ближайшие годы стать причиной проведения невиданных по масштабу этнических чисток. Принятая в 1972 г. конвенция о запрещении разработок производства и накопления запасов бактериологического и токсического оружия не включала механизма проверки исполнения ее положений, что привело к возникновению сотен строго засекреченных лабораторий, ведущих разработки новых молекулярных биотехнологий, направленных на создание генетического оружия.

Генетическое оружие предполагает создание таких средств, которые способны нанести поражение сознанию человека с целью бесконтрольного изменения его поведения. Развитие наук, связанных с расшифровкой генома человека, является важным и значительным событием. Но вместе с тем все новейшие открытия фундаментальных данных о строении собственно человеческой ДНК должны быть защищены от незаконного их использования в целях создания угрозы человеку и человечеству, а область биотехнологических изобретений должна носить открытый характер.

Экс – Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в выступлении в 2006 году заявил: «Вскоре десятки тысяч лабораторий во всем мире станут частью многомиллиардной индустрии. Даже студенты, работающие в небольших лабораториях, будут способны изменять гены. Подход к борьбе с использованием биотехнологий в террористических целях будет больше похож на меры по борьбе с киберпреступностью, чем на усилия по борьбе с распространением ядерного оружия» [15].

Британские медики заявляют, что генетическое оружие в ближайшем будущем может оказаться страшным средством выборочного поражения массы людей. Такое оружие может стать крайне опасным, если попадет в руки радикалов – националистов или радикальных экстремистов. Тревожная информация о попытках создать такое оружие появилась в мировой прессе в середине 80-х годов прошлого столетия из Южной Африки. Но первые попытки разработки генетического оружия имели место еще во времена Второй мировой войны при проведении опытов над людьми в лагере Освенцим.

По информации западной прессы, уже несколько последних лет Израиль активно работает над биологическим оружием, которое поражало бы только арабов. В рамках создания этнической бомбы израильские ученые используют успехи медицины по идентификации отличительных генов, которыми обладают арабы, с тем, чтобы создать генетически измененные бактерии или вирусы. Ученые конструируют смертельные микроорганизмы, атакующие только носителей отличительных генов [16].

Один из основоположников американского биологического оружия профессор Метью Мезельсон в 1999 году призвал все научные издания ограничить публикации на микробиологическую тему – слишком уж велика возможность не контролируемых международным сообществом исследований. А между тем, подчеркнул Мезельсон, лидером XXI века будет лишь страна, владеющая самой передовой технологией генной инженерии [17].

Весьма характерное замечание по этому поводу прозвучало из уст Генерального секретаря ООН Кофи Аннана 3 мая 2006 года: «Биотехнологии, как и компьютерные технологии, чрезвычайно быстро развиваются. Успехи в этой области открывают многообещающие перспективы и одно из ключевых направлений нашей борьбы за искоренение инфекционных заболеваний, от которых умирает до 14 миллионов людей ежегодно. Однако эти успехи могут принести также неисчислимый вред, если ими воспользуются в разрушительных целях те, кто стремится создать новые виды заболеваний и их возбудителей. Мы сейчас оказались в положении, аналогичном 50-м годам, когда дальновидные граждане, ученые, дипломаты и международные гражданские служащие указывали на огромные потенциальные последствия, как хорошие, так и плохие, освоения ядерной энергии. Тогда проблема заключалась в том, чтобы задействовать возможности ядерной энергии в гражданских целях и свести к минимуму возможности ее использования и распространения в виде ядерного оружия. Результатом было создание МАГАТЭ и, в конечном счете, заключение Договора о нераспространении ядерного оружия. Ответ на дилемму двойного назначения биотехнологий будет весьма иным. Однако подход к его поиску должен быть столь же смелым» [18].

Технология производства химических отравляющих веществ значительно проще и дешевле по сравнению с бактериологическими. Однако это обстоятельство, по мнению специалистов, не должно являться определяющим при прогнозировании и анализе потенциальных действий террористов. В первую очередь здесь необходимо учитывать:

- политические и иные цели, которые преследуют экстремисты;
- характер и особенности объектов, в отношении которых планируется совершить террористическое нападение;
- формы и методы осуществления террористических актов, используемые той или иной экстремистской группой.

Особое значение в данном случае приобретает не само производство отравляющих веществ, что, как правило, не представляет непреодолимой технической проблемы, а процесс подготовки к реализации преступного замысла. Именно эта стадия возможных террористических актов с использованием химического и бактериологического оружия была выделена экспертами спецслужб в качестве основного направления, на котором должны быть сосредоточены усилия правоохранительных органов по заблаговременному выявлению преступлений данного вида. Однако эта работа значительно осложняется тем, что, по мнению специалистов, все подготовительные мероприятия – приобретение химических компонентов и технологического оборудования, а также непосредственно производство отравляющих веществ – могут быть выполнены одним человеком. Например, при получении фосгена не требуются какие-либо особые профессиональные навыки, более того, отдельные стадии этого процесса описаны в открытой научной литературе. Несмотря на тот факт, что такие отравляющие вещества, как зарин, зоман, табун и другие, крайне токсичны, при наличии помощи со стороны специалиста-химика, возможно наладить их безопасное изготовление. Отсутствие необходимости групповых усилий при подготовке к актам химического и бактериологического терроризма является главной отличительной чертой преступлений подобного рода.

Химические и биологические агенты естественного и искусственного происхождения можно распылять в воздухе или наносить на твердые поверхности, растворять в воде и других жидкостях. Приобрести их несложно. Исполнители террористических акций могут избрать для своих целей зарин и другие газы нервно-паралитического действия, а также химикаты промышленного производства, например фторацетат. Наиболее предпочтительными для террористов могут стать органические фосфатные соединения, поскольку они присутствуют в пестицидах и легко доступны. Биологические агенты и токсины удобны для террористов-одиночек или небольших групп. Их легко перенести, замаскировать, они таят в себе смертельную опасность даже в малых дозах.

Химические и биологические агенты можно доставлять к цели самыми различными способами:

- путем закладки взрывных устройств (химических или биологических бомб);
- с помощью самолетов сельскохозяйственной авиации;
- через садовые распылители;
- через системы водоснабжения и вентиляции в зданиях.

Кроме того, имеется возможность нанесения ударов по химическим заводам и биологическим лабораториям.

Одной из извращенных форм технологического терроризма, имеющей потенциально серьезные экономические последствия, является заражение продукции (отравление пищевых продуктов, напитков, лекарств). Так, в 1971 году группа террористов отравила ртутью партию израильских апельсинов, поставившихся в Европу, с целью нанести ущерб экономике Израиля. В 1986 году тамильские сепаратисты угрожали отравить цейлонский чай, предназначенный на экспорт. В 1988 году в США были обнаружены следы цианистых соединений в винограде, импортированном из Чили, а в 1989 году итальянские власти обнаружили в Риме и Неаполе отравленные израильские грейпфруты [19].

Последствия химического и биологического терроризма исключительно серьезны. Вещества, которыми могут воспользоваться террористы, способны привести к уровню заболеваемости и смертности, сопоставимыми с потерями в крупномасштабной войне. Для уничтожения населения земного шара достаточно всего лишь 198 г ботулина типа А [20].

Спортивные арены, концертные залы, универмаги, парки, транспортные терминалы, учреждения, станции метрополитена – иными словами, все места, способные вместить большое количество людей в замкнутом или почти замкнутом пространстве, пригодны для распыления аэрозолей и, таким образом, таят в себе исключительную опасность с точки зрения проведения акций химического и биологического терроризма.

Общий же уровень готовности к борьбе с чрезвычайными ситуациями биологического характера практически во всех странах мира, включая Россию, чрезвычайно низок. Например, в США всего шесть учреждений способны обеспечить четвертый, наиболее высокий уровень биологической защиты: Центр по контролю и профилактике заболеваний, Центр инфекционных заболеваний в Атланте, штат Джорджия, Медицинский научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний Армии США и Национальный центр онкологических

исследований в Форт-Детрике, штат Мэриленд, Национальный институт здоровья в Бетесде, штат Мэриленд, и Центр болезней животных в Нью-Йорке.

Первым шагом на пути снижения угрозы химического и биологического терроризма должно стать налаживание и укрепление связей между сотрудниками правоохранительных органов, пожарными подразделениями, организациями, осуществляющими руководство действиями в чрезвычайных ситуациях (МЧС) и проводящими мероприятия по защите окружающей среды, специальными службами, вооруженными силами, научно-исследовательскими центрами, занятыми разработками в области инфекционных заболеваний. Необходимо также усиление службы сбора информации об эпидемиях.

Следует всячески развивать взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб, при обязательном участии разведывательных подразделений, в целях отслеживания перемещений отдельных групп и лиц, обладающих способностью или намерением нанести удар с использованием «экзотических» средств. Это главный этап в профилактике химического и биологического терроризма. Основной акцент при сборе и анализе разведывательной информации должен делаться на предупреждение инцидентов с использованием оружия массового уничтожения.

Другим не менее важным моментом является развитие перспективных систем и технологий, пригодных для использования спецслужбами и правоохранительными органами в борьбе с химическим и биологическим терроризмом. Основу таких систем могли бы составить датчики обнаружения и идентификации биотоксинов, электрохимические датчики для регистрации химических смертоносных соединений, способные с помощью лазерного луча на большой дальности выявлять токсичные материалы.

Значительную роль призваны сыграть вооруженные силы. Они должны организовать обучение населения, предоставить специальные технические средства и людские ресурсы, в том числе высококвалифицированный полевой медицинский персонал. Следует укреплять связи между бизнесом и правительством в области обмена информацией, изучения риска, распределения ресурсов и совместной подготовки к ликвидации последствий актов терроризма. Сотрудники служб безопасности и пожарных команд промышленных предприятий, лабораторий биоинженерии, химических заводов, транспортных предприятий и других уязвимых объектов должны тесно сотрудничать с местными подразделениями

правоохранительных органов и организациями, осуществляющими руководство действиями в чрезвычайных условиях.

Серьезная роль отводится медицинским мероприятиям – подготовке персонала к оказанию первой помощи, к госпитализации, разработке базовых инструкций по действиям в условиях применения отравляющих химических веществ. Следует повысить возможности эпидемиологического контроля и сбора информации о соответствующих заболеваниях, используя опыт военной и гражданской медицины.

Характерно, что международный комитет Красного Креста стремится привлечь внимание правительств, промышленности и ученых кругов к этой проблеме. Международный центр геномной инженерии и биотехнологии совместно с различными национальными академиями наук разработал проект кодекса поведения ученых, работающих в области биотехнологий. Эти усилия, по мнению Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, следует приветствовать, однако, если их не объединить, их эффект будет разрозненным. ...Сейчас необходим форум, который свел бы вместе все заинтересованные стороны – правительства, промышленность, науку, государственное здравоохранение, службы безопасности и широкую общественность – в рамках общей программы, выстроенной снизу вверх, для обеспечения того, чтобы прогресс в области биотехнологий использовался на общее благо и чтобы выгодами от него одинаково пользовался весь мир. Такие усилия должны обеспечить, чтобы ничто не препятствовало получению потенциальных положительных выгод от этих технологий. Организация Объединенных Наций хорошо подходит для роли координатора и организатора проведения такого форума и привлечения к участию в нем широкого круга соответствующих заинтересованных сторон [21].

Важна подготовка и проведение учений в целях отработки навыков быстрого реагирования и проведения следственных мероприятий. Настало время создать надежную централизованную систему противодействия террористам, которая была бы способна обеспечить принятие решений в кризисной ситуации и быстрые скоординированные действия по управлению на местах.

Такие всесторонние усилия чрезвычайно важны в борьбе с угрозой, которую представляют собой террористы, желающие «повысить ставки» и использовать химическое и биологическое оружие для достижения своих целей.

7.2. Ядерный терроризм – наиболее опасная разновидность технологического терроризма

Наиболее опасной разновидностью технологического терроризма является ядерный терроризм. По мнению специалистов, рост угрозы данного вида насилия обусловлен следующими факторами:

- облегчением доступа к информации о ядерной технологии;
- увеличением числа специалистов, имеющих опыт работы в области ядерной энергетики и смежных с ней областях;
- накоплением в развитых странах большого количества расщепляющихся материалов, пригодных для использования в атомных бомбах.

К тому же во всем мире увеличивается количество атомных электростанций (сейчас их более 400), научно-исследовательских ядерных реакторов (существуют более чем в 50 государствах), промышленных установок по регенерации ядерного топлива и других предприятий повышенного риска, которые располагаются, как правило, на территориях крупных городов либо в непосредственной близости от них [22]. Возрастает объем торговли материалами и оборудованием, которые могут быть использованы для создания атомной бомбы. И, наконец, в больших количествах скапливается ядерное оружие на военных объектах в различных странах мира. Возникает вполне реальная возможность для террористов украсть ядерное оружие или напасть на ядерный объект и причинить ему ущерб, в результате которого может произойти выброс в атмосферу радиоактивных веществ. Так, с середины 60-х годов до середины 80-х годов прошлого века, то есть за период в 20 лет, эксперты специальной международной группы по предотвращению ядерного терроризма насчитали свыше 150 инцидентов различной степени опасности: взрывы, нападения, убийства и похищения сотрудников, кражи расщепляющихся материалов и компонентов оборудования на различных ядерных объектах.

В отличие от Советского Союза, проблема ядерного терроризма перед странами Западной Европы и США стояла уже в 70-х годах прошлого столетия. Там сложилась на сегодня довольно-таки эффективная эшелонированная система защиты ядерных объектов, материалов и компонентов, накоплен значительный опыт борьбы с терроризмом. В СССР и позднее в России, где до начала 90-х годов проявления терроризма практически отсутствовали, работы в этом направлении начались сравнительно недавно.

Большинство населения России слабо информировано о конкретных проявлениях ядерного терроризма, которые имели место в различных регионах мира. Поэтому оно

не представляет вполне отчетливо реальность угрозы таких преступных деяний. По свидетельству российского ученого В. Кривохижи, который одним из первых еще в СССР проводил исследования проблемы международного ядерного терроризма, только в течение 20 лет, начиная с середины 1960-х гг., в Европе и США произошло около 150 инцидентов, способствующих повышению уровня угрозы ядерного терроризма. В их число вошли взрывы в районе расположения ядерных объектов, попытки проникновения на них, похищения и убийства ученых-ядерщиков, кража и контрабанда различных ядерных материалов и т. п. [23].

И тем не менее никакая иная террористическая акция или угроза таковой не подействует с такой силой психологического шока и не внесет такой политической нестабильности, как взрыв атомной бомбы (ядерного заряда, устройства и т.п.).

Учитывая данные факторы, более подробно остановимся на мотивах социально-политического, морально-психологического, криминалистического порядка, которые в значительной мере могут побудить ту или иную террористическую группировку к совершению подобного рода акций насилия.

Символическое повышение ценности. Атомная бомба является символом власти нашего времени. На террористические группы, избравшие терроризм в качестве средства достижения своих политических целей, может действовать завораживающее обстоятельство, что, совершив взрыв атомной бомбы, они смогут козырять своей силой и властью. Обладание атомной бомбой или захват АЭС будто бы обеспечит террористической группе признание ее роли на государственном уровне, даст возможность сесть за стол переговоров с ядерными державами, коренным образом изменить внутривнутриполитическую ситуацию в стране или в целом ряде стран.

Средство принуждения. Никакая иная террористическая акция не подействует с такой силой психологического шока и не внесет такой политической нестабильности, как взрыв атомной бомбы либо захват ядерного заряда и т.п. Реальная угроза ставит правительство (правительства) в безвыходное положение: чтобы не рисковать жизнью своих сограждан, оно (они) будет (будут) вынуждено (вынуждены) под давлением террористов вести политическую линию в направлении, которое им будет предписано.

Весьма опасная ситуация международного масштаба сложилась в 1961 г. с ядерным оружием во Франции, когда группа генералов, недовольных политикой президента де Голля, намеревалась захватить ядерный боезаряд, находившийся на испытательном ядерном полигоне в Сахаре, и предъявить Парижу политический ультиматум. Осознание реальности подобной угрозы побудило высшее руководство

Франции предпринять решительные шаги по ускорению проведения испытательного взрыва этого боезаряда, что и было исполнено 25 апреля 1961 г.

Возможность держать значительную часть страны (ряд стран) в качестве заложников заметно укрепляет позицию террористической группы во время переговоров с правительством. Атомная бомба является для нее несравненным средством, которое позволяет добиться важных целей. Никаким другим средством, кроме ядерной акции, невозможно столь легко поставить под вопрос монополию власти государства, сделать правительство столь беспомощным, разрушить веру народа в способность государства защитить его интересы.

Бывший член террористической организации «Движение 2 июня» Бауман говорил: «Тот, кто обладает подобным, может заставить федерального канцлера танцевать на столе перед телекамерой и любого другого государственного деятеля вместе с ним» [24].

Применение ядерного устройства как крайняя мера. Постоянное совершенствование силами безопасности вооружения, применяемого в целях борьбы с террористами, может поставить последних в положение, когда все используемые ими ранее средства станут неэффективными. Чем успешнее будут действия сил безопасности в борьбе против террористов, тем вероятнее будет готовность терпящей поражение группы прибегнуть к таким радикальным видам вооружений, которые могут решить исход борьбы в ее пользу.

Как государства готовы при определенных обстоятельствах применить ядерное оружие в целях обороны, так и террористические группы могут прибегнуть в безвыходном положении к ядерным средствам. Этот мотив нашел отражение, например, в замыслах «Красных бригад» в конце 70-х годов, когда они намеревались захватить АЭС в Италии. Этот же мотив просматривался в 1985 году в планах воинствующих сикхских террористов, когда они ставили цель захвата и разрушения АЭС в Индии.

Отчаяние и месть. Чем успешнее действия правоохранительных органов против террористов, тем больше опасение, что полностью отчаявшаяся группа увидит единственный для себя выход в проведении акции с использованием ядерного устройства. Неудача прежней стратегии террористической группы, ее поражение, возникновение растерянности и отчаяние могут привести к захвату лидерства в группе радикально настроенным меньшинством, готовым пойти на ядерную акцию.

Ненависть к противнику и жажда мести могут побудить к принятию решения о проведении ядерной террористической акции. Это имело место: когда было

совершено нападение на АЭС в г. Кеберг; когда армянская группа решилась на взрыв трех небольших атомных устройств в г. Гросштедтен в качестве мести за массовое убийство турками армян [25].

Существующие различия (национальные, религиозные). Барьер возможности или невозможности применения террористами ядерного оружия понижен, если покушающиеся и жертвы принадлежат к различным группировкам, как, например, армяне и турки.

В истории борьбы против язычников или неверующих очень часто можно встретить случаи особой жестокости или массовых убийств. Религиозные различия и враждебность характерны в особенности для правых, расистских и религиозных группировок. По отношению к противнику они ощущают только презрение и ни малейшего сочувствия. Религиозно-фанатическую группу не устрасит смерть тысяч «врагов». От подобных акций в прошлом террористов этнического и религиозного толка сдерживало только возможное осуждение мировой общественности, боязнь возмездия против народа их страны или единоверцев. Но это было в прошлом веке, а сейчас – опасность ядерного терроризма неразрывно связана с расширением масштаба деятельности различных экстремистских и фундаменталистских религиозных группировок, рассматривающих террор как мощное средство для достижения своих целей. Многие из них прочно обосновались в различных регионах мира (Ближний Восток, Южная Азия, Чечня), пустили там глубокие корни, что в значительной степени определяет их высокую живучесть и долговременность функционирования.

Террористические группировки, по мнению экспертов, могут сформироваться и в различных религиозных «апокалипсических» сектах, исповедующих массовое насилие как «законное» средство ускорения «божьего суда» над неверующими, воспринимаемыми ими в качестве «детей Сатаны». В последнее время во всем мире количество таких сект (при их колоссальной разновидности) значительно возросло, повысилась активность их экстремистски настроенных проповедников, внушающих своей пастве мысль о греховности и враждебности окружающего мира, необходимости борьбы с «безбожными» правительствами. В частности, агрессивные призывы стали традиционными в техасской секте «Ветвь Давидова» и среди последователей вероучения Л. Журе, группировки которых были выявлены в Канаде и Швейцарии. Указанные секты удалось ликвидировать в 1993–1994 гг. При этом были обнаружены материалы, которые доказывали, что их члены были вооружены и готовились отметить наступление XXI века расправами над инакомыслящими. Не исключалась вероятность использования сектантами оружия массового

уничтожения, поскольку религиозный долг, по заключению Б. Хоффмана, директора шотландского Центра по изучению терроризма и политического насилия, предписывал им убивать во имя «спасения» и торжества «истинной веры». Этот эксперт убежден, что в тех случаях, когда терроризм обосновывается религией, число его жертв неизмеримо возрастает [26]. Подтверждением этому могут служить события, произошедшие 20 марта 1995 года в метро японской столицы.

Активизация группировок криминального терроризма. В структуре различных видов терроризма особое место занимает уголовный терроризм. Основными его субъектами являются прежде всего организованные преступные группы, преступные сообщества и преступные организации национального или транснационального характера. Они используют устрашение и непосредственное насилие в различных формах как главное средство воздействия на власть, ее представителей, на своих конкурентов по незаконному и законному бизнесу в целях перераспределения сфер влияния, собственности и финансовых потоков. Заказные умышленные убийства представителей власти, правоохранительных органов, судов, предпринимателей, банкиров, разборки между конкурирующими преступными группировками, насильственное вымогательство, рэкет стали обычным явлением в нашей стране и в мире в целом. Так, в ноябре 1994 г. одна из преступных группировок под угрозой взрыва Игналинской АЭС потребовала отмены смертного приговора своему главарю.

Широкую известность в свое время получил террористический акт, совершенный в 1975 г. в Бостоне. Там властям США группой злоумышленников был предъявлен ультиматум о передаче им крупной суммы денег под угрозой включить в случае отказа часовой механизм для подрыва ядерной боеголовки. Реальная опасность взрыва оценивалась настолько серьезно, что об этом происшествии был поставлен в известность президент страны. Этот случай выявил полную неподготовленность официальных структур Америки по нейтрализации подобных угроз. В результате в рамках Министерства энергетики была образована специальная команда, оснащенная соответствующим комплектом оружия и поискового оборудования, обеспечивающего дистанционное обнаружение ядерных взрывных устройств и радиоактивных материалов. С тех пор специальная команда находится в постоянной готовности к действиям по нейтрализации подобных угроз. Кроме того, в США утверждена широкомасштабная программа действий властных государственных и правоохранительных структур, а также формирований вооруженных сил в ситуации применения оружия массового уничтожения на территории страны.

Серьезную тревогу вызывает усиливающийся интерес международных мафиозных структур к организации нелегальной торговли расщепляющимися и другими особо опасными материалами, документацией по производству оружия массового уничтожения, отдельными узлами для изготовления ядерного взрывного устройства. По имеющимся данным, это осуществляется главным образом с целью выгодной перепродажи или получения прибылей другими способами. Вместе с тем нельзя исключить в результате подобной активности вероятность приобретения оружия массового уничтожения не только с целью шантажа, но и с намерением осуществления актов терроризма. И здесь речь идет не только о ядерном терроризме, но и существует еще большая вероятность использования в террористических целях химического и биологического оружия. При этом дополнительным соблазном к применению химического оружия в террористических целях является достаточно широкое применение отравляющих веществ полицией и силами специального назначения ряда стран.

Появление террористических групп нового толка. Из года в год возникают новые террористические группы. Это дает основание полагать, что в предстоящие годы могут образоваться группы, которые изберут ядерный терроризм в качестве своей стратегии. Очень большая опасность видится в том, что в настоящее время новые террористические группы образуются из числа радикальных членов религиозно-фанатических сект или группировок расистского толка. Их стратегия с самого начала нацелена на ядерную акцию, на осуществление апокалипсических целей, на стремление наказать «грешный» мир или прийти к раю через чистилище атомной катастрофы.

Первой приметой ориентирования на загробную жизнь была акция самопожертвования шиитских террористов в Ливане. Рост таких форм фанатизма и ненависти в исламском мире по отношению ко всему западному становится все чаще обычным явлением.

Информация, полученная из источников, заслуживающих доверия, указывает на существование в целом ряде стран фанатических сект, которые так же, как и отдельные террористические группы, исповедуют библейский «Армагеддон» – последнюю решительную битву между Добром и Злом, подразумевая при этом использование атомного оружия. Имеется достаточно примеров, подтверждающих этот факт. Так, журналист из ФРГ Шуленберг и американский специалист по сектам Кинг называли экстремистскую организацию «Линдон ля Роше», которая располагает знаниями и возможностями по изготовлению ядерного устройства. Среди

членов правозэкстремистской организации «Ля Роше Нейшенел Козис оф Лейбе Комитиз» находились физики-ядерщики и техники-атомщики. В 1981 году этой организацией была опубликована статья, касающаяся технологии изготовления ядерного взрывного устройства. Там же выдвигалось требование «...остановить евреев и британцев силой и средствами, которые были применены в 1945 году против Японии» [27]. Хотя, по большому счету, конструкция атомного оружия в настоящее время секрета не представляет, и простейшие ядерные заряды могут быть созданы даже в довольно примитивных условиях. Возможность подобного развития событий подтверждается тем, что еще в 1975 г. студент одного из американских университетов на основе опубликованных в открытой печати сведений собрал действующую схему взрывного ядерного устройства простейшего типа. По заключению экспертов, исследовавших эту конструкцию, если бы в ней находилось ядерное вещество, то в случае ее срабатывания произошел бы ядерный взрыв. Во Франции в 1986 г. была опубликована книга Патрика Бертре и Стена Эрикссона «Я купил ядерную бомбу: почему не они?». «Они» – это террористы. В книге указывается, что для покупки ядерного взрывчатого вещества в мире ядерного бизнеса необходимо связаться как с государственными деятелями, так и с заурядными уголовниками, действующими совместно с государственными деятелями [28].

Таковы семь основных мотивов социально-политического и морально-психологического характера, которые, на наш взгляд, могут являться первопричинами ядерного терроризма.

7.3. Проблемные аспекты в системе противодействия технологическому терроризму

Значительное количество оперативных и аналитических материалов, и, конечно же, повседневная практика работы по противодействию ядерному терроризму дают полное основание утверждать, что без наличия у специальных служб и правоохранительных органов надежных агентурных позиций в террористических организациях и окружении ядерных объектов представляется весьма сложным выявлять только на основании анализа внешних признаков подготовку террористов к осуществлению захвата предприятий атомной промышленности и готовых образцов ядерного оружия. Этот вывод основывается на том, что повышенная уязвимость указанных объектов дает преступникам возможность осуществлять внезапные нападения на данные цели ограниченными силами, с использованием специального оборудования, экипировки и вооружения, приобретение которых в настоящее время

не составляет большого труда. При этом специалисты от спецслужб никогда не исключают того варианта, что для реализации своих планов террористы могут пойти на вербовку в качестве своих сообщников лиц из сотрудников персонала объектов либо внедрить «своих людей». С учетом данных посылок, на объектах атомной промышленности, в воинских частях, арсеналах, хранилищах, располагающих ядерным оружием, и подобных объектах постоянно ведется кропотливая контрразведывательная работа, и в первую очередь по проблемам их внутренней безопасности.

Анализ материалов по изучаемой проблеме показывает, что *наиболее слабым звеном в системе обеспечения ядерной безопасности является человек*. В американской печати описывался случай, происшедший на одной из авиабаз, когда сержант ВВС, находясь в состоянии психического расстройства, пытался выстрелом из пистолета в водородную бомбу «с треском свести свои счета с жизнью». Для предотвращения подобных случаев в США был усилен контроль за личным составом, допущенным к ядерному оружию. Ежегодно десятки и сотни военнослужащих отстраняются от службы вследствие обнаружения у них склонности к алкоголизму, наркомании или психической неустойчивости. Куда большую опасность представляло событие, происшедшее в сентябре 1998 года на многоцелевой подводной лодке Северного флота «Вепрь» с торпедами в ядерном снаряжении. Девятнадцатилетний матрос, находясь в состоянии психического срыва, расстрелял восемь человек из состава экипажа, после чего заперся в торпедном отсеке, угрожая взорвать подлодку. Рядом с этой подлодкой находились и другие субмарины, и если бы произошел взрыв, то могла бы возникнуть катастрофа черновыльского масштаба с гибелью сотен и тысяч людей и радиоактивным заражением огромной территории. Видя безвыходность своего положения, преступник застрелился [29].

Достаточно весомым источником опасности может стать утерянное ядерное оружие. К числу таких потерь можно отнести мощную американскую термоядерную авиабомбу, которую случайно обронил в море у берегов Испании в феврале 1958 г. бомбардировщик В-47. Две атомные бомбы лежат на дне Атлантического океана недалеко от города Кейп-Мей (штат Нью-Джерси), которые были сброшены с самолета, направлявшегося в Европу, в связи с возникшими во время полета неполадками в двигателе. Еще две авиабомбы покоятся в акватории Тихого океана в районе залива Пьюджет-Саунд (штат Вашингтон) и в районе города Юрика (штат Северная Каролина).

Не обошлось без потерь ядерного оружия и в СССР. Широко известен случай с гибелью в 1986 г. в Карибском море советской атомной подводной лодки К-219, на которой размещались ракеты с ядерными боеголовками. Американские власти предприняли попытки подъема подлодки и извлечения ядерных боеголовок, однако их усилия не увенчались успехом. В 1989 г. в Норвежском море затонула многоцелевая атомная подводная лодка «Комсомолец», на борту которой находились торпеды с ядерными боеголовками. Попытки поднять подлодку или извлечь из нее торпеды также оказались безрезультатными [30].

В России практически нет регионов, свободных от возможного посягательства террористов, использующих в своем арсенале такую форму терроризма, как ядерный, но наиболее опасным, по мнению многих ученых, является Урал, где сосредоточена российская ядерная промышленность. Кроме известного предприятия «Маяк», производившего ядерную начинку для бомб и боеголовок и расположенного в непосредственной близости от двух крупных городов Урала, в этом регионе находятся многочисленные хранилища радиоактивных отходов, получившие известность благодаря кыштымскому взрыву 1957 г., и хранилище 30 т плутония, выработанного «Маяком» для производства ядерного оружия. На Урале дислоцируются воинские части, имеющие на вооружении ядерное оружие. В этом регионе также планируется разместить хранилище для демонтированных боеголовок. Недалеко от Екатеринбурга расположена Белоярская АЭС. Наконец, реки, болота и озера, как открытые хранилища радиоактивных отходов, самые известные из которых река Теча и озеро Карачай. Радиоактивность только твердых и жидких отходов, сосредоточенных на ограниченной площади, превышает 1 млрд кюри, что само по себе небезопасно, а в случае каких-либо диверсий положение может стать катастрофическим.

Для террористов могут быть особенно привлекательны объекты, находящиеся на территории «Маяка», так как разрушение их повлечет за собой глобальные последствия, сравнимые лишь с ядерным взрывом или даже локальной ядерной войной. Разрушение хранилищ плутония на «Маяке» приведет к распространению плутония в регионе, увеличит смертность от раковых заболеваний и повлечет за собой тяжелые последствия для населения этого региона. Полностью исключенными из хозяйственной деятельности окажутся огромные территории, проживание на которых также станет невозможным. Разрушение «Маяка» грозит остановкой реактора по переработке радиоактивных отходов, что станет причиной резкого накопления отходов и загрязнения окружающей среды.

В случае же диверсии на Белоярской АЭС может произойти радиоактивное загрязнение окружающей среды, от которого в первую очередь пострадают жители Екатеринбурга, Челябинска и близлежащих небольших городов.

Имеется полное основание считать, что акты терроризма на уральских ядерных объектах возможны. Предпосылками к этому являются следующие факторы:

- ранее в качестве сотрудников охраны на объектах «Маяка», да и других ядерных объектах (автор сам проходил воинскую службу на ядерном объекте г. Сарова), использовались военнотрудовые внутренние войска – выходцы из Средней Азии, Кавказа и Закавказья. Эти люди всегда были исполнительными воинами, хорошо осведомлены о тонкостях охранного режима, его сильных и слабых местах и знают, как можно проникнуть на территорию охраняемого объекта;

- значительно снижен общий уровень дисциплины в подразделениях охраны ядерных объектов и, соответственно, уровень непосредственной охраны объекта. Примером этому служит случай 1996 года, когда четверо человек из подразделения «Альфа», переодевшись в одежду ремонтных рабочих, подъехали к проходной атомной станции «Красные зори» (Мурманская область) на обычной машине. Увидев рабочую форму, охранники пропустили их без проверки документов. У главного входа в помещение они представились ремонтниками, забывшими пропуска в общежитии. Поверили на слово, пропустили. Через 55 секунд нападавшие захватили пульт управления всеми четырьмя реакторами, связав находившихся за ними операторов. Операция была проведена в строгой секретности, о ней не знали ни дирекция, ни персонал атомной станции [31];

- получившая широкое распространение коррупция среди сотрудников таможен и других чиновников позволяет беспрепятственно пересекать границы и перевозить оружие и боеприпасы;

- накопление большого количества обычного оружия и боеприпасов на заводах и арсеналах;

- попытки возможного подкупа сотрудников ядерных объектов, «игра» на национальных или религиозных чувствах;

- отдельные расхождения в законах об охране ядерных объектов, а также и отсутствие необходимых навыков в работе обслуживающего персонала в экстремальных и чрезвычайных ситуациях.

И это далеко не полный перечень негативных факторов, влияющих на безопасность функционирования уральского, да и в целом всего ядерного комплекса, находящегося в России, а в ряде случаев – и за рубежом.

По мнению ведущего ученого в области ядерной безопасности В. Дворкина, сегодня угроза ядерного терроризма достаточно реальна не только в отношении объектов по производству и утилизации ядерных боеприпасов на Урале. Опасность представляют стационарные и мобильные ядерные объекты, расположенные на территории страны, которые связаны с производством, эксплуатацией, хранением, переработкой и утилизацией ядерного горючего, в том числе плутония, урана-235, урана-238, дейтерия, трития, объектов по добыче и обогащению руды, исследовательские и промышленные атомные реакторы [32]. Кроме того, бытует мнение, что в террористических целях активно может быть использован аэрозоль плутония, некоторые изотопы которого весьма токсичны. Но вместе с тем поражающие свойства этого аэрозоля пока уступают возможностям химического и бактериологического оружия, производство которого значительно легче наладить на подпольных предприятиях и в лабораториях [33].

Изучение и последующий анализ материалов, затрагивающих проблемы безопасности объектов, представляющих повышенную опасность жизни и здоровью гражданского населения, а также окружающей среде (в первую очередь ядерных и химических комплексов), показывает, что основные усилия в этой области направлены на реализацию комплекса требований, осуществление которых, по мнению специалистов, является чрезвычайно важным.

К данным требованиям следует отнести:

- создание концепции охраны и обороны объекта по его периметру, а также внутри режимной территории с обязательной привязкой к конкретному предприятию (местоположение, тип местности, характер и особенности производства, наличие охраны, автоматизированных систем управления и т. п.);
- создание специальной документальной базы (инструкции, положения, распоряжения), направляющей (обязывающей) деятельность персонала на случай возможных угроз, нападения террористов, пожара, стихийного бедствия, аварии технологического оборудования и др.;
- подготовка из числа руководящих сотрудников объекта так называемой кризисной группы, на которую возлагается управление объектом при возникновении чрезвычайных ситуаций;
- организация получения и обработки разведывательной информации из источников федерального и местного уровня;
- создание специальных групп реагирования, в состав которых входят сотрудники охраны и инженерно-технический персонал, обеспеченные необходимым

снаряжением, экипировкой и технологическим оборудованием для задержания нападающих и ликвидации последствий возможных угроз;

- организация связи и взаимодействия с представителями местных властей, частями вооруженных сил и министерства по чрезвычайным происшествиям;

- создание системы проверки персонала объектов (при приеме на работу, перемещении по службе и т.п.).

Особое внимание при реализации указанных требований на ядерных объектах уделяется созданию эшелонированных систем защиты, а также обеспечению повышенной охраны и обороны «жизненно важных зон» и помещений таких объектов (реакторная установка, система охлаждения, центральный пункт управления, места складирования ядерного топлива и т. п.). Под эшелонированной защитой ядерного объекта специалисты понимают создание трех зон безопасности: первая – по периметру территории объекта; вторая – сочетание электронных систем обнаружения посторонних лиц (террористов) с возможностями сил охраны; третья – система заграждений, запоров, электронных замков и другое специальное оборудование, которое устанавливается во всех помещениях ядерного объекта и может управляться с центрального поста. Несмотря на тот факт, что реализация на практике концепции многоступенчатой защиты предприятий атомной промышленности, которая была разработана Министерством энергетики и Комиссией по ядерному регулированию США, рассматривается как эффективная мера по предотвращению террористических посягательств, эксперты в то же время отмечают ее некоторые недостатки. В первую очередь это относится к тому, что сотрудники сил безопасности практически не располагают возможностями осуществлять контроль над обстановкой вне пределов охраняемой зоны и заблаговременно выявлять подготовку экстремистов к нападению на объект на дальних подступах к нему.

В настоящее время активно изучаются варианты устранения этого недостатка как при помощи технических средств, так и контрразведывательными методами. По признанию специалистов, в вооруженных силах США при обороне ядерных баз уже активно используются радиолокационные станции, способные на значительных расстояниях обнаруживать и определять местонахождение «особо малых целей» (человек, группа людей, дельтаплан и т. п.). Предоставление аналогичной, а также другой военной техники в распоряжение гражданских ведомств США, по оценкам специалистов по борьбе с угрозой ядерного терроризма, позволит в короткие сроки и

без выделения дополнительных ассигнований на разработку подобного оборудования повысить уровень безопасности американских ядерных объектов [34].

По этому поводу в своем докладе 3 мая 2006 года Генеральный секретарь Кофи Аннан заявил: «Наша общая цель должна состоять в том, чтобы обеспечить надежную охрану и, где это возможно, уничтожение ядерного, биологического и химического или радиологического оружия, а также наличие эффективных механизмов внутреннего и экспортного контроля над материалами двойного назначения, имеющими отношение к оружию массового уничтожения. Хотя существуют очевидные трудности с обеспечением контроля за мирным использованием каждого вида опасных материалов, организации системы Организации Объединенных Наций, такие как [Международное агентство по атомной энергии](#) (МАГАТЭ) и Организация по запрещению химического оружия, в сотрудничестве с государствами-членами занимаются решением этих проблем. Эту важнейшую работу необходимо активизировать. Государствам также следует укрепить существующие механизмы обеспечения нераспространения и создать эффективные инструменты для предотвращения распространения оружия массового уничтожения и ракет согласно соответствующим международным договорам» [35].

Проведенный выше анализ позволяет констатировать, что природа ядерного терроризма кроется в корнях самого терроризма, в усилении его активности на международном и национальном уровне. Его угроза во многом обусловлена наличием в мире большого количества ядерных объектов, ядерного оружия, ядерных материалов и радиоактивных веществ, а также существованием реальных условий и предпосылок для использования ядерного потенциала в интересах террористических групп.

Террористические угрозы порождаются несовершенством государственных и правовых форм борьбы с терроризмом, недостаточным уровнем защиты ядерных объектов (оружия, материалов и радиоактивных веществ), а в отдельных случаях некомпетентностью и слабой организованностью персонала и сотрудников охраны в случае нападения террористов или иных устремлений на объект.

Таким образом, «ядерный терроризм – это умышленные действия отдельных лиц, групп или организаций и даже некоторых государств, направленные на создание чувства страха у людей за собственную жизнь и здоровье, за жизнь и здоровье близких, на появление недовольства властями или другими субъектами, связанные с использованием (угрозой использования) сверхопасных свойств ядерного оружия, ядерных материалов, радиоактивных веществ. Такие действия проводятся в

интересах достижения политических, военных, экономических, социальных и других целей террористов» [36].

Итак, ядерный терроризм в XXI столетии превратился в серьезную угрозу для всего мирового сообщества. Его зарождение связано с наличием реальных условий и предпосылок для использования ядерного оружия, ядерных объектов, ядерных материалов и радиоактивных веществ в интересах террористических групп. Вместе с тем угроза ядерного терроризма оценивается как отечественными, так и зарубежными экспертами весьма противоречиво. Отдельные исследователи в принципе отрицают возможность ядерного терроризма на том основании, что за все время существования ядерной технологии еще не было совершено ни одного подобного акта и что последствия практического применения ядерного оружия окажутся катастрофическими не только для властей, но и населения и самих террористов. Но вряд ли такой аргумент можно считать достаточно убедительным. Более обоснованной представляется точка зрения международной группы экспертов, изучающих проблему предотвращения ядерного терроризма, считающих, что «тот факт, что до сих пор мир не был свидетелем ядерного терроризма, не является причиной самоуспокоения» [37]. Да и в условиях массового отчаяния всегда могут найтись люди, готовые прославить себя столь самоубийственной акцией.

Акт ядерного терроризма можно избежать только при условии своевременного принятия необходимых мер предупредительного характера. Ибо «ядерное, биологическое, химическое или радиологическое террористическое нападение имело бы опустошительные масштабные последствия. Помимо огромных человеческих потерь и разрушений оно могло бы нанести смертельный удар по мировой экономике и повергнуть миллионы людей в состояние крайней нищеты. Его последствия с точки зрения младенческой смертности могли бы привести ко второй волне человеческих жертв по всему развивающемуся миру» [38].

Исходя из этого, одним из важных направлений борьбы с угрозой ядерного терроризма, по мнению специалистов, является международное сотрудничество в этой области, включающее в себя реализацию комплекса политических, правовых, организационных, а также других мероприятий, направленных на недопущение подобного рода посягательств. Анализ материалов по изучаемой проблеме указывает на то, что представители западных государств к числу приоритетных относят следующие вопросы:

– заключение двусторонних и многосторонних соглашений по обеспечению безопасности объектов атомной промышленности и энергетики; изучение

возможности подписания международной конвенции по предотвращению актов ядерного терроризма;

– усиление координации и взаимодействия между правоохранительными органами западных стран по выявлению признаков подготовки экстремистских организаций к совершению террористических актов с использованием оружия массового поражения;

– привлечение возможностей специализированных международных организаций (МАГАТЭ, Евроатом, ООН и др.) к осуществлению мероприятий по повышению безопасности и защите национальных ядерных объектов, транспортировке радиоактивных материалов, обучению и переподготовке различных категорий обслуживающего персонала предприятий атомной промышленности и т. д.

При оценке эффективности международных соглашений, направленных на создание благоприятных условий для безопасного функционирования ядерной энергетики, экспертами в данной области подчеркивается, что в настоящее время в мире накоплен определенный опыт правового обеспечения указанной проблемы. Сюда в первую очередь относится Конвенция о физической защите ядерных материалов, Договор о нераспространении ядерного оружия, Соглашение об уведомлении об авариях и других происшествиях на ядерных объектах и т. п. Вместе с тем отсутствие международных соглашений, непосредственно затрагивающих проблему защиты ядерных объектов от возможных преступных посягательств (нападения экстремистов, акты саботажа, хищение радиоактивных материалов), по мнению экспертов, в значительной мере повышает вероятность совершения подобного рода террористических актов. В этой связи в ряде стран, в частности в США, Великобритании и ФРГ, в настоящее время изучается предложение специалистов по борьбе с угрозой ядерного терроризма о заключении соответствующей конвенции. Недавнее принятие [Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма](#), которая призвана помочь государствам сорвать попытки террористических групп завладеть ядерными материалами, а также помочь им в посткризисных ситуациях, обеспечив безопасное хранение ядерных материалов в соответствии с гарантиями, предусмотренными МАГАТЭ, является важным шагом вперед в многосторонних усилиях по предупреждению ядерного терроризма [39].

Одновременно с признанием официальными кругами ряда стран, наличие реальной угрозы использования террористами оружия массового поражения способствовало подписанию в последние годы многочисленных двусторонних

соглашений по вопросам обеспечения безопасности атомных предприятий, предоставления помощи при их строительстве и эксплуатации и т. д. Например, только Комиссия по ядерному регулированию США имеет специальные соглашения в этой области с 21 государством мира. Активная работа в указанном направлении осуществляется также между Францией, ФРГ, Великобританией, Австрией, Швейцарией, Канадой, Японией, Аргентиной, Ираном и другими странами.

Борьба с проявлениями любого вида терроризма, в том числе и ядерного, биологического, химического, должна быть бескомпромиссной, но только силовые методы и действия проблему не решат. Она должна решаться на основе комплексного подхода, разработки и внедрения программы активного противодействия применению террористами химического и бактериологического оружия. Она должна включать:

- меры пассивной защиты: оповещение о химическом и бактериологическом нападении; защиту военнослужащих и персонала, обеспечивающих операции по спасению населения; обеспечение эвакуации; обеспечение эксплуатации стационарных и временных убежищ;

- меры по преодолению последствий: помощь национальным и иностранным органам по борьбе с последствиями применения бактериологических и химических компонентов; выявление неизвестных веществ для защиты гражданского населения; защиту первых жертв нападения; восстановление государственных служб по противодействию химической и бактериологической атак; восстановление и прикрытие гражданской инфраструктуры;

- меры по защите: наблюдение и мониторинг за районом защиты от последствий химического и бактериологического нападения; защиту лиц, находящихся в «чистом» районе; защиту инфраструктуры «чистого» района.

Глава 8.

Главные тенденции терроризма в современном мире

Терроризм как социальное, политическое, криминогенное, экономическое явление существует и развивается в сложных международных и внутривнутриполитических условиях, которые характерны для общественной жизни всех без исключения стран мира, а значит, и России и ее ближайших соседей – стран СНГ, с которыми до настоящего времени имеются в основном прозрачные территориальные границы.

При этом терроризм в настоящее время – это не какое-то разовое, случайное проявление, посягающее на права и свободы отдельных граждан. Сегодня его следует рассматривать как широкомасштабное явление, представляющее угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства. Это объясняется тем, что, во-первых, терроризм подрывает систему государственной власти и управления, снижая, таким образом, эффективность управления обществом, регулирования социально-политических процессов; во-вторых, ослабляя государственные и общественные структуры, он усиливает влияние в обществе оппозиционных антиконституционных образований; в-третьих, активизируя морально-психологическое воздействие на население, он вызывает хаос, беспорядки, жесточенность людей по отношению друг к другу, что опять-таки используется субъектами терроризма в своих политических целях; в-четвертых, располагает огромными денежными средствами и значительным экономическим потенциалом; в-пятых, активно выходя за пределы государственных границ, терроризм все больше и больше приобретает международный характер и представляет собой опасность для международного сообщества.

В конце 80-х годов некоторые политики, ученые и общественные деятели придерживались точки зрения, что окончание «холодной войны», нарождающийся «новый мировой порядок» создают так называемую «международную гармонию», которая обеспечит радикальное сокращение расходов на военные нужды и иные потребности национальной безопасности государств. Одновременно высказывались предположения о снижении в перспективе активности террористических организаций и сокращении усилий по противодействию им.

Однако в начале 90-х годов эксперты стали приходить к выводу о том, что в новой международной обстановке процесс перехода от тоталитаризма к демократии является крайне болезненным, создает дополнительную угрозу миру и что вопросы национальной безопасности, и в том числе борьбы с терроризмом, не менее важны, чем во времена «холодной войны».

Кроме того, многообразие долговременных социальных процессов, среди которых выделяются такие, как: распространение радикализма и экстремизма в политической идеологии и политической борьбе; становление национализма и религиозного экстремизма как глобальных политических факторов; существование значительного дисбаланса потребностей и интересов различных социальных групп и государств; обновление и углубление в практике международных отношений экономического и политического неравенства; обострение социально-экономической дифференциации и неравенства в целом ряде стран и регионов мира и некоторые другие продолжают устойчиво определять значительный диапазон использования насилия в политической борьбе, в том числе в форме терроризма.

Указанные процессы, будучи явлением, выражающим глубинные социальные противоречия современного мира, сопровождаются на той или иной стадии их развития резким обострением социального напряжения, усилением политического и идеологического противоречия различных общественно-политических сил, возникновением кризисов и конфликтных ситуаций внутри отдельных стран или на международной арене. Вследствие специфики терроризма как одного из видов политического насилия применение его противоборствующими сторонами становится все более распространенной формой разрешения указанных кризисов и конфликтов.

Современные условия и цели использования терроризма в политической борьбе на национальном и международном уровне раз за разом ведут к существенному изменению его содержания, организации и тактики. Под воздействием этих условий в развитии терроризма в последние десятилетия XX века сформировался ряд более или менее отчетливых тенденций, изучение которых имеет в первую очередь важное прикладное значение и для понимания его роли как глобальной угрозы человечеству, многим странам мира, и для научной разработки системы мер, необходимых для эффективной борьбы с ним.

Одной из тенденций современного терроризма, характерной для всех стран мира, является неуклонный рост его общественной опасности, как для международных отношений, международной безопасности, так и для конституционного строя, прав и свобод граждан. Основные факторы, определяющие нарастание опасности терроризма, состоят:

во-первых, в общем росте политического экстремизма в большинстве регионов мира, распространении в мировой политике и внутривнутриполитическом противоборстве

практики применения насилия для достижения политических целей организациями, партиями и отдельными политическими движениями;

во-вторых, в вовлечении все более значительных слоев и групп населения (прежде всего на националистической, религиозной, сепаратистской основе) в различные течения политического экстремизма. И это наблюдается на всех континентах мира за исключением Антарктиды;

в-третьих, во все более широком применении террористами особо опасных форм и методов насилия (например, так называемого массового терроризма: Нью-Йорк – 2001 год, Москва – 1999, 2002, 2004 гг., Беслан – 2004 и т.д. и т.п.);

в-четвертых, в изменении тактики террористических организаций различной идейно-политической направленности в сторону выбора в качестве объектов применения силы граждан, не относящихся к политическим противникам террористов (т.н. «слепой терроризм»; проводится в местах скопления людей – это вокзалы, рынки, зрелищные заведения, персонал различных учреждений и т.п.), а также объектов, представляющих повышенную опасность для окружающих (АЭС, воздушные суда и т.п.).

Не следует забывать и об интенсивно наступающих глобальных демографических диспропорциях, когда прирост населения богатых стран за счет собственных ресурсов фактически прекратился и приобретает отрицательную динамику с одновременным и быстрым старением населения, а темпы прироста населения (в том числе мусульманского) в беднейших и перенаселенных странах Азии, Африки, Латинской Америки не только не снижаются, а даже растут.

Европейские, североамериканские и российские народы уже сейчас не могут сдерживать массовый наплыв мигрантов из перенаселенного и беднейшего юга. Более того, согласно серьезным исследованиям стратегия «догоняющего» развития имеет свои объективные пределы. Даже для России она практически нереализуема. Безвыходное положение населения отсталых стран – серьезная социальная база для радикализма и терроризма.

Авторы изданной по заказу Пентагона книги «Терроризм 2000: будущее лицо террориста» М. Сетрон и О. Дэвис считают, что «завтрашние террористы будут вдохновляться не политической идеологией, а яростной этнической и религиозной ненавистью... Ядерное, биологическое и химическое оружие окажется идеальным для их целей...» [180].

Повышение общественной опасности терроризма для внешней и внутренней безопасности стран СНГ, в том числе и для Российской Федерации, как и для многих

стран мира, вполне очевидно. Ибо терроризм – оружие универсальное, берется на вооружение любыми радикалами. Это находит подтверждение в нарастании количества политически мотивированных преступлений в последние годы, в увеличении числа жертв терроризма, в распространении пропаганды насилия как якобы допустимого способа ведения политической борьбы.

Другая важная тенденция современного терроризма – увеличение его социальной базы, вовлечение в политическую экстремистскую деятельность значительной части населения, что сопровождается возникновением дополнительных трудностей для пресечения правоохрнительными органами террористических акций, деятельности их исполнителей и организаторов.

Рассматриваемая тенденция порождена рядом социальных условий современного мира. К ним в первую очередь относятся следующие:

- обострение в целом ряде стран мира регионального сепаратизма, возникновение в некоторых существующих государствах очагов вооруженной борьбы за пересмотр внутренних границ;
- рост участия различных слоев населения, в том числе не обладающих высокой политической культурой, в социально-политической борьбе;
- обострение межнациональных противоречий и вовлечение в них значительных масс населения;
- распространение межконфессиональных противоречий, формирование на этой основе устойчивых очагов политических конфликтов с участием широких слоев населения.

По мнению австралийского эксперта по международному терроризму Г. Уордло, высказанного в начале девяностых годов прошлого столетия, «Восточная Европа уже столкнулась с волной актов политического насилия. В частности, многие террористические акции местных националистических групп были совершены в ходе межэтнических конфликтов и гражданских войн в бывших республиках Советского Союза и Югославии. Ряд террористических актов был связан с захватом самолетов. Власти стран Восточной Европы обеспокоены также наличием на их территориях членов известных международных террористических организаций; выходом на «рынок труда» бывших сотрудников спецслужб стран Восточной Европы, специализировавшихся в свое время в подготовке кадров для организации национального освобождения; наводнением международного «черного» рынка современными видами вооружений; ростом числа беженцев и эмигрантов, что приводит к трениям с местным населением, перерастающим в акты насилия» [2].

Одной из основных тенденций терроризма является, на наш взгляд, приобретение им значения долговременного фактора современной политической жизни. Терроризм за последние годы приобрел социальную устойчивость, несмотря на активные усилия, предпринимающиеся как в рамках отдельных стран, так и на уровне мирового сообщества по его локализации и искоренению.

Современная борьба с терроризмом (после длительных процессов реорганизации в большинстве стран мира соответствующих служб, призванных заниматься проблемами анти- и контртерроризма) при нынешней ее организации в силу целого ряда причин имеет серьезные шансы на успех. Она ограничивается в основном правовыми и силовыми мерами предупредительного и репрессивного характера и направлена преимущественно против существующих террористических организаций и других субъектов террористической деятельности. Эта борьба в целом еще только приобретает комплексный характер и пока в полной мере не сориентирована на воздействие на социальные условия, порождающие терроризм или серьезно ему способствующие. В одной из работ американского социолога Д. Лонга, сотрудника Госдепартамента США, отмечается: «Несмотря на большой общественный интерес, все еще отсутствует согласие в понимании того, что представляет собой терроризм... Никто из ученых до сих пор не преуспел в создании общей теории терроризма» [3].

Среди тенденций современного терроризма заметное место принадлежит блокированию террористических организаций на международном уровне. Речь в первую очередь идет об установлении и осуществлении сотрудничества между структурами близкими или одинаковыми по своей идейно-политической позиции. В частности, В.В. Витюк отмечает, что изменяется соотношение между терроризмом социальным, доминирующим в странах «империалистической метрополии», и терроризмом националистическим, преобладающим в регионах «третьего мира». Между ними возникает прочная идеологическая и политическая смычка, основанная на общей ненависти к «мировому империализму» и приверженности догматическому лозунгу «всемирной пролетарской революции», движителями которой провозглашаются «угнетенные» и «пролетарские народы». Поэтому в идеологический арсенал чисто националистических террористических группировок входят коммунистические клише, а сугубо интеллигентские (вернее, люмпен-интеллигентские) экстремистские группировки в странах капиталистической метрополии считают себя отрядами «мировой Красной Армии»

и видят свой вклад в том, чтобы наносить удары по империалистическому центру, тем самым создавая благоприятные условия для развертывания массовой борьбы на периферии [4].

В силу этого современному терроризму присущ международный характер. Террористы различных национальных организаций поддерживают систематические контакты, оказывают друг другу разного рода услуги: обмениваются опытом, предоставляют необходимую информацию, оружие, убежища, вместе тренируются, а иногда и осуществляют операции интернациональными, смешанными бригадами, в задачу которых нередко входит причинение ущерба рассматриваемому как враждебное иностранному государству. Одной из организационных форм блокирования является создание более или менее стабильных объединений или единых организаций. Например, на базе блокирования шести групп и организаций суннитских исламских фундаменталистов (Хезболлах, отряды Исламского джихада, батальоны Аль-Акса и др.) была создана конфедерация «Палестинский исламский Джихад», которая заняла заметное место среди палестинских организаций, борющихся за создание палестинского государства с использованием методов терроризма. Характерно, что в ряде случаев за их спиной стоят заинтересованные в этом государства, манипулирующие ими через свои спецслужбы.

Тенденция к блокированию террористических организаций отражает их стремление к повышению эффективности своей деятельности. Она в значительной степени обусловлена взаимодействием тех политических сил, которые нередко стоят за теми или иными террористическими организациями, а также общностью или близостью политических целей самих этих организаций. Вместе с тем блокирование указанных структур определяется также сложностью политической, социальной, финансовой и оперативной обстановки, в которой они действуют, и недостаточностью собственных сил для решения выдвигаемых ими задач.

Характеризуя тенденции современного терроризма, нельзя не отметить **тенденцию активной трансформации внутригосударственного терроризма в международный**. То есть переход значительного количества террористических формирований, действовавших на территории отдельного государства, в категорию транснациональных. В качестве главной предпосылки сего выступает единая идейно-политическая платформа субъектов терроризма, общность задач, связываемых ими с внутренним и международным терроризмом. Кроме того, это очень часто обусловлено единством субъекта, участвующего в террористической деятельности обоих видов.

Чаще всего террористическая деятельность в виде международного терроризма осуществляется как своего рода продолжение внутреннего терроризма. В таких случаях борьба определенных политических сил (организаций) против того или иного внутреннего (в рамках данной страны) политического противника (например, против стоящих у власти в стране политических сил и правительства или, наоборот, против оппозиционных им партий и организаций) может переноситься за границу (к примеру, против представительств и интересов своего государства либо против оппозиционной политической эмиграции из данной страны). Примером осуществления международного терроризма, как продолжения внутреннего терроризма, являются преследования турецкой крайне правой террористической организацией «Серые волки» демократической части эмиграции из Турции в ряде европейских государств.

Что касается России, а также государств – бывших республик Советского Союза, то современная политическая обстановка свидетельствует о возникновении в ряде регионов определенных предпосылок для развития некоторых сторон рассматриваемой тенденции. Так, в условиях политического противостояния, происходящего до настоящего времени в отдельных из государств – бывших республик СССР, можно прогнозировать совершение или расширение при определенных условиях террористических акций со стороны внутренних оппозиционных экстремистских организаций в отношении российских граждан и учреждений, как на территории самих этих государств, так и за ее пределами.

Исключительную опасность представляет набирающая силу тенденция все продолжающейся и усиливающейся интеграции терроризма и организованной преступности, как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Организованные преступные группы, организации, сообщества национального и транснационального характера прибегают к практике терроризма либо услугам террористических формирований для устрашения и оказания воздействия на представителей власти и срыва их политических мероприятий, для поддержки угодных ей политических сил, протаскивания в органы власти собственных представителей или, наоборот, для устранения определенных политических сил из властных структур для оказания воздействия на общественное мнение, на поведение избирателей посредством организации кампаний запугивания сторонников нежелательных общественных деятелей и политических организаций, а также дестабилизации ситуации в том или ином регионе и создания обстановки, благоприятствующей совершению преступлений и уклонению от ответственности за

них. Отдельные транснациональные преступные организации, например, итальянская мафия или колумбийские картели, использовали тактику террористических актов, направленных против государства и его представителей, пытаясь помешать расследованиям, воспрепятствовать введению или продолжению энергичной политики правительства в борьбе с ними, ликвидировать активных сотрудников правоохранительных органов, принудить судей к вынесению более мягких приговоров, а также создать обстановку, которая была бы более благоприятной для преступной деятельности.

Здесь бы хотелось сразу отметить, что криминальный (иное название – уголовный) террористический акт, как и любой другой, может быть совершен одиночками и группами лиц. Одиночный терроризм ныне явление относительно редкое, и он не представляет собой общественной национальной или транснациональной опасности. Главными субъектами уголовного терроризма являются организованные преступные группы, преступные сообщества и преступные организации национального или транснационального характера.

От транснациональной преступности и транснациональных преступных организаций в первую очередь исходит скрытая повсеместная и многоплановая угроза. Специалистами-криминологами Соединенных Штатов Америки в одном из документов конца двадцатого века было отмечено: «Организованная преступность, нередко прибегающая к стратегии терроризма, создает прямую угрозу национальной и международной безопасности и стабильности, представляет собой фронтальную атаку на политические и законодательные власти, создает угрозу самой государственности, используя тактику террора. Она нарушает нормальное функционирование социальных и экономических институтов и компрометирует их, что приводит к утрате доверия к демократическим процессам. Она подрывает процесс развития и сводит на нет достигнутые успехи. Она ставит в положение жертвы население целых стран и эксплуатирует человеческую уязвимость, извлекая при этом доходы. Она охватывает, опутывает и даже закабальет целые слои общества, особенно женщин и детей, и вовлекает их в различные и взаимосвязанные преступные предприятия, в частности в проституцию» [5].

Транснациональные группировки криминального терроризма по своей природе склонны к нарушению национальных границ. Хотя ясно, что в век высоких технологий и глобальных торговых и финансовых систем национальные границы стали более прозрачными, чем когда-либо, государства по-прежнему пытаются регулировать проходящие через их границы потоки. Это регулирование есть

основополагающий атрибут суверенитета. Но оно неприемлемо для транснациональных преступных организаций, они бросают прямой вызов государственному суверенитету и безопасности. Такие организации стремятся сделать национальные границы совсем прозрачными, чтобы проникать на территории, находящиеся под контролем других государств. Государства сохраняют суверенитет формально, однако если они не контролируют ввоз оружия, людей и наркотиков на всей территории, то суверенитет утрачивает многое из реального – в отличие от символического значения. Суверенитет сохраняет свою действенность как основа функционирования международного сообщества, однако он уже не отражает реальное положение вещей в области контроля над территориальным наполнением государства.

Следует отметить, что организованная преступность порождает два вида насилия: террористическое насилие, к которому она прибегает для защиты своей территории и доходов, и террористическое насилие против населения и имущества, к которому прибегают отдельные лица в целях получения средств для оплаты незаконных товаров и услуг. В дополнение к этому в контексте незаконного оборота наркотиков отметим насилие, совершаемое отдельными лицами, находящимися под воздействием психотропных веществ. Подсчитано, что среднестатистический потребитель героина совершает 200 преступлений в год с целью получения средств для удовлетворения своего пристрастия. Таким образом, транснациональная преступность становится источником глобально-локального симбиоза насильственной преступности. Как и в случае насилия, обусловленного оборотом наркотиков, отдельные граждане часто становятся жертвами террористического насилия со стороны преступных организаций. Некоторые из них, например, те, которые занимаются торговлей людьми, особенно женщинами и детьми, рассматривают людей в качестве живого товара и, по сути, не признают за ними никаких прав человека.

В последние годы активно происходит сращивание криминального терроризма с политическим, национальным и религиозным. Как правило, руководители всех современных террористических группировок помимо национальных, религиозных, территориальных, политических имеют своей целью получение материальных выгод или обеспечение доступа к власти для получения возможности перераспределения материальных и государственных ценностей. Исследователи всего мира отмечают практику широкого участия террористических организаций в различных видах незаконного бизнеса и сотрудничества с преступными сообществами. У. Лакер

однажды заметил, что в 70-е годы терроризм становится участником крупного бизнеса, а в некоторых регионах приобретает все черты транснациональных корпораций [6]. Следует напомнить, что сказано это было тридцать лет назад. А за этот срок много произошло изменений, и, к сожалению, не в лучшую сторону.

Преступные организации, активно исповедующие методы криминального терроризма, уже в силу самой своей природы подрывают гражданское общество, прибегая к терроризму, обостряют напряженность во внутренней политике и угрожают нормальному функционированию государственного управления и правопорядка. Их деятельность особенно эффективна, если правительство уже ослаблено или является нестабильным, причем преступные организации еще более расшатывают обстановку. По мере того, как они «осознают масштабы своего влияния и свою силу в условиях слабости государственного управления или половинчатых усилий по борьбе с ними, переход таких групп от усилий, направленных только на нейтрализацию правительственных правоохранительных мер, к усилиям, направленным на то, чтобы самим занять место правительства, уже не кажется слишком фантастичным» [7].

Преступные организации не всегда вступают в прямую конфронтацию с государством. Альтернативный путь состоит в проникновении в органы государственной власти, их коррумпирование с целью нейтрализации правоохранительных мер. Общая цель в том, чтобы правительство заняло попустительские позиции и не принимало серьезных мер в отношении такой организации для пресечения ее деятельности. Один из путей ее достижения состоит в заключении молчаливого соглашения ограничить насилие, пока правительство не вмешивается в экономические предприятия данной группировки. Другим путем является коррумпирование должностных лиц, имеющих полномочия или власть для принятия мер в отношении преступной организации, с тем чтобы они оставались в бездействии, получая за это вознаграждение от нее.

Наихудшим является положение, при котором правительственные чиновники и преступная организация вступают в сговор. Роль правительства здесь практически сводится к укрывательству преступной организации. Таким образом, отдельные чиновники оказываются на содержании местных мафиозных группировок, а мафиозные структуры стремятся занять лидирующие позиции во властных структурах. По данным Всемирного банка, ежегодно на подкуп чиновников и политиков в мире тратится порядка 80 млрд долларов [8].

Организованная преступность, стремясь к желаемым политическим результатам, используется некоторыми далекими от политической чистоты партиями, которые получают от организованных преступников серьезную финансовую поддержку, расплачиваясь за это лоббированием интересов преступных формирований, включением в свои списки представителей от организованной преступности, оказанием иной политической помощи уголовному миру. Так, на выборах в Государственную думу в 1999 году, например, по партийным спискам баллотировалось 86 кандидатов из числа ранее судимых или находящихся под следствием. И они не были одиночками, за ними стояли соответствующие организации. В условиях России этому способствует несовершенное законодательство о партиях и выборах. Процесс его существенной переработки начался, но он протекает противоречиво в борьбе мнений различных политических образований как в самой Думе, так и за ее пределами. При обсуждении проекта закона о партиях очень остро стоял вопрос о нерегистрируемом финансировании партий частными лицами. Аналогичная практика существует и в некоторых других странах. Вспомним хотя бы дело о тайном финансировании партии Гельмута Коля [9].

Организованные преступные сообщества представляют собой серьезную угрозу существованию финансовых и коммерческих учреждений на национальном и международном уровнях. Они внедряются в учреждения, занимающиеся законной деятельностью, запугивают их владельцев актами терроризма, извращают цели их функционирования до такой степени, что они уже не могут служить ни интересам общества, ни интересам акционеров. Ослабление управления такими учреждениями могут привести к злоупотреблению общественными средствами. Процесс внедрения в законные учреждения является стержневым в усилиях транснациональных преступных организаций по завязыванию связей как с деловыми кругами легального бизнеса, так и с политической верхушкой. Если подобный процесс удастся, то усилия правительств и правоохранительных органов по борьбе с названными организациями значительно затрудняются. Здесь уместна аналогия с вирусом, разрушающим иммунную систему организма. Разложение финансовых учреждений представляет собой опасность и потому, что может подорвать доверие к ним общества и вызвать серьезные долгосрочные последствия в том, что касается мандата всеобщего доверия к экономике. На международном уровне отмываемые деньги еще более подрывают способность правительств контролировать и регулировать глобальную финансовую систему и управлять ею. Одновременно существует опасность того, что принятые

меры приведут к обратным результатам. Так, в ответ на вызов транснациональных преступных организаций могут быть приняты меры, способные затруднить законную финансовую деятельность. Подтверждением этому могут служить данные Дальневосточного государственного университета, проводившего исследования о тенденциях и перспективах борьбы с организованной преступностью и опиравшегося в своих исследованиях на данные МВД России. Согласно им к концу 90-х годов организованная преступность контролировала не менее 40% частных предприятий, до 60% – государственных и около 80% – коммерческих банков страны [10].

В последнее время в политическом лексиконе появился термин «теневое управление», который характеризует закрытость государственных структур от общественности с целью скрыть связи с преступным миром. Это активно использовали чеченские сепаратисты. К. Ипполитов и С. Гончаров приводят в качестве примера выступление С. Радуева перед выпуском боевиков в 1997 г., где он рекомендовал боевикам: занимать лидирующие позиции в мафиозных структурах России повсеместно, особенно имеющих явно выраженный этнический характер – дагестанских, корейских, вьетнамских, цыганских. Через эти структуры чеченские боевики получают возможность действовать в России. Это способ реализации политики устрашения чужими руками, способ увода от ответственности экстремистских группировок. Он ведет к росту социальной напряженности, приобретая явно политический оттенок. Более того, преступные группировки присваивают любыми путями (как легитимными, так и нелегитимными) различные объекты – торговые, производственные, транспортные и т. п. [11].

Ярким дополнением к материалу, изложенному выше, является и следующий факт. В 2001 году начальник Управления ФСБ РФ по Смоленской области генерал-майор В.Н. Маслов рассказывал: «Большинство проживающих в области представителей некоренных национальностей традиционно поддерживают между собой тесные контакты. Буквально на глазах формируются их общины, они регистрируются в органах юстиции, становятся с каждым днем все многочисленнее и устойчивее. В первую очередь это относится к азербайджанской диаспоре, которая еще в 1997 году зарегистрировала мусульманское религиозное общество «Хиджас», представляющее интересы Духовного управления мусульман европейской части России. С 1999 года официально функционирует Смоленское азербайджанское объединение, в котором, по заявлению его лидера, около 500 членов, а в этом году подобное общество создано в Вязьме. В конце 2000 года в Смоленске зарегистрирован Центр татарской культуры. Конечно, большинство из этих

национальных организаций находятся в зачаточном состоянии, испытывают серьезные финансовые проблемы. Но если вспомнить, что еще пять лет назад мы вообще не имели понятия о подобном всплеске национального самосознания среди некоренных жителей области, то тенденция вырисовывается совершенно очевидная. Я хочу, чтобы меня правильно поняли: появление таких организаций вполне законно, это нормальный процесс. Но с позиции контрразведывательной работы надо реально осознавать и то, что в любой момент эти организации могут стать базой для тех экстремистски настроенных лиц, которые могут сюда приехать и на их базе обосноваться и вынашивать планы совершения тех или иных терактов». Причем нужно знать психологию начальника ФСБ. Если уж он решил публично выразить опасения насчет «баз террористов», то, скорее всего, ситуация накалилась до крайней степени [12].

Очень важно осознать и следующую криминологически важную историческую причину. Глобальный терроризм особо интенсивно стал развиваться в послевоенное время в связи с противостоянием двух мировых систем – социализма и капитализма. Эти две идеологические системы, беспощадно борясь между собой, взрастили армады террористов, направленных друг против друга. Ныне стало известно, что правительства противостоящих сторон нередко ставили перед собой террористические задачи уничтожения неугодных лидеров тех или иных стран. Это способствовало разрастанию государственной поддержки терроризма другими странами (Афганистан, Ирак, Иран, Ливия, Пакистан и т.д.). Известно, что Усама бен Ладен имел связи с американскими спецслужбами в Пакистане и Афганистане и участвовал в организации борьбы моджахедов с советскими войсками. Именно в этот период была создана там «Аль-Каида», острие которой было направлено против СССР, а ныне – на США.

Снижение идеологического противостояния в мире оставило идеологические террористические организации без соответствующей поддержки и средств существования. Профессиональные террористы стали искать других покровителей. И находят их в транснациональной организованной преступности.

Таким образом, в условиях снижения поддержки терроризма некоторыми странами, террористические организации вынуждены сами заниматься прибыльным бизнесом (торговлей наркотиками, оружием, взрывчатыми и сильнодействующими веществами, «живым товаром»), и их сотрудничество с хорошо организованными и законспирированными преступными сообществами, коррупционно связанными с властями, выгодно террористическим формированиям. В ходе решения этих задач

террористические организации сотрудничают со структурами организованной преступности как на временной, так и на относительно длительной основе. По мнению Г. Уордло, слияние терроризма с уголовной преступной деятельностью наиболее ярко проявляется в области незаконного производства и торговли наркотиками [13]. Торговцы наркотиками в Перу, например, не имели иного выбора, кроме как установить отношения с террористической организацией «Сендеро луминосо» («Сияющий путь»). Дело в том, что члены этой организации обеспечили защиту тех, кто выращивает коку, и торговцев наркотиками в обмен на часть доходов, получаемых от торговли наркотиками. Взимаемые средства позволили организации «Сияющий путь» финансировать ее кампанию по свержению правительства. Фактически эта связь представляет собой «деловые взаимоотношения, в которых каждая сторона использует другую для достижения своих собственных целей». Кроме того, наркоденьги являются гарантированным источником доходов, который в перспективе может представлять более высокую степень надежности, чем зависимость от спонсоров, имеющих непостоянные интересы [14].

В целом за последние годы все большее число террористических и экстремистских группировок различной ориентации (ультраправые, ультралевые, националистические, сепаратистские и др.) прибегают для финансирования своей деятельности к участию в наркобизнесе.

Формы этого участия могут быть различными: выращивание наркосодержащих растений, производство и (или) контрабанда наркотиков, охрана плантаций с наркотическими культурами, выполнение поручений наркодельцов по устранению конкурентов или лиц, заподозренных в сотрудничестве с правоохранительными органами.

Активно занимаются наркобизнесом сепаратистские движения в районе «Золотого треугольника», в частности организация «Члены рода Мео» (Meo Tribesmen) во главе с «генералом» Ванг Пао, оперирующая на севере Лаоса. В Мьянме (Бирма) длительное время действовали отряды так называемой «Бирманской коммунистической партии», к началу 90-х годов расколовшейся на отдельные группировки по национальному признаку. Крупнейшую из них возглавлял Кун Са (настоящее имя Чан Чифу). По некоторым данным, он контролировал до 80% производства опиума в «Золотом треугольнике» [15].

Ультралевые экстремистские группировки на Филиппинах обеспечивают финансовые поступления за счет выращивания марихуаны и сбыта ее наркокартелям.

Торговлю наркотиками ведут поддерживаемые Пакистаном сепаратисты в индийских штатах Пенджаб, Джамму и Кашмир. Таким образом они частично покрывают расходы на покупку оружия и снаряжения. По сообщениям индийской прессы, потребление наркотиков распространено среди самих пенджабских и кашмирских боевиков. Многие террористы, совершившие тяжкие преступления в этих штатах, находились в состоянии наркотического опьянения.

Гражданская война в Афганистане привела к резкому подъему производства наркотиков в этой стране и соседнем Пакистане. По оценкам английских экспертов, производство опиума в Афганистане возросло с 250 тонн в 1977 г. до 600–800 тонн в 1989 году. В выращивание и переработку опийного мака активно включились различные повстанческие формирования Исламской партии Афганистана (ИПА) – г-ну Хекматиару принадлежит крупнейшая в мире «фабрика» по производству героина, сооруженная при техническом и финансовом содействии американской наркомафии [16].

Получаемые от торговли наркотиками средства лидеры повстанцев использовали как для приобретения вооружения и снаряжения, так и для личного обогащения. Как считают специалисты, доходы афгано-пакистанской наркомафии в середине 90-х годов прошлого столетия достигал 10 млрд долл. в год. Соперничество между различными группировками моджахедов объясняется не только разницей в политических взглядах, но и борьбой за господствующее положение в производстве и продаже наркотиков. По мнению индийских дипломатов, контроль над афганским многомиллиардным наркобизнесом является ключевым фактором в борьбе за власть между моджахедами в Кабуле.

Наркобизнесом занимаются и исламские фундаменталистские группировки в Ливане, включая известную террористическую организацию «Хезболлах». Плантации индийской конопли (около 250 кв. км) и опийного мака (до 20 кв. км) сосредоточены в основном в долине Бека, за контроль над которой ведут борьбу враждующие ливанские формирования.

Весьма тесные связи между террористическими группировками и наркобизнесом существует в странах Латинской Америки. Посевы опийного мака, как и плантации коки, в Колумбии усиленно охраняются отрядами «Революционных вооруженных сил Колумбии» (РВСК) и «Национальной освободительной армии» (НОА). Эти организации господствуют во многих местностях Колумбии, что делает практически невозможным уничтожение урожая наркотиков на контролируемых ими территориях. Правоохранительные органы европейских стран располагают

сведениями о связях с наркобизнесом членов таких террористических организаций, как турецкие «Серые волки», «Страна басков и свобода» (ЭТА), итальянские «Красные бригады».

Еще одно из противоправных направлений, которое получило широкое распространение среди бандитских формирований организованной преступности и, соответственно, криминального терроризма, – это торговля «живым товаром». На XX конгрессе ООН, посвященном проблемам преступности и проходившем в апреле 2000 г., отмечалось, что торговля людьми – самый быстроразвивающийся рынок в мире. Это второй после наркотиков по прибыльности бизнес. Ежегодно от 4 до 5 млн человек перевозятся нелегальным путем, что дает преступникам доход около 7 млрд долларов.

Для России проблема торговли людьми с каждым днем приобретает все более острый характер, особенно на Дальнем Востоке. Так, сегодня в Китае, по некоторым данным, находится от 5 до 10 тысяч российских граждан, используемых в качестве «живого товара». Согласно отдельным аналитическим отчетам, только в одном Таиланде насчитывается более 5 тысяч проституток российского происхождения. Первоначально они были завербованы на работу на Дальнем Востоке России, а затем переправлены в другие страны. Русские женщины пользуются большим спросом у азиатских бизнесменов из Японии, Китая, Таиланда [17].

Эксперты ООН отмечают, что еще одним фактором, способствующим их слиянию, являются технологические интересы. Хищение ядерных материалов и возможность их использования с целью крупномасштабного вымогательства и шантажа наводит на мысль о том, что грань между такими преступлениями, как вымогательство и политический терроризм, все больше и больше стирается. Возможен вариант, когда транснациональные преступные организации похищают ядерные материалы и продают их террористическим организациям. По другому варианту, похитители плутония сами воспользуются им для шантажа правительства [18].

Современные террористические группы и объединения, используя в своей деятельности криминальное начало, повышают опасность терроризма, усиливают его потенциал по применению насилия для решения политических задач. Слияние терроризма и организованной преступности ведет к значительному расширению финансовых, материальных и оперативных возможностей терроризма, усилению его инфраструктуры. Кроме того, криминальный терроризм характеризуется еще и тем, что он плотно сращивается со всеми видами терроризма, используя в своей

преступной деятельности практически все существующие формы насилия, расширяя тем самым не только сферу своей деятельности, но и значительно увеличивая наносимый ущерб жизненно важным интересам личности, общества, государства и мирового сообщества в целом.

Учитывая капиталы, находящиеся в распоряжении организованной преступности, приобретение огромного экономического богатства и влияния и распоряжение ими, преемственность и жизнеспособность структур и операций, постоянное вовлечение новых людей в преступную деятельность и пополнение рядов преступных организаций, а также беззастенчивые методы ведения своей деятельности позволяют организованным преступным формированиям противостоять правоохранительным органам и специальным службам, системам правосудия и уголовного преследования. Исходя из этого, очень важно, чтобы правительства всех стран мира приняли соответствующее решение на применение более жестких мер борьбы против организованных преступных организаций и установили всеобъемлющее и эффективное сотрудничество. При этом, памятуя о том, что дальнейшее смыкание терроризма и организованной преступности ведет к значительному расширению финансовых, материальных и оперативных возможностей терроризма, усилению его инфраструктуры.

Но вместе с тем, как ни прискорбно, до настоящего времени особым террогенным условием является низкая эффективность борьбы с терроризмом, и в первую очередь с криминальным (уголовным). Общеизвестно, что преступная деятельность эффективна: минимум усилий и максимум выгоды (если не учитывать «лотерейной» уголовной ответственности). Терроризм веками использовался в качестве особо эффективного оружия в борьбе с политическими и иными противниками и конкурентами. При ограниченных силах и средствах он позволяет достигнуть значимых политических, идеологических или экономических целей. А возможность ответственности за его совершение почти нулевая. Более того, для террористов-смертников никакое наказание не страшно. А организаторы террора практически недосыгаемы для правосудия. Раскрываемость терроризма является крайне низкой. Она находится в пределах 5–10–20 процентов от числа зарегистрированных террористических актов. Тогда как 80–90% реальных террористических действий достигает своей цели. Таким образом, эффективность террористов в 6–8 раз выше антитеррористической деятельности. И еще один факт. Общеизвестно, что терроризм и в России, и в мире ныне стал главным образом организованным. И это повышает его результативность. А доказывать организованный терроризм еще труднее.

Например, в 2001 г. в России расследовалось 402 случая терроризма. Завершено расследованием 44 случая, или 10,9%. Из них установлено всего лишь 11 случаев (около 3%), которые были совершены организованными преступными формированиями. В 2002 г. рассматривалось 518 случаев терроризма. Завершено расследованием 86 случаев, или 16,6%, из них установлено лишь 22 случая (4,2%) совершенных преступными организациями. Хотя реально долю организованного терроризма можно оценить в пределах 70–80%. Но поскольку 9 из 10 террористических действий остались нераскрытыми, их организованный характер является недоказанным. И это становится одной из серьезных криминогенных предпосылок [19].

Изучение состояния и тенденций современного терроризма показывает, что он превратился в высокой степени опасный и долговременный фактор развития современного общества, оказывающий на его развитие серьезное дестабилизирующее воздействие. Эволюция целей, средств и методов терроризма превратила его в серьезную угрозу для жизненно важных интересов общества, государства и личности в большинстве стран мира.

Эффективность анти- и контртеррористической борьбы с терроризмом всегда будет зависеть от адекватности той системы мер, которую создает мировое сообщество, каждое государство для защиты от этой угрозы. Действенность такой системы мер в решающей степени зависит от объективности и своевременности выявления изменений, которые происходят в содержании, организации и тактике терроризма, от глубины анализа этих изменений и прогнозирования их дальнейшего развития.

Заключение

Современный терроризм характеризуется участившимися актами насилия особой жестокости. Он отличается: большим размахом, отсутствием явно выраженных государственных границ, наличием связи и взаимодействия с международными террористическими центрами и организациями; гибкой и разветвленной организационной структурой. Для создания большего морально-психологического эффекта и общественного резонанса налажено информационно-пропагандистское обеспечение. Ведется работа по отбору и подготовке сторонников, активных функционеров и боевиков с целью их целенаправленного использования в кризисных районах.

Терроризм, будучи крайней формой выражения социального, этнического, религиозного радикализма и экстремизма, не склонен останавливаться ни перед чем для достижения своих целей. Именно этой стратегии террористы отдают предпочтение перед цивилизованными способами решения социальных, национальных, религиозных и других конфликтов.

С ориентации террористов на захват власти в своих странах и превращение терроризма в международную силу стратегия и тактика террористических организаций во все большей степени стала переходить на такие формы и способы ведения действий, которые в наибольшей степени порождали бы страх среди населения и обеспечивали наибольший пропагандистский успех. Отсюда пренебрежение к потерям среди мирного населения и стремление спровоцировать силы правопорядка на неадекватный ответ на террористические акты, вызывающий недовольство и даже враждебность мирного населения.

Масштабы терроризма во всем мире обуславливают необходимость столь же активного противодействия ему, а это, в свою очередь, предполагает его интенсивное изучение, поиск ответов на вопросы: почему терроризм получил столь широкое распространение; почему к нему столь часто прибегают для решения самых разных задач; к чему может привести террористическая активность при наличии оружия массового поражения? Соответственно, злободневными становятся вопросы борьбы с терроризмом. А именно: каким образом должно расти и совершенствоваться международное сотрудничество; какими должны быть национальные законы; какова должна быть организация системы контртерроризма? Народы и правительства во всей полноте и силе должны представить себе то, что намного превосходит самые опустошительные эпидемии и сравнимо лишь с атомной войной. С учетом всего прошлого опыта можно утверждать: нет никакой

надежды на то, что к терроризму и впредь не будут прибегать тоталитарные правители, политические безумцы или снедаемые тщеславием сепаратисты.

Терроризм относится к числу общечеловеческих проблем. Поэтому подход к решению этих вопросов должен отражать данное обстоятельство. Это относится к согласованному пониманию проблемы терроризма, тщательному изучению и анализу теоретических вопросов данного вида насилия. Все это, соответственно, служит основой создания более эффективных государственных и международных правовых актов, и особенно комплексных программ борьбы с терроризмом, совместное планирование и осуществление предупредительных, оперативно-разыскных, политических, экономических и судебных мероприятий.

Мы глубоко надеемся, что данное пособие окажет определенную помощь в познании вопросов по определению причин и условий, порождающих терроризм, анализу и трансформации видов и форм этого вида насилия, что в должной мере поможет в разработке эффективных мер анти- и контртерроризма.

Примечания

Введение

1. USA Wireless File. ERF 202. 3/4/1997. P. 2.
2. Цит. по: Путилин Б.Г. Террористический интернационал. Жуковский; М.: Кучково поле, 2005. С. 156.

Глава 1

1. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV. М., 1955. С. 401.
2. См.: Словарь русского языка. Под ред. С.И. Ожегова. М., 1953. С. 735–736.
3. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. М.: Издательство «Щит-М», 1999. С. 10.
4. См.: Словарь иностранных слов. Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова. М. С. 640–641.
5. Салимов К.Н. Указ. соч. С. 10.
6. См.: Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление. С. 37.
7. См.: Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 8.
8. The Indian Journal of International Law. Vol. XVII. 1977. No 1. P. 70.
9. Rosen S.J., Frank R. Measures against International Terrorism // International Terrorism and World Security. L., 1975. P. 14.
10. См.: Covert Action. Number 22 (Fall 1984). P. 4.
11. Там же.
12. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. Учебное пособие. М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2003. С. 4–5.
13. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Указ. соч. С. 4–5.
14. Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 6.
15. Ganor B. Defining Terrorism: Is One Man`s Terrorist Another Man`s Freedom Fighter? / ICT Papers on Terrorism. Jerusalem, Israel: The International Policy Institute for Counter-Terrorism, The interdisciplinary Center, Herzliya, Israel, 2002. P. 9–10.
16. См.: Ермаков С.М. Понятийные аспекты терроризма / Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. С. 51.
17. См.: Авдеев Ю.И. Указ. соч. С. 42.
18. Пфаль-Трауберг А. Правый терроризм в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 1997. № 4. С. 130–135.
19. Patterns of International Terrorism: 1980 // Central Intellingence Agency, PA 81-10163U. 1981. June. P. 11.
20. Независимая газета. 2001. 29 декабря.
21. См.: Практика борьбы с терроризмом за рубежом. Москва: ВНИИ МВД России, 1999. С. 40–85.
22. Там же.
23. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 142.
24. См.: Практика борьбы с терроризмом за рубежом. С. 40–85.
25. См.: Хоффман Б. Указ. соч. С. 32.
26. См.: Ермаков С.М. Указ. соч. С. 60.
27. Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы: Справочник. Междунар. отношения. 1990. С. 173.

28. См.: Tron-Tam. Crimes of Terrorism and International Criminal Law // A. Treatise on International Criminal Law.-Vol. I: Crimes and Punishment, USA. 1973. P. 493.
29. Foreign Affairs. 1974. No 1.
30. Forcing Affairs, 1974. P. 163.
31. International Law Association. Report of the 56-th Conference. New Delhi, 1974. P. 156–172.
32. Левин Д.Б. Ответственность государства в современном международном праве. М., 1966. С. 83.
33. Карпец И.И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 64–98.
34. Ляхов Е.Г. Указ. соч. С. 28.
35. Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1. С. 40.
36. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. С. 59.
37. Арбатов А. Сотрудничество России с Западом и антитерроризм // Современная Европа. 2002. № 2. С. 5.
38. См.: Miller R. The Literature of Terrorism // Terrosm. 1988. № 1. P. 63, 74.
39. Patterns of International Terrorism: 1980 // Central Intelligence Agency, PA 81-10163 U. 1981. June.
40. Doc. A/44/29.
41. Беглова Н.С. Указ. соч. С. 36.
42. Joyner C. In Search of an Anti-Terrorism Policy: Lessons from the Reagan Era. «Terrorism», 1988. No. 1. P. 30.
43. Балуев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: международно-политическое измерение: Монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004. С. 77.
44. Итоговый документ Венской встречи представителей государств – участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. М.: Политиздат, 1989. С. 8–9.
45. Проблемы борьбы с международным терроризмом / Заседание Ученого Совета ИГП АН СССР // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 151.
46. Моджорян Л.А. К вопросу о сотрудничестве государств в борьбе с международным терроризмом // Советское государство и право. 1990. № 3. С. 101.
47. Бельсон Я.М. Интерпол в борьбе с уголовной преступностью. М.: Наука, 1989. С. 162–163.
48. Bassiouni Ch. International Control of Terrorism: Some Policy Proposals // International Review of Criminal Policy. 1981. No 37. P. 44.

Глава 2

1. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учебное пособие. М., 1998. С. 13.
2. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 9.
3. Кабанов П.А. Политический терроризм: Криминологическая характеристика и меры сдерживания. Нижнекамск: НКФ МГЭИ, 1998. С. 19–20.
4. Путилин Б.Г. Террористический интернационал. Жуковский; М.: Кучково поле, 2005. С. 194.
5. Кабанов П.А. Указ. соч. С. 21.
6. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Указ. соч. С. 10–11.
7. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г.

Глава 3.

1. Roberts A. *Terrorism and International Order*. Routedge: Roy. inst. of intern. affairs, 1988. P. 37.
2. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. Учебное пособие. М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2003. С. 6–9.
3. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., Издательство «Щит-М», 1998. С. 10.
4. Комсомольская правда. 1994. 29 октября.
5. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Указ. соч. С. 7–8.
6. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. М.: Издательство «Щит-М», 1999. С. 58.
7. Долгова А.И. Терроризм, проблема его правовой оценки и борьбы с ним // Международный терроризм в СНГ. Материалы «круглого стола». М., 2003. С. 73.
8. См.: Ващенко В.И. Преступность террористической направленности // Криминология. Второе издание. Глава 25. Под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 644.
9. См. подробнее: Блищенко В.И. Международно-правовые проблемы государственного терроризма. М., 1989.
10. Терроризм в современном капиталистическом обществе. Вып. 3. М., 1983. С. 13.
12. На эту программу обращается внимание и в исследовании, подготовленном Секретариатом ООН в 1972 году. См.: Док. ООН А/С.6/418-438. P. 7.
13. Cassese A. *Terrorism, Politics and Law: The Achille Lauro Affair*. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 143.
14. См.: Ляхов Е.Г. Проблемы сотрудничества государства в борьбе с международным терроризмом. М., 1979. С. 21.
15. См.: Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. М., 1986. С. 14–15.
16. Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 40–41.
17. Наумец А.Б. Влияние религиозного фактора на возникновение терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 136–137.
18. Хвьяля-Олинтер А. Ваххабизм: вчера, сегодня, завтра // Профессионал. 2000. № 6. С. 28.
19. Хлобустов О.М., Федоров С.Г. Терроризм: реальность сегодняшнего состояния // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 76.

Глава 4

1. См.: Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1965. С. 355; Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 83; Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 174.
2. См.: Старушенко Г.Б. Правовые аспекты борьбы с международным терроризмом / Тезисы доклада. XXIX ежегодное собрание Советской ассоциации международного права. М., 1986. С. 14.
3. Текст резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств,

- направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах» см. в: *Международная жизнь*. 1985. № 6. С. 144.
4. Ляхов Е.Г. Указ. соч. С.15.
 5. См.: Беглова Н.С. Указ. соч. С. 40.
 6. Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. Государственный терроризм – угроза международной безопасности // *Советское государство и право*. 1987. № 2. С. 78–84; Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. С. 37–39; Латыпов У.Р. Об определении понятия «государственный терроризм» // *Советский ежегодник международного права*. 1986. М.: Наука, 1987. С. 324–329.
 7. Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. Указ. соч. С. 81.
 8. Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. С. 38. Близкое к изложенному понимание государственного терроризма мы находим также у известных американских исследователей Л. Фридмана и М. Стола: Stohl M. *National interestes and State Terrorism in International Affairs* // *Politics of Terrorism*. New-York-Basel: Dekker, 1988; Freedman L. *Terrorism and Stragu* // *Terrorism and International Order*. Routledge: Royal institut of international affairs, 1988.
 9. О понятии силы в международных отношениях см.: Левин Д.Б. *Международное право и сохранение мира*. М.: *Международные отношения*, 1971. С. 13–111; Менжинский В.И. *Неприменение силы в международных отношениях*. М.: Наука, 1976; Тункин Г.И. *Право и сила в международной системе*. М.: *Международные отношения*, 1983; Ширманазашвили Г.В. *Принцип ненападения в международных отношениях*. М.: Изд-во ИМО, 1967. С. 40–42.
 10. Ляхов Е.Г. *Политика терроризма – политика насилия и агрессии*. М., 1987. С. 60–61.
 11. Моджорян Л.А. *Терроризм на море*. М., 1991. С. 84–85.
 12. Латыпов У.Р. *Международно-правовая борьба с государственным терроризмом: Дис... канд. юрид. наук*. М., 1986. С. 46–47.
 13. Латыпов У.Р. Об определении понятия «государственный терроризм». С. 327.
 14. Латыпов У.Р. *Международно-правовая борьба с государственным терроризмом*. С. 37.
 15. См.: Там же. С. 38.
 16. См.: Шармазанашвили Г.В., Цикунов А.К. *Право народа и нации на свободу и независимость*. М., 1987. С. 73.
 17. Wilkinson P. *Terrorism and the Liberal state*. 1985. P. 263.
 18. Wardlaw G. *Political Terrorism. Theoru, Practies and Contermeasures*. Camber., 1982. P. 60.
 19. Ibid.
 20. Моджорян Л.А. *Терроризм на море*. С. 86.
 21. См.: *Международная борьба с терроризмом (правовые аспекты): Научно-аналитический обзор*. М., 1989. С. 37.
 22. Энтин М.Л. *Сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом. Некоторые новые тенденции // Новое политическое мышление и процесс демократизации*. М., 1990. С. 31.
 23. См.: *Азия и Африка сегодня*. 1987. № 6. С. 17.
 24. Авдеев Ю.И. *Типология терроризма / Современный терроризм: состояние и перспективы*. М., 2000. С. 57.
 25. Левин Б.В. *Проблема ответственности в науке международного права*. *Известия АН СССР. Отделение экономики и права*. 1946. № 2. С. 105.

26. Ежегодник Комиссии международного права. 1975. Нью-Йорк, 1976. Т. 2. Ч. 1. С. 105.
27. Там же. С. 11.
28. Cassese A. *Terrorism, Politics and Law: The Achille Lauro Affair*. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 12.
29. Crenshaw M. *Terrorism and International Cooperation*. New York: Institute for East-West security studies, 1989. P. 15.
30. Wilkinson P. *Terrorism and the Liberal state*. 1985. P. 275–276.
31. См., например: Шрагин В.О. *Терроризм – государственная политика США. Вашингтон против свободы народов*. М., 1984; *Зловещий оскал милитаризма*. М., 1984; *Меньшиков В.М. Оборотни стреляют из-за угла*. М., 1986; *Афанасьев Н.Н. Терроризм и агрессия в арсеналах империализма*. М., 1987.
32. Горбачев М.С. *Живое творчество народа*. М., Политиздат, 1984. С. 37; *Горбачев М.С. Избранные речи и статьи*. М., Политиздат, 1987, Т. 3. С. 358–360, 374–375, 386–387.
33. Wilkinson P. *Fighting the Hudra; International Terrorism and Rule of Law // Terrorism, Ideology and Revolution*. Brighton, 1986. P. 213.
34. Rubinstein R. *Op. cit.* P. 236.
35. *Обвинение в заговорах с целью убийства руководящих деятелей иностранных государств. Предварительный доклад специальной сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов США*. М.: Прогресс, 1976.
36. Rubinstein R. *Op. cit.* P. 211.
37. *Московские новости*. 1991. № 17.
38. *Заявление Центра общественных связей КГБ СССР // Правда*. 1991. 8 апреля.
39. *Комсомольская правда*. 1991. 2 октября.
40. Sterling C. *The Terror Network*. New-York: Holt, Rinehart and Wilson, 1981.
41. Woodward B. *Veil: The Secret Wars of the CIA 1981–1987*. New-York, 1987.
42. Goren R. *The Soviet Union and Terrorism*. Sidney, 1984.
43. <http://www.agentura.ru/dossier/people/grinyaev/obob/> С. 7.
44. *Информация ТАСС. Лист ЕЦ 761*. 1988. 3 сентября.
45. *Известия*. 1991. 24 сентября.
46. *Известия*. 1990. 31 июля.
47. *Wall Street journal*. 1990. 22 august.
48. См.: Поляков К.И., Хасянов А.Ж. *Палестинское движение сопротивления и формирование палестинской государственности*. М.: ИВ РАН, 2001. С. 53–54.
49. См.: Петрищев В.Е. *Антитеррористическое законодательство за рубежом // Современный терроризм: состояние и перспективы*. С. 223.
50. *Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г. «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии»*. <http://www.un.org/russian/unitingagainstterrorism/report.html>.
51. Ляхов Е.Г. *Терроризм и межгосударственные отношения*. С. 30.
52. Там же. С. 30.
53. Там же. С. 31.
54. *Международный терроризм: борьба за геополитическое господство*. С. 178–179.
55. *Оганян Р. Театр террора / Автор-составитель Р. Оганян*. М.: Грифон, 2006. С. 284–285.

56. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М., 2002. С. 113–136.
57. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. М., 2002. С. 531.
58. Оганян Р. Театр террора / Автор-составитель Р. Оганян. М.: Грифон, 2006. С. 285.
59. Цит. по: Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 182.
60. Там же. С. 185.
61. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Палестинское движение сопротивления и формирование палестинской государственности. С. 30; *Patterns of Global Terrorism*, 1991. P. 43.
62. См.: Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 22; Там же. 1995. № 5; Там же. 1998. № 2. С. 12–14, 22–28; Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 186–187.
63. См.: Бабкин С.Э. Движение политического ислама в Северной Африке. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. С. 231.
64. Жаринов К.В. Терроризм и террористы. С. 413–418; Егорин А.З. История Ливии. XX век. М.: ИВ РАН, 1999. С. 361–368.
65. См.: Лаврентьев В.Л. Ливия: Справочник. М.: Наука, 1985. С. 75; Бычков А. Чечня рядом с экватором // Эхо планеты. 2000. № 44. С. 30; Хоффман В. Терроризм: взгляд изнутри. С. 231–232; Исламизм: глобальная угроза? // Научные доклады. 2000. № 2. М., 2000. С. 9.

Глава 5.

1. Грачев С.И. Спаси себя сам: практикум личной безопасности: Учебное пособие. – Н. Новгород: Институт стратегических исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – С. 5–6.
2. См.: Предпринимательство и безопасность. М.: Универсум, 1991. С. 155.
3. Там же. С. 156.
4. Jenkins V. *Terrorism: Trends and Potentialities*. Santa Monica: Rand Corporation, 1987. P. 80.
5. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г. «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии».
6. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия, Учебное пособие. М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2003. С. 29–30.
7. Там же. С. 30–31.
8. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: Монография. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 251.
9. Еврейское слово. 2003. 7 июля.
10. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 июня 1996 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» // Сборник постановлений Пленума Верховного суда РФ. М., 1998.
11. Дильдин Ю.М. и др. Место взрыва как объект криминалистического исследования: Учебное пособие. М., 1995. С. 8.
12. См.: Предпринимательство и безопасность. М.: Универсум, 1991. С. 157.
13. См.: Грачев С.И. Спаси себя сам. С. 112–115.
14. Poland J. Op. cit. P.157.
15. The London Times. 1979. August 28. P. 1.

16. Корнилов А.А. Между войной и миром. О процессе принятия внешнеполитических решений в Государстве Израиль (1948–1993 гг.): Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1994. С. 87–89.
17. Rosie G. the Dixectory of Internationl Terrorism. New York: Paraton House, 1986. P. 43–44.
18. Dos. UNO S/PV. 2651. 4 February 1986.
19. Ibid.
20. Cassese A. Terrorism, Politics and Law: The Achille Lauro Affair. Cambrige: Polity Press, 1989. P. 143.
21. The Wall Street Journal. 1995. Nowember 4. P. 10.
22. Литературная газета. 1990. 18 июня.
23. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 412–413.
24. Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы: Справочник. М.: Междунар. отношения, 1990. С. 179–181.
25. Новое время, 1987. № 25. С. 27–28.
26. О понятии пиратства см.: Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1. П/т. 2. М., 1949. С. 179; Merrien J. Op. cit. P. 19; Лазарев М.И., Бараболя П.Д. Государственное и частное пиратство // Морской сборник. 1967. № 5. С. 39–45; Броунли Я. Международное право: В 2-х кн. М., Прогресс, 1977. Кн. 1. С. 353–362.
27. Цит. по: Моджорян Л.А. Терроризм на море. С. 7.
28. Известия. 1990. 11 августа.
29. Шемякин А.Н. Международное морское право в сложной самоорганизующейся системе морского права // Ежегодник морского права 2002 г. М., 2003. С. 67–68.
30. Гайкович А., Никитин Н. Морской терроризм: кораблестроительный аспект // Экспорт вооружений. 2003. № 2. С. 30–31.
31. Strategic Plan for The Organization (for the six-year period 2004 to 2010). 25 November 2003. Assembly of International Maritime Organization, p. //I:\ASSEMBLY\23\RES\944.DOC. 18 March 2004.
32. Ibid.
33. См: Моджорян Л.А. Терроризм на море. С. 78–80.
34. IMO Conference on Maritime Security. London, December, 2002. Цит.: Н.Е. Jose Luis Jesus, Judge, International Tribunal for the Law of the Sea. «Protection of Foreign Ships against Piracy and Terrorism at Sea: Legal Aspects» // The International Journal of Marine and Coastal Law, Vol. 18, № 3. Kluwer Law International, 2003. P. 363–364.
35. Моджорян Л.А. Терроризм на море. С. 7.
36. Специалисты отмечают, что в практике международного сотрудничества на основе принципа «либо выдай, либо накажи» наибольшие сложности вызывает проблема выдачи преступников. См., например: Н.Е. Jose Luis Jesus, Judge, International Tribunal for the Law of the Sea. Op. cit. P. 390.
37. Н.Е. Jose Luis Jesus, Judge, International Tribunal... P. 391.
38. Меры Международной морской организации по борьбе с терроризмом (из доклада Генерального секретаря ООН от 2 июля 2002 г. «Меры по ликвидации международного терроризма»), п. 186. В кн.: Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Сборник документов. Сост.: В.С. Овчинский. М., 2003. С. 386.
39. См.: www.imo.org.
40. Crime-research.ru. 05.08.2004.
41. Survival. 1997. V. 39. N 3. P. 135–155.
42. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г.
43. Intelligence Newsletter. 2006. N 342. P. 8.

44. Intelligence Newsletter. 2006. N 345. P. 18.
45. 45.The Police Chief. 2006. November. P. 36–37.
46. 46.The Police Chief. 2006. November. P. 39–42.
47. Survival. 1997. V. 39. № 3. P. 137.
48. Путилин Б.Г. Террористический интернационал. С. 172.
49. См.: Букин Д. Хакеры. О тех, кто делает это // Рынок ценных бумаг. 1997. № 23. С. 55.
50. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Указ. соч. С. 55–56.
51. См.: Современный терроризм: новые правила старой игры. USIA Wireless File. ERF 203. 3/4/97. P. 10.
52. 52 Survival. 1997. V. 39. N 3. P. 141.
53. Цит. по: Путилин Б.Г. Террористический интернационал. С. 173.
54. Survival. 1997. V. 39. N 3. P. 142.
55. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г.

Глава 6.

1. Сборник «Литература русского зарубежья». М.: Книга, 1990. Т. 1. С. 410.
2. Грачев С.И. Спаси себя сам. С. 64–68.
3. Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М.: Междунар. отношения, 1987. С. 122.
4. Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилов А.А. Соединенные Штаты Америки и международный терроризм. Монография. Н. Новгород: Институт стратегических исследований ННГУ, 1999. С. 58–61.
5. Public Report of the Vice-President,s Task Force on Combatting Terrorism. P. 15.
6. Public Report... P. 12.
7. Р. Фишер, У. Юри. Путь к согласию, или Переговоры без поражения. М.: Наука, 1990. С. 46.
8. Там же. С. 50.
9. Там же. С. 50.
10. «Стокгольмский синдром» – это проявление набора психологических реакций, которые выражаются в следующем: заложники начинают испытывать положительные эмоции по отношению к террористам; заложники начинают испытывать отрицательные эмоции по отношению к властям; захватившие заложников начинают испытывать чувство симпатии по отношению к захваченным. Факторы, способствующие развитию синдрома: продолжительное течение времени; устранение изоляции между заложниками и лицами, их захватившими; налаживание продолжительного контакта между заложниками и лицами, их захватившими.
11. Цит. по: Илларионов В.П. Переговоры с преступниками. М., 1993. С. 56–57.
12. Достоевский Ф.М. Полн. собр. художественных произведений. Т. 6. М.-Л., 1926. С. 298.
13. Анохин П.А. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М., 1973. С. 28.
14. См.: Моссад: зарубежные операции // Новости разведки и контрразведки. 2002. 22.02 // WWW.fas.org/irp/world/israel/mossad; Эпштейн А.Д. Бесконечное противостояние. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. С. 96–97.
15. Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура. С. 83–85; Эпштейн А.Д. Бесконечное противостояние. М., 2003. С. 96.
16. Жаринов К.Б. Терроризм и террористы: Исторический справочник. Минск: Харвест, 1999. С. 381–382; Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. С. 85;

- Кригоузов В.А. Борьба правоохранительных органов России с похищением людей и захватом заложников на Северном Кавказе // Современный терроризм: состояние и перспективы. С. 190–191.
17. Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. С. 85; Кригоузов В.А. Указ. соч. С. 190–191; Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 407.

Глава 7.

1. См.: Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1965. С. 355; Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 83; Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 174.
2. <http://www.hopkins-biodefense.org>.
3. Независимое военное обозрение. 2001. № 11.
4. Studies in Conflict and Terrorism. 1999. Vol. 22. N 1. P. 79–91.
5. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Указ. соч. С. 47.
6. The Police Chief. 1996. N 10. P. 70–78.
7. Studies in Conflict and Terrorism. 1999. Vol. 22. N 1. P. 79–91.
8. Там же.
9. Там же.
10. Известия. 2003. 9 января.
11. Герасеменко С. Биологическое супероружие: что русскому забава, то негру смерть // Комсомольская правда. 1999. 5 октября. С. 5.
12. См.: <http://газета.ru>, 12.08.2000.
13. Независимая газета. 2001. 16 октября.
14. См.: Зарубежное военное обозрение. 2002. № 3. С. 63.
15. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г.
16. См.: Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 68–69.
17. Герасеменко С. Биологическое супероружие... С. 5.
18. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г.
19. The Police Chief. 1996. N 10. P. 70–78.
20. Ibid.
21. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г.
22. Security Vanagerment. 1988. N 12. P. 28.
23. См.: Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 48.
24. Oakley R. International Terrorism: current trends and the US Response. May 1985. Wash., GPO.
25. Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилов А.А. Соединенные Штаты Америки и международный терроризм. С. 72.
26. Report of International Task Force on Preventing Nuclear Terrorism (The Publication Draft) // Carnegie Endowment for International Peace. 1986. June 6 (Internal use only).
27. См.: Mullen R. High Technology Terrorism, 1986. P. 1–48; Preventing Nuclear Terrorism. P. 107.
28. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. М.: Издательство «Щит-М», 1999. С. 27.
29. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 51.
30. Там же. С. 49.
31. См.: Пипия Б. Террористы могли захватить АЭС за одну минуту // Независимая газета. 05.12.1997 г. С. 2.

32. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 55.
33. Путилин Б.Г. Террористический интернационал. Жуковский; М.: Кучково поле, 2005. С. 166.
34. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 426–427.
35. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г.
36. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 57.
37. Report of International Task Force on Preventing Nuclear Terrorism.
38. Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана 3 мая 2006 г.
39. Там же.

Глава 8.

1. Цит. по: Современный терроризм: состояние и перспективы. С. 76.
2. Pacific Defence Reporter, 1993, Annual reference edition. P. 20–21.
3. Long D. The anatomy of terrorism. New-York, 1990. P. 9.
4. См.: Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи // Социс. 1993. № 7. С. 43.
5. См.: DOC. 28 (A/9028). P. 14.
6. Цит. по: Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: Монография. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 42.
7. См.: DOC. 28 A/9028. P.14.
8. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 45.
9. Там же. С. 44.
10. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 47.
11. См.: Ипполитов К.Х., Гончаров С.А. Разрастание угрозы терроризма в регионе Северного Кавказа / Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 117.
12. Стригин Е.М. Кавказский гамбит: ЦРУ против ФСБ / Евгений Стригин. М.: Алгоритм, 2006. С. 103–104.
13. Основы борьбы с организованной преступностью. Монография / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.: «ИНФРА-М», 1996. С. 24.
14. Pacific Defence Reporter, 1993. Annual reference edition. P. 20–21.
15. Основы борьбы с организованной преступностью. Монография / С. 24.
16. Там же. С. 25.
17. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 46.
18. Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилов А.А. Соединенные Штаты Америки и международный терроризм. Монография. Н. Новгород: Институт стратегических исследований ННГУ, 1999. С. 82.
19. Лунев В.В. Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты. [http:// www.mosorgcrimrescenter.ru Luneev/Terrorism/part2.htm](http://www.mosorgcrimrescenter.ru/Luneev/Terrorism/part2.htm).

Список использованных источников и литературы:

Международные и нормативно-правовые акты

1. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 года // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLIII.- М.: Международные отношения, 1989.- С.99-105.
2. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1997 года // A/RES/52/164
3. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Заявление председателя Совета Безопасности: Роль Совета Безопасности в предотвращении вооруженных конфликтов. Документы// Московский журнал международного права. 2001. №1. С. 230-253.
4. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма // Российская газета. 2002 г. № 127.
5. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Сборник документов. Сост.: В.С. Овчинский. М., 2003. -386 с.
6. морского права.- М.: Международные отношения, 1989. - С.160-164.
7. Текст резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах» см. в: Международная жизнь. 1985. № 6. С. 144.

Межгосударственные соглашения, декларации, коммюнике

8. Декларация Глав Государств и Правительств Российской Федерации и Государств – Членов НАТО. Рим, 28 мая 2002г. // <http://www.mid.ru>
9. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Шанхай, 15 июня 2001 г.// Дипломатический вестник. 2002. N 3. С. 51 - 56.

Материалы законодательных учреждений и ведомств исполнительной власти Российской Федерации

10. Военная доктрина Российской Федерации (Утв. Указом Президента РФ 21 апреля 2000г.) // Российская газета. 25 апреля 2000 г.
11. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (в ред. Федеральных законов от 25.07.2002 N 112-ФЗ, от 30.10.2002 N 131-ФЗ) // Российская газета. 30 октября 2002 г.
12. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ "Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации"// Российская газета, 05.04.1995.
13. Федеральный закон N 144-ФЗ от 12.08.1995 « Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета, N 160, 18.08.1995.
14. Федеральный закон "О внешней разведке" (№ 5-ФЗ 10.01.96 г. с изменениями от 7 ноября 2000г.) http://svr.gov.ru/svr_today/doc02.htm

15. Федеральный закон РФ от 10.07.2002 № 88-ФЗ « О ратификации международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма // Российская газета. 2002 г. № 127.
16. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" // Российская газета. 27 июля 2002 г.
17. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35 -ФЗ О противодействии терроризму // Российская газета. 10 марта 2006 г.
18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [от 12 мая 2009 г. № 537](#).
19. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.)
20. Уголовный кодекс Российской Федерации. Нижний Новгород: «Литера», 1996.- 256с.

Исследования

21. Антонян Ю.М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Изд. «Щит-М.», 2001.- 305 с.
22. Антонян, Ю.М., Смирнов В.В. Терроризм сегодня.- М. : ВНИИ МВД России, 2000.- 54 с.
23. Балугев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: международно-политическое измерение: Монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004. – 231 с.
24. Безопасность личности, общества, государства. Монография. В 2 т. Под общей редакцией академика О.А. Колобова.- Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ, 2008. – Т.1- 522с.; Т.2- 608с.
25. Варфоломеев А.А., Колобов А.О. Борьба с терроризмом и безопасность: Краткий словарь современных терминов и понятий.- Нижний Новгород: ФМО ННГУ, 2003. – 180 с.
26. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. Учебное пособие. – М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2003.- 66с.
27. Грачев С.И. и др. Соединенные Штаты Америки и международный терроризм: монография. Нижний Новгород: Нижегородский Гос. Университет, 1999. - 350 с.
28. Грачев С.И. Спаси себя сам: практикум личной безопасности: Учебное пособие. – Н. Новгород: Институт стратегических исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – 151 с.
29. Грачев С.И. Терроризм. Вопросы теории: Монография. – Н. Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. – 269 с.
30. Грачев С.И. Терроризм и контртерроризм в условиях глобализма: Монография. – Н. Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. – 354 с.
31. Грачев, С.И. Радикальные течения ислама: зарубежный опыт противодействия и его использование в России: Учебное пособие / С.И. Грачев, О.А. Колобов. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007.- 245с.
32. Корнилов А.А. Безопасность превыше всего. Концепции внешней политики и национальной безопасности Государства Израиль: Монография.- Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 2005. – 140 с.

33. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/ Отв. Ред. А.А. Чекалин; под ред. В.Т. Томина, В.С. Устинова, В.В. Сверчкова. – М.: Юрайт-Издат, 2002. – 1015с.
34. Ляхов Е.Г., А.В. Попов. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. Монография. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 1999. - 435 с.
35. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: Монография. М.: Изд-во РАГС, 2005. - 528 с.
36. Нетаньяху Б. Война с терроризмом: Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма / Пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2002. – 206 с.
37. Оганян Р. Театр террора / Автор-составитель Р. Оганян. – М.: Грифон, 2006. – 336с.
38. Ольшанский Д. В. Психология террора М. : Академический проспект . 2002. - 318 с.
39. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. Москва: Эдиториал УРСС, 2001.- 288с.
40. Путилин Б.Г. Террористический интернационал. Жуковский; М.: Кучково поле, 2005.- 320 с.
41. Стригин Е.М. Кавказский гамбит: ЦРУ против ФСБ / Евгений Стригин. М.: Алгоритм, 2006. – 464 с.
42. Тамайко Л.Л. Средства массовой информации как субъект предупреждения терроризма и экстремизма: монография.- Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. - 140 с.
43. Террор и антитеррор: Покушения, взрывы, убийства / Автор-составитель Т.И. Ревяко. – Мн.: Литература, 1997.- 608 с.
44. Терроризм. Научное издание. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – 122 с.
45. Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий: Научно-справочное издание / Под общ. Ред. акад. О.А. Колобова.- М.: Изд-во «Экслит», 2003.- 480 с.
46. Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. – 231с.

Справочные издания

47. Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Ист. Справочник / Под общ. Ред. А.Е. Тараса. – Мн.: Харвест, 1999. – 606 с.
48. Международный терроризм: Глоссарий, аналитические материалы, документы: Научно-справочное издание / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. Москва; Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, АВН России, 2003. -471 с.

Сведения об авторе:

Грачев С.И. – доктор политических наук, профессор кафедры основ внешней политики и безопасности России Нижегородского национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского, полковник ФСБ России (в запасе).

Автор книг: «Соединенные Штаты Америки и международный терроризм» (Н. Новгород, 1999); «Современные подходы к характеристике международного терроризма» (Н. Новгород, 1999); «Захват заложника и похищение человека. Организационные, тактические и поведенческие аспекты противодействия» (Н. Новгород, 2000); «Спаси себя сам: практикум личной безопасности» (Н. Новгород, 2005); Терроризм: вопросы теории (Н. Новгород, 2007); Терроризм и контртерроризм в условиях глобализма (Н. Новгород, 2007), Радикальные течения ислама: зарубежный опыт противодействия и его использование в России: Учебное пособие, (Н. Новгород, 2007), Практикум личностной безопасности граждан: учебное пособие: в 3-х частях. Ч. 1 (Н. Новгород, 2010), Технологии противодействия международному терроризму на государственном уровне США и оценка их эффективности: учебное пособие (Н. Новгород, 2010), Терроризм и противодействие ему в современной России (Н. Новгород, 2010),. Контртерроризм: организационные, правовые, финансовые аспекты и вопросы профилактики. (Учебное пособие) (Н. Новгород, 2010), Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории(Н. Новгород, 2010), а также целого ряда статей по проблемам теории терроризма, анти- и контртерроризма, вопросам международной, национальной безопасности и обеспечения безопасности личности. Имеет более 80 научных и учебно-методических публикаций.